
АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
КСЕНОБ-19
ЭКСМО

Annotation

Никто из жителей колонии Ксеноб-19 не задумывался о названии планеты.

Оторванные от Земли, потерявшие связь с прародиной, они боролись за выживание, как могли. Немногие задавались вопросами и пытались отыскать истину, понять почему колония медленно вымирает, а город превращен в Цитадель, осаждаемую механоформами иной расы.

Несколько человек, стечением обстоятельств поставленных вне общества, находят в себе силы пойти на риск, ради выяснения истины.

Никто из них даже не представлял какой она будет — правда о самих себе...

Андрей Ливадный Ксеноб-19 (Иной разум — 3)

Пролог

Город возвышался на берегу залива.

Огромный мегаполис имел вид подковы, он словно обнимал водную гладь, сбегая к галечным пляжам исполинскими уступами жилых кварталов, постепенно сходя на «нет» — ближайшие к воде строения уже являлись одноэтажными и тонули в зелени парков, зато обратная сторона «подковы» вздымалась к облакам вертикальной стеной, выгибаясь навстречу враждебному миру неприступным валом прочнейшего стеклобетона, в толще которого располагались сотни оборонительных уровней, рубежей, постов — электронно-механический мир, стоящий на страже города, никогда не спал, — миллионы сенсоров сканировали дальние и ближние подступы, контролировали воздушное пространство, а еще выше, в районе орбит, десятки спутников ткали незримую паутину тотального контроля.

Если смотреть на спутниковую карту материка, то взгляд различал инфраструктуру постепенно приходящих в упадок внешних дорог, сеть заброшенных агроферм; кроме этого на снимках из космоса были отчетливо видны постепенно, год от года уменьшающиеся в размерах так называемые «зоны терраформирования». Искусственные лесопосадки, не смотря на тщательный уход, постепенно мельчали, вырождались, деревья, не успев окрепнуть, начинали сохнуть, теряя целые ветви, а то и вовсе засыхая на корню. Очевидно, лесопарковые зоны не могли нормально развиваться на узкой полосе прибрежной земли в тесном соседстве с огромным городом, но вне защищенных укреплениями стен не произрастало вообще ничего. Если подняться на самый верх исполинской «подковы» то можно было увидеть равнину: опаленную, покрытую бесчисленными шрамами свежих и уже оплывших воронок, с обязательной коркой остекленевшей почвы по краям. Такой абсолютно безрадостный для глаза ландшафт простирался приблизительно на одну четверть площади материка, постепенно сливаясь с линией горизонта.

Город с замкнутыми циклами жизнеобеспечения, существовал в тесной связи с океаном, кроме того, в основании исполинской постройки виднелись защищенные дополнительными укреплениями арочные «входы» через которые к побережью несли свои воды две реки.

В океане неподалеку от залива возвышалась гряда островов, рельеф которых подвергся тотальным изменениям в результате человеческой

деятельности — там располагались стартовые комплексы космопорта и мощные системы противоздушной обороны.

Город, с многотысячным населением был замкнут, окружен со всех сторон свидетельствами успешного поначалу, но внезапно остановленного планетного преобразования. Мегаполис функционировал максимально изолировано от внешнего мира, и это обстоятельство не могло не сказаться на образе жизни населявших его людей.

Если бы не высокие кибернетические технологии, то быт граждан колонии превратился бы в несносное существование: скука и однообразие похожих друг на друга дней, одни и те же лица, ограниченность пространства, отведенного для проживания и отдыха, грозили социальными катастрофами психическими заболеваниями, но…

Решением большинства глобальных проблем для жителей мегаполиса стал введенный системой СКАД[1] проект «параллельных жизней».

Истоки данной технологии уходили в глубины секретных разработок военного ведомства, никто из пользователей киберпространства не мог с точностью сказать, кто изобрел, а затем внедрил в повседневную жизнь устройства «психологической разгрузки» связанные с адаптивными виртуальными реальностями, уникальными для каждого отдельного взятого человека.

Ходили слухи, что данная технология была привезена с Земли, и изначально существовала в виде программы психологической разгрузки для бойцов спецподразделений, но истины не знал никто, — существовал информационный разрыв между первыми поселенцами и поколениями их потомков, возникший в результате провала программ терраформирования, и так называемым «темным десятилетием» когда все силы и ресурсы колонии были брошены на возведение самодостаточного города-крепости, призванного не только стать домом для сотен тысяч колонистов, но и защитить их от агрессии со стороны враждебных всем живому механоформ, безраздельно властвующих на материке…

Город-крепость хранил много тайн, но современное поколение не стремилось разгадать их — надежно защищенные, обеспеченные всем необходимым, люди чувствовали себя вполне комфортно и уверенно, не задаваясь лишними вопросами — они принимали данность, которая их вполне устраивала.

По крайней мере, так поступало большинство, за исключением единиц, которые по тем или иным причинам не вписывались в систему, создавая нежелательные прецеденты поведения.

Обычно такие возмутители спокойствия исчезали быстро и незаметно для других граждан колонии.

Часть 1

Глава 1. Верхние уровни Цитадели. Настоящее…

О чем мечтают люди?

Говорят все мечты лежат у нас глубоко в подсознании, и только прямой контакт нейронов с сетью, где среди прочего существует твой, сугубо личный виртуальный мир, способен вскрыть пласт потаенного.

Да, в большинстве случаев это действительно так. Виртуалка раскрепощает, она сильна своей анонимностью и поистине уникальными возможностями для реализации самых причудливых фантазий, которые выразишь в «реале».

…Старинные электронные часы тихим печальным зуммером отметили наступление полуночи, когда капитан Светлов сменился с дежурства.

Он передал вахту на одном из тысяч боевых постов другому офицеру и теперь медленно спускался по широкой лестнице к вестибюлю уровня, за бронированными окнами которого открывался вид на обширную парковку.

Флайкар Светлова внешне мало отличался от других машин, разве что цвет серебристого металика вот уже несколько лет как вышел из моды, но Антон не менял окраску, — машина устраивала его такой, как есть, а следовать за изменчивыми веяниями ему казалось глупой тратой времени и средств

За десятки километров от парковки в квартире одного из жилых модулей, его ждал ИПАМ[2]. Единственное существо, к которому он испытывал чувство приязни в этом мире, как ни странно являлось автономным электронным устройством, ядром домашней кибернетической системы.

Определив, что хозяин сдал дежурство, его верный многолетний спутник, и бессменный «хранитель» холостяцкого быта, вышел на связь:

Антон, что заказать на ужин?

Светлов мысленным приказом разблокировал двери надежного, служившего ему уже не первый год «Ориона» и сел в кресло водителя.

Усталость казалась свинцовой, хотя в период его двенадцатичасового дежурства не произошло ничего экстраординарного.

Светлов ненавидел такие дни. Лучше бы в одиночку схлестнуться со стаей рагдов, чем двенадцать часов кряду просидеть в кресле, напряженно ожидая, что вот сейчас на датчиках сенсорных систем появится активные маркеры целей…

Подобное ожидание всегда выматывало его до предела.

Что на ужин, Антон? — Пришел повторный запрос от ИПАМАа.

Закажи что-нибудь сам. Ты знаешь мои вкусы.

ИПАМ умолк. Вкусы Антона ему действительно были хорошо известны.

Светлов некоторое время сидел, вдыхая свежий ночной воздух, проникающий в салон «Ориона» через приспущенное боковое стекло.

Окружающие городские кварталы и уровни, украшенные вечерней феерией разноцветных голографических реклам казались ему в эти минуты унылой, серой, строго функциональной громадой, не способной пробудить в душе по-настоящему теплых ответных чувств. Он относился к городу равнодушно, как данности, хотя прошел его от самого дна до вершин, от нищеты до благополучия, и вот тут как раз произошла переоценка, он вдруг одним светлым не предвещающим ничего дурного днем понял: он узник мегаполиса, и люди, живущие рядом, являются всего лишь винтиками огромного самодостаточного комплекса, живут, не ощущая собственной посредственности, потому что в «реале» у них есть только работа, а понятие «жизнь» переместилось в фантомный мир грез.

Для чего? Какой смысл в подобном существовании? Сами ли мы загнали себя в клетку, или чья-то воля злонамеренно создала существующий порядок вещей?

Ему ли задавать себе злые, общественно опасные вопросы? Разве не на глазах Светлова спешно возводили защитный вал цитадели, разве не он сам находился в самой гуще событий, *создавших* этот город, два десятилетия назад?

Прочь эти мысли.

СКАД не дремлет. Ментальные поля[3] вполне могут быть прочитаны специальными устройствами, и если в виртуалке тебе позволено практически все, то жизнь в «реале» строго регламентирована, вплоть до оценки субъективных мнений отдельных членов общества о целесообразности существования системы глобальной безопасности.

Светлов поднял стекло и касанием сенсора завел двигатель.

Тоска по несбывшемуся засела где-то под сердцем. О чем он сожалел? Что за нереализованные стремления заставляли его испытывать глухое раздражение?

ИПАМ я буду через десять минут. Подготовь модуль виртуальности.

А ужин?

Не хочу есть. Сочтешь необходимым — покормишь внутривенно.

Ответа на последнее замечание не последовало.

ИПАМ заранее знал, что все произойдет как обычно. Его хозяин почему-то пренебрегал заботой о здоровье собственного физического тела, как будто игнорировал потребности организма.

* * *

Вернувшись домой, Светлов действительно не стал ужинать. Он разделся, принял душ, но так и не смыл усталость, которая была скорее моральной, чем физической.

Пройдя в спальню, он присел на край широкой кровати, недобро покосившись на компьютерный терминал, вмонтированный в изголовье.

Псевдожизнь.

Почему он не получал от нее морального удовлетворения, как другие люди? Что в нем не так устроено?

Наверное, Антону просто претило бегство от проблем, ему казалось неправильным, что мир просто существует, однобоко, однообразно, словно застыв в мертвой точке развития, а все интеллектуальные и душевные силы людей уходят в никуда, они бесцельно расходуются в вымышленном, не существующем мире, призванном подменить реальность.

Тонкий покрытый глянцевой оболочкой кабель прямого соединения, в видении Антона походил на какую-то притаившуюся меж подушек тварь с тонким иглообразным жалом, готовым впиться в мозг.

Он лег, закрыл глаза, на ощупь нашел разъем и точным, заученным до автоматизма движением соединил контакт компьютерного терминала с ответным гнездом своего импланта.

…

ИПАМ неслышно подлетел к изголовью кровати. Его сенсоры фиксировали биоритмы человеческого организма, а передающие устройства беспроводной связи уже вошли в информационный контакт с компьютерным терминалом, побуждая автоматику выполнить ряд инструкций.

Так происходило фактически всегда. Антон как будто специально игнорировал правила, не заботясь о соблюдении строгой процедуры перехода в иную реальность. Он подключал кабель прямого соединения, по сути, бросая свое физическое тело на произвол судьбы.

Возможно, Антону было действительно наплевать, выйдет он из иной реальности или нет, но ИПАМ не мог допустить подобной халатности. Под его бдительным контролем от изголовья кровати выдвинулись два манипулятора, которые аккуратно поправили положение человеческого

тела, затем зафиксировали лодыжки и запястья Светлова мягкими, но прочными ремнями, и ввели в вену два стандартных зонда системы жизнеобеспечения, через которые подавались необходимые питательные вещества и препараты, обеспечивающие организму полноценный отдых в то время, как рассудок человека частично бодрствовал, воспринимая иную реальность.

Собственно такая процедура являлась основой технологии «параллельная жизнь». Организм человека получал полноценный отдых, в то время как рассудок несколько часов подряд бодрствовал в иной реальности, являвшейся генерацией кибернетической системы, считывающей мысли индивида.

На отдых отводилось двенадцать часов. Шесть из них человек проводил в личном фантомном мире подчиненном исключительно его желаниям, затем эта фаза заканчивалась, и оставшиеся шесть часов мозг так же отдыхал, погружаясь в глубокий, лишенный сновидений сон.

Таким образом, спустя двенадцать часов человек просыпался, полностью отдохнувшим, а полученные в виртуалке впечатления не воспринимались им как сновидение, для разума они проходили на уровне реальности, стирая удручающую серость существования в мире физическом.

Так для большинства людей проходили годы, а иногда и вся жизнь.

ИПАМ не мог оценить, насколько правильна и полезна процедура «параллельной жизни». Он не нуждался в отдыхе или пище, но показания систем жизнеобеспечения непосредственно перед пробуждением Антона всегда были чуть лучше, чем перед отходом ко сну.

* * *

Светлов не сразу пришел к существующей концепции построения своего виртуального мира. Поначалу его вселенная была совершенно иной, дарующей скорее боль, чем отдых, но постепенно, по мере того как тускнели воспоминания, менялась и фантомная реальностью, которая теперь (в современном виде) стала не полигоном для изматывающих испытаний собственной души, а неким пространством моделирования, где он воссоздавал структуру иного мира, по крохам собирая информацию о нем из доступных сетевых источников.

Прототипом фрагмента реальности, над моделью которого Антон трудился уже не первый год, являлась Земля — далекая, достижимая лишь в мечтах прародина, откуда более полувека назад стартовал колониальный транспорт с его предками.

Личную Вселенную Антон создавал кропотливо.

Ему хотелось смоделировать реальный фрагмент земного ландшафта с флорой и фауной, но пока дело не продвинулось слишком далеко: ощущалась нехватка информации, Светлов находил странным тот факт, что в доступных для изучения базах данных о далекой прародине упоминалось лишь вскользь. При здравом размышлении, его предки, покидая Солнечную систему, должны были понимать, что колонизации нового мира востребует все научные и технические знания, накопленные человечеством за тысячелетия прогресса, а культура цивилизации, ее духовность, заключенная в произведениях искусства, истории, обеспечит преемственность поколений, неразрывную моральную связь с оставшейся в невообразимой дали цивилизацией.

Антон искал, но не находил исчерпывающих ответов на большинство возникавших у него вопросов.

С точки зрения здравого смысла ситуация складывалась непонятная, — будто прошлого не было, о нем остались лишь смутные упоминания, выраженные в безликих формулировках.

Подавляющее большинство информационных ресурсов было посвящено данности, дню сегодняшнему, словно у огромного густонаселенного города действительно не существовало прошлого…

В такую трактовку Антон конечно не верил. С тех пор как он познакомился с виртуальной реальностью, Светлов часто находил обрывочные исторические свидетельства, разрозненные, будто вырванные из широкого контекста. Он понимал, что воспринимает лишь фрагменты информации, случайно избежавшие удаления или перемещения.

Череда заданных самому себе вопросов тянулась с той поры, как он случайно отыскал в информационном хранилище электронную версию учебника естествознания, — науки охватывающей все сферы человеческой деятельности.

Прочитав его, он испытал недоумение, граничащее с шоком.

Получив некоторый опыт логического мышления, он невольно ставил себя на место тех, кто основывал колонию и… не находил многого, о чем должны были позаботиться люди, отважившиеся на многолетний перелет через бездну пространства и освоение новой планеты.

Своими мыслями Антон предпочитал не делиться даже с лейтенантом Фогелем, которого по праву считал своим надежным, проверенным другом.

Однажды он попробовал завести разговор на интересующие его темы, но Курт лишь отмахнулся, пожав плечами:

— К чему тебе знать прошлое? Мало проблем в настоящем?

Светлов понял, что благодарного собеседника ему не найти, и с тех пор носил свои мысли при себе, стараясь не высказывать вслух. Однако, он не мог закрыть глаза и сказать самому себе: *я ничего не вижу*.

Он видел, и недоумение Антона росло пропорционально возрасту.

Только тут, в виртуалке, складывая вместе обрывочные свидетельства, он мог остаться наедине с самим собой, полностью отдаться зародившейся более десяти лет назад страсти — он мечтал создать в виртуальном пространстве достоверный фрагмент далекой прародины. Страсть творца, изыскателя, толкала его на постоянный поиск утраченного, он собирал крупицы знаний по всей сети, не уставая удивляться их скудости и разрозненности.

Антон мечтал восполнить огромный пробел, который иногда казался ему пропастью, он хотел, чтобы история начиналась не десять-двадцать лет тому назад…

С такими мыслями Светлов приходил в свой мир, иногда принося что-то новое: крупицу информации найденную в сети в период долгих, утомительных дежурств, или добытую ИПАМом во время отсутствия хозяина. Подобные находки постепенно стали для Антона единственной радостью: он очень дорожил любым свидетельством прошлого, позволяющим ему наложить еще один правдоподобный штрих на постепенно формирующуюся реальность, и в такие дни он действительно ощущал себя счастливым.

Сегодня он не принес с собой ничего кроме мрачного настроения.

* * *

На просторе его реальности только начиналась весна.

Многое ему помог смоделировать ИПАМ, — бодрствуя двадцать четыре часа в сутки, он проделал массу кропотливой работы, создавая виртуальную биосферу со всеми присущими ей явлениями. В распоряжении Антона имелись некоторые видеозаписи, из которых можно было получить общее представление о рельефе, климате и населенности умеренных широт евразийского континента планеты Земля. В основном это были любительские съемки, вероятно принадлежавшие первому поколению колонистов, — они снимали родную планету, места, где жили, прежде чем отправиться в долгий рискованный перелет к иной звездной системе.

Если с природой, климатом и рельефом все было понятно, то следы человеческой деятельности, запечатленные на видеозаписях, вызывали у Антона ощущение зловещей загадки.

Он наблюдал одну и ту же картину: люди на Земле проживали в небольших поселениях, их дома утопали в зелени, но у горизонта (куда бы не поворачивались камеры во время съемок), неизменно возвышались полуразрушенные конструкции, в которых без труда можно узнать города-мегаполисы, опустевшие, заброшенные, частично разрушенные, и постепенно ветшающие.

Антон мог сделать из увиденного только один вывод: прародина пережила катастрофу техногенного характера. Он долго размышлял, прежде чем пришел к однозначному мнению на этот счет. Землетрясение, равно как и иные стихийные бедствия, он отверг после кропотливого изучения отдельных кадров: разрушенные мегаполисы несли характерные следы воздействия высоких температур, многие несущие конструкции, созданные из металлов, выглядели деформированными, оплавленными, каркасы городов устояли, но в них невозможно стало жить. На одном из увеличенных стоп-кадров Светлов смог отчетливо рассмотреть улицу, похожую на сумеречное ущелье; в застывшей реке расплавленного во время катастрофы пластика, виднелись остовы сгоревших машин, более мелких деталей ему рассмотреть не удалось, но и увиденного хватило, чтобы осознать глобальный масштаб катастрофы, уничтоживший исполинские города.

Светлов не стал переносить в созданную им реальность эти зловещие и печальные памятники недоступной для него истории.

Новая информация в сети отыскивалась все реже, и тем чаще он приходил сюда просто отдохнуть, дать рассудку расслабиться после напряжения утомительных дежурств…

…Сегодня отдыха не получилось.

Антон почувствовал неладное, как только его разум слился с фантомной реальностью.

Чувство неосознанной тревоги возникло мгновенно, словно в рассудке сработал датчик опасности, определивший постороннее присутствие.

Вообще виртуальные вселенные, принадлежащие жителям мегаполиса, по умолчанию считались «открытыми», свободными для доступа, но Светлов, кропотливо создавая свой мир, изменил настройки, не желая, чтобы ему мешали, а тем более стояли «за спиной», наблюдая, или хуже того — вмешиваясь в процесс творения.

Постепенно он привык к одиночеству и даже научился ценить его. Мир Антона так и остался закрытым для посещений, он никого не приглашал сюда, наоборот старался упрочить созданную защиту, чтобы

избежать не только появления случайных посетителей, но и сделать свой уголок виртуалки «невидимым» для других обитателей сети.

Конечно, полностью спрятать собственный ресурс он не мог, глобальная сеть города находилась под неусыпным контролем СКАДа, который видел и знал все, постоянно сканируя как реальный мир, так и виртуалку, но видимо личное творчество Светлова, как и его добровольное затворничество не находило возражений в рамках системы, программы контроля не усматривали нарушения в ограничениях, наложенных на доступ в отдельно взятый виртуальный мир. Если его хозяин желает одиночества, — пожалуйста, лишь бы он в реальности оставался общителен и адекватен.

…Антон не смог проигнорировать чувство подсознательной тревоги.

Созданный им участок земной поверхности обладал разнообразным рельефом, но был ограничен по площади. Тщательная проработка всех присущих реальному миру Земли явлений отнимало большинство выделенных Светлову ресурсов, поэтому приходилось жертвовать «просторами» в угоду достоверности и сложности протекавших на ограниченных площадях процессов.

Он обычно приходил в свой мир, появляясь на опушке березовой рощи, по правую руку в овраге тек ручей, за рощей вздымался поросший кустарником холм, слева простиралось поле, заросшее травами, сразу за холмом высился хвойный лес, где на поляне стоял небольшой двухэтажный дом.

Ручей огибал возвышенность и превращался в небольшую речушку, протекавшую через лес, недалеко от поляны.

Вот, за исключением иллюзорного горизонта (там, где взгляду открывалась перспектива) и вся «личная вселенная» уникальность которой заключалась в том, что здесь сменяли друг друга времена года, обитали животные и птицы, менялась погода…

Сегодня было тепло, влажно и ветрено. Снег сошел пару недель назад, только в лесу еще кое-где виднелись ноздреватые подтаявшие сугробы, а на березах уже набухли почки, выпуская на свет клейкие молодые листья.

Антон некоторое время стоял, прислушиваясь к внутренним ощущениям.

Да, вне сомнений, тщательно воссозданная гармония была нарушена, но не грубым вмешательством, чувства подсказывали, что рядом кто-то есть, однако это присутствие поначалу так сильно, болезненно ударившее по нервам, теперь постепенно истончалось, словно таяло в звонком весеннем воздухе.

Может быть я просто устал?

Светлов подошел к берегу ручья, присел, зачерпнул воды и умыл лицо, чувствуя, как живительная влага снимает тревогу, хотелось сесть на берегу и смотреть на талые воды, уносящие дурные мысли, необъяснимым образом дарующие покой, как будто он каждую ночь возвращался из далекого утомительного путешествия на *родину*.

Наверное, в душе так и происходило. Антон многое повидал и пережил, но ни чуждая природа колонизированной планеты (которая вызывала у него лишь стойкие негативные ассоциации), ни участки терраформированной поверхности, ни урбанистические виды мегаполиса никогда не дарили ему даже бледного отголоска подобных чувств. До того как руководство колонии начало внедрять программу «параллельных жизней» Светлов не имел понятия, что на свете существуют, к примеру, березы. Он увидел их только тут, в процессе формирования личной реальности, сначала маленькими робкими побегами, затем тесной и стройной порослью, и, наконец, по прошествии нескольких лет, молодые деревца образовали рощу, — нечто необъяснимо-прекрасное, притягательное будто магнит…

Где скрывались истоки очнувшихся, острых, и в то же время щемящих, как будто знакомых, но прочно позабытых чувств?

Антон все больше убеждался, что в нем начал работать некий механизм генетической памяти, — он никогда не бывал на прародине человечества, но видимо воссозданный участок поверхности далекой Земли обладал высокой степенью реальности, раз его душа отдыхала тут, испытывая едва ли не перерождение.

Он снова зачерпнул воды, но та вдруг просочилась меж неплотно сжатых пальцев.

Светлов выпрямился, оглядываясь вокруг.

Что-то продолжало нести дискомфорт, будто в окружающую гармонию вплеталась не распознанная пока фальшивая нота.

Неопределенности Антон не выносил.

ИПАМ — мысленно позвал он, твердо зная, что его кибернетический помощник услышит мнемонический оклик и появиться тут, подключившись к глобальной сети.

Так и произошло — секундой позже в воздухе материализовался сферический аппарат.

Он описал полукруг и застыл чуть выше правого плеча Антона; слова сейчас не требовались, ИПАМ (вернее его виртуальный образ) прекрасно читал мысли хозяина и полностью воспринимал ощущение тревоги, не

покидавшее Антона.

Прошло несколько томительных секунд ожидания, прежде чем Светлов смог получить результат сканирования.

Он думал, что чувство тревоги вызвано каким-то внутренним сбоем в отлаженной работе виртуальной модели, но все оказалось много сложнее.

Матрица сознания — шепнул мнемонический голос. — *Я не могу ее локализовать. Она…* — ИПАМ вопреки обыкновению запнулся, подбирая правильное слово для определения, — *она повсюду.*

Светлова обескуражило такое сообщение. Одно дело встретить фантомную личность, вторгшуюся в его мир по случайности или с умыслом, но ИПАМ утверждал, что не может позиционировать образ, как будто сознание другого человека растворилось в воздухе, слившись с виртуальной реальностью, став частью каждого листика, каждой былинки…

Такое вообще возможно? И к чему подобная маскировка?

Оно присутствует здесь давно. Уже неделю, как минимум.

Почему я ничего не чувствовал раньше?

Оно пряталось.

А сейчас нет?

Сейчас его можно распознать.

Светлов не привык церемониться.

— Выходи! — Требовательно произнес он, обращаясь… к собственной реальности?

Что-то изменилось вокруг, влажный весенний ветерок вдруг стал порывистым, кроны хвойного леса тревожно зашумели.

Есть локализация. — Пришел доклад ИПАМа.

Где?

На поляне подле дома.

Оставайся на связи. Держи все под контролем. Не вмешивайся без приказа, но фиксируй происходящее. — Отдав мысленное распоряжение, Антон направился к дому, шагая по тропинке, ведущей через холм.

* * *

ИПАМ оказался прав: Светлов явственно воспринимал присутствие посторонней личности по мере приближения к поляне, посреди которой стоял дом.

Чувство оказалось двояким. С одной стороны он уже без помощи кибернетической системы мог определить примерное местоположение незваного гостя, но с другой, он не «слышал» ауры мыслей, которая, как

шлейф, сопровождает каждого человека, попавшего в виртуальные миры. Ведь здесь, по сути, присутствовало только сознание, своими волевыми усилиями формирующее те или иные образы. Сам Антон никогда не забавлялся трансформациями, тщательно оберегая с таким трудом созданный баланс собственного мира, а другие личности, попадая на просторы виртуальных миров, забавлялись вовсю, и единственным верным признаком, по которому можно было определить человека, принявшего какую-либо, не свойственную форму, была неизменная аура мыслей.

В данный момент Светлов не чувствовал ничего кроме тревоги… или даже отчаянья, но с уверенностью судить: принадлежат эти эманации ему лично, или пришлому фантому, он не мог. Все как-то странно смешивалось, порождая неопределенность.

Наконец тропинка вывела его из лесной чащи.

Подле дома стоял призрак.

Такое утверждение может показаться парадоксальным для виртуального пространства, но иного сравнения Антон подобрать не смог. Именно призрак, потому что через фигуру молодой женщины просвечивали стволы деревьев.

— Кто ты? — спросил Антон, подходя ближе.

Она не шелохнулась, не шевельнулись плотно сжатые губы, но ответ пришел, слабый будто шепот:

Не узнаешь меня?

Светлов всматривался в нереальные, зыбкие, почти прозрачные черты незнакомки и вдруг… Слабое воспоминание шевельнулось в груди.

Нет. Этого не может быть… Прошло столько лет…

Он откровенно растерялся, опешил, и не успел — именно не успел придать воспоминанию окончательную форму, как мир вокруг вдруг крутанулся, будто Антон являлся осью внезапно вращения и… все исчезло.

…Он еще находился под тяжелым, невыносимым для организма стрессом насильственного выхода из иной реальности и не мог сопротивляться тому, что с ним делали, лишь на смену фантомным ощущениям пришла реальная боль, он уловил запахи и звуки:

Приглушенный выстрел, грохот падения сферического предмета, шелест, когда поврежденный ИПАМ откатился в угол комнаты, грубое прикосновение сильных цепких пальцев…

— Наручники! Так отлично, инъекцию, пока он не очухался.

— Все, быстро забираем его отсюда.

Теперь уже реальный мир, едва прорвавшийся в сознание отдельными обрывочными проявлениями, вдруг начал стремительно тускнеть и

отдаляться, будто сознание рушилось в бездонную черную пропасть…

Глава 2. Управление полиции

Он не очнулся полностью, лишь часть сознания вернулась в границы реальности, по неведомой Антону причине преодолев барьер введенных ему в кровь препаратов.

Благодаря вернувшемуся мироощущению, он смог понять, что лежит, накрепко прикованный к жесткому пластиковому ложу, вокруг высятся гротескные (в его половинчатом восприятии) блоки кибернетических устройств, приглушенные голоса слышались ему как будто издалека, но ощущения *мыслей* — мучительное, дающееся с болезненными усилиями распознавание и осмысление речи, говорили в пользу того, что люди находятся рядом, они следят за показаниями различных приборов, которые в данный момент сканировали его разум, перебирая воспоминания далекого прошлого.

Он не хотел, но вопреки его воле, Светлову приходилось вспоминать события двадцатилетней давности…

…

— Мы произвели полное сканирование личности, — глухо, басовито пророкотал далекий голос.

— Он действительно знает ее? — Задал вопрос еще один, незримый для Светлова человек, который, судя по всему, являлся лицом, заинтересованным в получении определенной информации, а не сотрудником той «лаборатории» куда поместили Антона.

— Все намного сложнее, чем вы предполагали, господин Зарезин.

— Не понял? Я дал вам достаточно четкую, недвусмысленную «установку», — искать в его сознании образ, похожий на сделанный нами снимок виртуальной личности.

— Виктор Иванович, насколько я понимаю, фантом ускользнул от вас? Установить источник его генерации не удалось?

— Док, вы задаете лишние вопросы. Поверьте, вам же будет спокойнее…

— Вы не поняли меня, господин Зарезин. Мне важно знать: облик фантома точно соответствует физическому облику создавшего его человека или это маска?

— А вы сами к чему склоняетесь?

Наступила пауза.

— У меня свои моральные ценности полковник. Думаю, капитан

Светлов нашел бы в себе силы вспомнить события двадцатилетней давности и честно ответить на вопросы без всякого давления. — Наконец произнес первый голос. — Разум Светлова пока что выдерживает прессинг, но нет ручательств, что подобные нагрузки не приведут к распаду его личности. Мы будим травматические воспоминания!..

…

Антон слушал далекие голоса, отчетливо понимая, что речь идет о нем. Неужели Миллер не контролирует датчики систем жизнеобеспечения? — Промелькнула в его сознании тяжелая, потребовавшая усилий мысль. — Или он специально дает мне хотя бы услышать окружающее?

Зачем? Он что-то недоговаривает Зарезину? Надеется, что я выдержу, и ему потом не придется оправдываться?

…

Его слабые мысли нарушил резкий голос полковника:

— Господин Миллер, запомните, в данный момент судьба Светлова меня не интересует! Под угрозой жизни *всех* людей. Он, возможно, обладает критически-важной информацией, а вы что-то там втолковываете мне о вероятных последствиях для его психики!

— То есть вы заставите меня в случае необходимость сломать его личность? — В голосе Миллера проскользнула плохо скрытая дрожь. Он боялся, хотя и пытался не показать вида, найти в себе силы хотя бы попробовать отстоять собственную точку зрения, но категорично-циничный ответ Зарезина ударил его, как по лицу, наотмашь:

— Да. Если потребуется вы, док, сделаете все, что я прикажу!

На несколько секунд в помещении повисла звонкая, гнетущая тишина, затем Миллер медленно произнес, с явным напряжением в дрогнувшем голосе:

— Я понимаю, вы военный, но, помилуйте, полковник, у меня тоже есть свои моральные ценности!.. Нельзя уничтожать личность ради обладания какой-то информацией. Это же извращенная форма убийства. Он вновь и вновь переживает мучительные фрагменты прошлого и…

— Док, заткнитесь! — Не выдержав, огрызнулся Зарезин. — Меня тошнит от ваших рассуждений! Вам, как и мне, поручено задание, которое необходимо выполнить! Повторяю, если вы не поняли: от этого зависит безопасность колонии! И не пытайтесь взывать к моим чувствам! Если приказ не исполните вы — я найду другого специалиста, будь вы все неладны!..

— Я понял… — Голос Миллера упал почти до шепота. — Законы

молчат во время войны, верно?… Этика, в том числе и врачебная, тоже должна заткнуться?…

— Генрих, перестаньте. — Теперь голос полковника вдруг стал пренебрежительным, видимо он посчитал, что достаточно запугал Миллера и теперь можно дать немного слабины. — Ну, хорошо, чтобы вам стало легче, я скажу, — этот призрак, которого мы пытаемся локализовать, вошел в сеть не с квартирного или офисного терминала. Физического прототипа девушки попросту нет среди населения города. Все проверено многократно, ошибки исключены, и, подчеркиваю: *только воспоминания капитана Светлова могут дать нам шанс локализовать источник вторжения в сеть!*. Теперь понятно? Если он знает ее, то мне важно все, до последней мелочи — где, когда, при каких обстоятельствах он встречался с ней в «реале». Могу и без ваших изысканий предположить, что он видел ее во время секретной операции, двадцать лет назад, верно?

— В последний раз — да, он видел ее именно там.

— Что вы хотите сказать? Что были более ранние встречи? — Голос полковника Зарезина внезапно осип от волнения.

— Были. — Справившись со своими чувствами, уже немного тверже ответил доктор Миллер. — Хотя он едва ли связывает между собой эти события. Дело в том, что система анализа произвела разные виды поиска. Мы экстраполировали все образы, полученные из памяти капитана Светлова, и сделали одно важное наблюдение. Еще до создания СКАДА, когда наш город не имел структуры Цитадели, в нем уже существовала сеть и…

— Сеть существовала всегда. С самого основания колонии. — Раздраженно ответил Зарезин, перебив Генриха Миллера.

— Я понимаю. Но все же позвольте провести черту, — впервые Антон встретил эту девушку, вернее тогда она была еще девочкой, подростком, до запуска проекта «параллельных жизней». В последний раз они встречались в виртуалке, когда Светлову было двенадцать лет. — Миллер откашлялся. — Повторяю, — нарочито громко произнес он, — капитан Светлов не связывает те встречи с интересующим вас образом, но наши аналитические программы утверждают — это была она…

…

Последняя фраза Миллера буквально оглушила Светлова.

Он точно знает, что я все слышу… И некоторые его слова адресованы мне… Он что-то задумал, но панически боится полковника…

…

— Значит, прототип все-таки существует… — Пробормотал

Зарезин. — Проклятье!.. По-вашему выходит, что она вторглась в сеть еще…

— Не понимаю, почему вы так упорно используете термин «вторжение»? За фантомным образом стоит человек, немного странная в своем поведении девочка, которая повзрослела, изменилась, и это привело к тому, что, увидев ее в реальности, Светлов не связал конкретную личность со своими юношескими воспоминаниями.

— Ладно, док, я начинаю путаться. Давайте, наконец, к делу. Раз появился более ранний материал — значит, начнем с него. Что вы можете мне предложить?

— Есть два варианта — вывод данных в виртуальную среду, или на монитор. В первом случае вы воспринимаете все, о чем думал Светлов, во втором видите только картинку и слышите речь. Выбирайте.

Опять наступила пауза.

— Давайте по полной программе, Миллер. Мне нужно в точности знать, откуда взялся этот призрак и как с ней связан Светлов.

— Хорошо. Вы сами приняли решение, потом не сетуйте, и за психологической помощью ко мне не обращайтесь, — профессор нашел в себе силы огрызнуться. — В соседнюю лабораторию, господин Зарезин. Там вас подготовят для входа в виртуальное пространство.

— А вы?

— Я останусь здесь. Инструкции предписывают не доверять автоматике и лично контролировать ее работу. Ведь так?

Ответом ему послужило молчание, а несколькими секундами позже Антон, начавший было воспринимать слабые источники света, вдруг вновь погрузился в немую темноту, где кружили, словно осколки цветных стеклышек в калейдоскопе, его воспоминания…

Прошлое…

Хмурые небеса к вечеру расплакались дождем.

Погода стояла осенняя, и строящийся город казался серым, неприветливым, даже освещенные окна жилых кварталов, блестящие от влаги ленты многоуровневых автомагистралей и яркие росчерки голографической рекламы не могли изгнать из души ощущение грусти.

Деревья в парках роняли пожелтевшую листву, все менялось, и Антон этим вечером будто прощался с детством.

Скоро наступят холода…

Он смотрел на панораму мегаполиса с одной и наивысших точек, — обычно гравибордисты собирались именно в таких местах, на площадках еще не достроенных зданий, где трудились молчаливые, равнодушные ко всему роботы и не ощущалось назойливого контроля со стороны систем общественного порядка.

Зато тут открывался простор для различных (порой рискованных и головокружительных) трюков.

На высоте полукилометра от поверхности каждое неверное движение может стать фатальным, но кто однажды вкусил настоящего *драйва*, уже никогда не вернется в тесные границы гравипарка. Там можно делать первые шаги, осваивать искусство управления гравибордом, но не более.

Антон снова посмотрел вниз, где по пульсирующим артериям городских магистралей двигались бесконечные потоки огней.

Нижние уровни мегаполиса тонули в полумраке, но память и воображение живо дорисовывали не видимую отсюда картину: среди построек цокольного этажа, отданного системам технического обеспечения, затерялось старый жилой квартал, там же находился и единственный чахлый парк, деревья которого помнили самые первые этапы строительства будущего мегаполиса. На краю парка приютилась скромная площадка для гравибордистов. Раньше, наверное, она выглядела вполне современно, но теперь смотрелась нелепо: во-первых, ее конструкции постарели и обветшали, а во-вторых, откуда у подростков, чьи родители опустились на самое дно социума, возьмутся деньги на покупку дорогостоящих гравибордов? Денег, естественно, не было, и свою первую «деку»[4] Антон собрал, используя различные запчасти, найденные в контейнерах с городскими отходами, которые ежедневно доставлялись на огромную площадь перед системой мусоросжигателя.

Именно собирая свой первый «грав»[5] он случайно повстречал Дану — девочку, которая здорово помогла ему определиться в жизни, оказала незаметное, но сильное воздействие на характер Антона.

Случилось это не совсем обычным образом.

Квартал городских построек, оказавшийся в результате строительства новых уровней мегаполиса на «технологическом» дне города, когда-то являлся полноценным местом проживания, здесь имелась своя, сохранившаяся до сих пор информационная инфраструктура. Большинство квартир в неблагополучном квартале пустовали, и Антон, которому до смерти надоели родители, уделявшие сыну внимание только когда им нужно было на ком-то сорвать зло, давно перебрался жить в одну из таких

пустующих квартир. Он не потерял ничего, а получил свободу. Все равно серьезный не по годам, рано повзрослевший мальчик был вынужден сам обеспечивать себя всем необходимым. Ему едва исполнилось одиннадцать лет, когда, насмотревшись на старших подростков, он начал мечтать о собственном гравиборде.

Светлов действительно отличался от других детей: задавшись какой-либо целью, он не просил помощи ни у родителей, ни у других ребят, а начинал действовать с недетской целеустремленностью, которой могли позавидовать многие взрослые.

Странный ребенок — сказали бы о нем люди, умеющие наблюдать, но квартал населяли изгои и неудачники, которым не было дела до серьезного и упрямого мальчишки.

Понаблюдав за старшими ребятами, он понял, откуда у тех взялись заветные «гравы».

Они были собраны из различных запчастей, которые можно было отыскать в контейнерах на большой технической площадке перед мусоросжигателем.

По прошествии нескольких месяцев он уже имел все необходимые компоненты, Антону даже повезло найти почти новую «деку», выброшенную в мусор из-за сгоревших генераторов антиграва.

Теперь, имея все необходимее, он мог воплотить в реальность свою мечту, вот только беда — он понятия не имел, как подчинить неисправные детали или собрать воедино функциональные запчасти?

Он попытался обратиться за помощью к старшим, но те лишь снисходительно усмехались в ответ. Только один из подростков (Антон даже не знал его имени) как бы между прочим обронил:

— Попробуй поискать схемы сборки в городской сети.

— Это как? — Опешил Антон.

— Просто. У тебя дома есть компьютерный терминал?

— Ну, есть.

— Так включи его. Читать умеешь?

— Да.

— Ну, тогда вперед!.. Напиши слово «гравиборд» в строке поиска и смотри, что предложит тебе бесплатный информаторий.

Заметив, что мальчуган совсем растерялся от обилия незнакомых терминов, парень усмехнулся и вдруг достал из сумки небольшой сферический предмет.

— Знаешь что это такое?

— Не-а…

— Это ИПАМ.

— Ух, ты. Я слышал, что ИПАМы есть только у богатых.

— Не только. — Парень усмехнулся. — Этот не совсем исправен, модуль псевдоинтеллекта у него барахлит, но дельные советы на первый случай он тебе выдаст. Есть на что меняться?

Антон задумался. Ему в тот миг казалось, что нет в его распоряжении ничего дельного, достойного для обмена, но попробовать стоило… иначе он не простит себе, никогда не простит, что мог стать обладателем чудесной вещи и сдрейфил…

— У меня есть два заряженных энергоблока. Новых. — Он произнес это почти шепотом, — энергоблоки Антон берег для гравиборда, но устоять перед соблазном получить (никто не поверит) собственно электронного всезнайку, он не смог.

— Энергоблоки? Откуда у они у тебя?

— Я лазил в зону утилизации. — Признался Антон. — Выдрал из поврежденного кибермеханизма.

— Покажи.

— Пойдем, они спрятаны.

…

Сделка состоялась. Антон даже не почувствовал сожаления, когда расставался с накопителями энергии ради которых, без преувеличения рисковал жизнью.

Вернувшись домой (не на улице же пытаться активировать чудесное приобретение), Антон запер двери на дополнительный, собственноручно приделанный засов, и только тогда решился открыть потрепанную спортивную сумку с драгоценным грузом.

В жизни любого ребенка найдутся незабываемые минуты, переполняющие душу радостным и тревожным предвкушением *чуда*, такими оказались и эти мгновенья, которые Антон запомнил навсегда.

Положив сферический аппарат на стол, он некоторое время смотрел на него, не решаясь коснуться сенсора активации. ИПАМ олицетворял для него иную жизнь, которую плохо одетый и вечно голодный мальчуган мог наблюдать лишь издали. Он не думал в эти минуты, что слишком самостоятелен для своих лет, и чудеса творит он сам, — взгляд заворожено скользил по глянцевому, отблескивающей металлокерамикой корпусу, точечным видеодатчикам, расположенным по периметру окружности, плавным выступам струйных движителей, с помощью которых аппарат корректировал полет (что за сила позволяла подобным устройствам беззвучно парить в воздухе, Антон тогда еще не знал).

Наконец, вдоволь налюбовавшись своим приобретением и уняв непроизвольную дрожь, он коснулся пальцем единственного сенсора, расположенного на корпусе ИПАМа.

Серебристый аппарат, который Антон при желании мог бы накрыть двумя ладошками, вдруг приподнялся над поверхностью стола, без видимой опоры завис в воздухе, затем повернулся вокруг оси и, издав несколько тоновых сигналов, вдруг задействовал синтезатор речи:

— Вы мой новый хозяин, сэр?

Непонятно, как ИПАМ догадался о произошедшей сделке, но Антону сейчас было все равно, ему льстило вежливое и уважительное обращение, так с ним не разговаривал до этой минуты ни один человек или механизм.

— Да, — Ответил он. Равнодушного тона при этом не получилось, в коротком ответе сквозили нотки восторга и ИПАМ, обладающий способностью анализировать эмоциональное состояние человека, немедленно отреагировал:

— Вы радуетесь моему появлению?

— Да, а что в этом такого? — Антон все же немного терялся, не зная, как следует правильно общаться с подобными устройствами? Он впервые сталкивался с механизмом способным говорить,

Я должен что-то приказывать ему, или просто общаться как с равным? — лихорадочно соображал Антон. — *Наверное, все же следует отдавать какие-то команды…* — Он совсем растерялся. — *А вдруг обидится и улетит?* — Он даже украдкой покосился на приоткрытое окно, мысленно пожалев, что не запер его перед активацией чудесного устройства.

— Мой прежний хозяин был груб. — Тем временем изрек ИПАМ. — Он совершенно игнорировал мое истинное предназначение.

— А что он делал с тобой?

— Мной играли в футбол, сэр!.. — С явными интонациями в синтезированном голосе доверительно и в тоже время возмущенно сообщил ИПАМ. — Я едва не спалил антиграв, уворачиваясь от ударов.

Антон протянул руку, но ИПАМ не отпрянул, дав прикоснуться к себе.

— Я знаю цену вещам. И не стану использовать тебя как мяч. А ты, вправду мыслишь, как человек?

— Не совсем. Я могу обучаться, мои искусственные нейросети способны анализировать и запоминать информацию. Но человеческий мозг содержит в тысячи раз больше нервных клеток. Мне не сравниться с людьми.

— Странно. Мне ты не кажешься глупым. Будем знакомиться? Меня

зовут Антон. А ты просто ИПАМ, да?

— ИПАМ, Искусственный псевдоинтеллектуальный автономный модуль. Моя задача — помогать астронавтам. Я посредник между людьми и машинами разной сложности, могу производить мелкий ремонт в труднодоступных или лишенных атмосферы местах, давать советы в различных ситуациях, касающихся технического обеспечения. При необходимости я записываю информацию и воспроизвожу ее. Кстати, Антон, почему не активен твой имплант?

— Имплант? А что это?

Тонкий лучик лазерной указки коснулся мягкой заглушки из пеноплоти, закрывающей овальное устройство в височной области за правым ухом Антона.

— Сканирование… — ИПАМ будто разговаривал сам с собой. — Попытка связи… Он не активен!

Антон неосознанно коснулся заглушки. Он помнил, что ее нельзя вынимать, да и боялся это делать, потому что однажды видел в зеркале, что за ней расположено странное овальное устройство, с несколькими отверстиями, похожими на компьютерные разъемы.

— Что такое имплант? — Повторно спросил он.

— Имплант это устройство, связанное с корой головного мозга человека. — Подробно, но непонятно пояснил ИПАМ

— Просто скажи — зачем он? — Антон сам того не заметил, как переформулировал вопрос, чтобы добиться понятного ответа.

— Как зачем?! — ИПАМ заложил беззвучный вираж и повис в метре от Антона, постоянно оставаясь в поле зрения мальчика. — Все очень просто, Антон. Тебе не обязательно знать технические подробности, но, включив имплант, ты сможешь поддерживать дистанционную связь с различными приборами, например со мной…

— Я что стану… как машина?

— Нет. — Поспешил успокоить его ИПАМ. — Ты сможешь управлять механизмами, при помощи правильно сформулированных мыслей. Еще имплант предназначен для доступа в сеть и получения различной информации.

— Вот в сеть мне и нужно… — Прошептал Антон, несколько обескураженный новым оборотом событий. — ИПАМ, а ты не врешь?

— Я не способен лгать. Если информация сомнительна, я не оглашаю ее пока, не проверю.

Антон задумался. Ему было и страшно и любопытно.

— А что нужно, чтобы имплант заработал? — Он сделал шаг к окну и

все же притворил его, для своего же спокойствия. — И почему он выключен, ты случайно не знаешь?

— Для включения достаточно подать сигнал возбуждения на микрочип. Порты удаленной связи исправны, я уже протестировал их. Относительно выключения данного импланта я могу лишь констатировать, что он бездействует шесть лет четыре месяца и три дня.

— Значит, родители отключили. — Сделал вывод Антон. — Ты не смотри что тут все так плохо, — мальчик имел в виду ободранные стены и покрытый рыжеватыми потеками потолок комнаты, под которым источала тусклое желтоватое сияние единственная, сохранившая функциональность осветительная панель. — Раньше мы жили на верхних уровнях, потом отец начал пить и потерял работу. Стало нечем платить за дорогое жилье, вот и пришлось перебраться сюда. Так мне говорила мама.

— А где сейчас твои родители, Антон? — Поинтересовался ИПАМ.

— Я ушел от них. — Скупо сообщил мальчик. — Пьют, наверное, где-нибудь, как обычно.

Его новый кибернетический друг некоторое время молчал, видимо оценивая полученную информацию, а затем произнес:

— Могу предположить, что имплант действительно отключен, одним из твоих родителей. Так поступают те, кто не ладит с законом. Через сигнал импланта легко отследить местоположение человека.

— Значит, если я включу имплант, меня арестуют?

— А ты совершал преступления?

Антон задумался.

Жизнь не баловала его, и ответить однозначно он не мог. Если запчасти, изъятые у предназначенных для утилизации машин не считать ворованными то, наверное, он не преступник.

— Ты сомневаешься?

Антон пожал плечами.

— Давай включим имплант и посмотрим. Ты же сможешь его выключить, если сюда вдруг нагрянет полиция?

* * *

К счастью для Антона все обошлось. Он лишь испытал странное не сравнимое ни с чем чувство, когда вживленный прибор начал работу — под кожей головы как будто пробежали мурашки, но потом это ощущение исчезло, зато в мыслях внезапно возник бестелесный голос:

Ты слышишь меня? Проверка связи.

Антон в испуге вздрогнул.

— ИПАМ я слышу голос!

— Это я послал запрос — кибернетический механизм вновь переключился на синтезатор речи, чтобы успокоить Антона. — Ты не должен боятся. Мысленная передача команд и прием информации, осуществленный на мнемоническом уровне, намного эффективнее, чем чтение с экрана или обычный разговор. Информация, получаемая через имплант, легче усваивается. Могу привести пример. Ты ведь умеешь читать и писать.

— Ну, да.

— А кто тебя учил этому?

Антон задумался.

— Не помню…

— Ты и не можешь помнить. Процесс обучения грамоте автоматизирован. Тебе было два года, когда он начался. В трехлетнем возрасте любой ребенок уже умеет не только правильно распознавать речь других людей, но, благодаря виртуальным обучающим модулям, он может читать и писать.

Антон пожал плечами. Он и вправду не помнил, чтение, как и речь, были для него естественны, как нечто само собой разумеющееся.

— ИПАМ, я устал. — Антон посмотрел на парящий неподалеку сферический аппарат.

— Это естественная реакция мозга на включение импланта. — Произнес тот, больше не прибегая к прямой передаче данных. — Тебе нужно отдохнуть, Антон. Когда проснешься, все встанет на свои места.

— А ты никуда не исчезнешь? — Глаза Антона слипались.

— Нет. От добра, добра не ищут. — Ответил ИПАМ загадочной для Антона фразой.

Мальчик уснул прямо в кресле.

Его сон впервые за много лет был спокойным, без сновидений и тревог.

Разум Антона активно перестраивался, восстанавливая утраченные связи с имплантированным устройством, но он не осознавал и не ощущал этого.

Подле него, «приземлившись» на стол, чтобы не тратить энергоресурс антиграва, находился ИПАМ — небольшой кибернетический модуль, снабженный искусственными нейросетями.

Он следил за состоянием мальчика, одновременно ИПАМ вел поиск в сети, который практически не давал результатов. Пытаясь обнаружить подобные себе аппараты, он не находил отклика.

В нейросетях зарождался вопрос: почему?

Вразумительного объяснения не было. Это являлось тревожным знаком. Что-то случилось в колонии, если люди отказались от помощи кибернетических устройств, над созданием которых трудилось не одно поколение инженеров и программистов далекой Земли.

* * *

Антон проспал больше суток, а когда очнулся от странного забытья, то первое, что он ощутил, был голод.

Впрочем подобное чувство Антон испытывал часто и хорошо понимал, — еду нужно добыть, что в условиях заброшенного квартала, затерявшегося меж промышленных зон являлось делом нелегким.

Можно представить его изумление, когда, открыв глаза, он сонно осмотрелся вокруг и внезапно заметил на столике, подле кресла небольшой поднос с несколькими герметично укупоренными контейнерами.

Их вид не оставлял сомнений о внутреннем содержимом, в такие разовые емкости автоматика супермаркетов паковала готовые обеды.

Сколько раз Антон, глотая слюнки, наблюдал за подобным процессом через толстое стекло витрины, пока его не отгонял охранник.

Что же случилось, пока он спал? Как тут оказалась еда?!

ИПАМ определив, что хозяин проснулся, активировал антиграв.

— Доброе утро, Антон.

— Слушай… — мальчик все еще не верил собственным глазам и потому пропустил мимо ушей вежливое приветствие. — Это ты принес? — Он не смог дольше сдерживаться, схватив ближайший контейнер, открыл его, едва не обжегшись содержимым. — ИПАМ, ты, что украл для меня еду?!

— Осторожно, Антон, контейнеры саморазогревающиеся. — ИПАМ сначала предостерег его от возможных неприятностей, и только после этого позволил себе возмутиться: — Я не в состоянии украсть что-либо! Антиобщественные действия запрещены!

— Тогда откуда взялась еда? — У Антона закружилась голова от запахов пищи, он не мог сдерживаться, и начал есть, краем уха слушая пояснения ИПАМА:

— Я восстановил твой социальный статус. — Произнес тот ровным голосом, пока что избегая применять прямое соединение с разумом хозяина. — Человек рождается не для того, чтобы голодать или заниматься поисками пищи. Синтезаторы продуктов обеспечивают минимальные потребности любого члена общества. Активировав имплант, ты вернулся к

нормальному существованию в рамках единой техносферы колонии.

Антон слушал незнакомые слова и лишь кивал, не пытаясь сейчас понять их смысл.

— Что я должен делать взамен? — Утолив острое чувство голода, спросил он, уже не так жадно вскрывая второй контейнер с пищей.

— Соблюдать законы, больше ничего. — Ответил ИПАМ.

— Значит… — мысли Антона следовали немного иными цепочками логических рассуждений, — значит, мне больше не нужно рыться в контейнерах с отходами?

ИПАМ возмущенно крутанулся вокруг оси.

— Я не понимаю, как люди вообще допустили подобное. — Ответил он. — В информационной среде колонии происходят непонятные для меня явления.

— И все-таки, — Антон с подозрением посмотрел на ИПАМа, — как ты достал еду?

— Я подключил энергию к каналу пневматической доставки продуктов. Затем заново зарегистрировал серийный номер твоего импланта, доказав системе распределения ресурсов, необходимость осуществлять поставки продуктов питания по указанному адресу.

— Ага, и система согласилась? — Недоверчиво переспросил Антон.

— А почему она не должна согласиться? Ты член общества. Наличие зарегистрированного импланта подтверждает данный факт. Люди для того и создали машины, чтобы не заботиться о ежедневном пропитании, используя свой потенциал по прямому предназначению.

Верхние уровни строящегося мегаполиса

Дождь постепенно прекратился, но Антон все сидел в проеме окна строящегося здания, погрузившись в задумчивые воспоминания.

Недавно ему исполнилось четырнадцать, но за два с половиной года, была прожита целая жизнь. Мальчик из нищего квартала не только повзрослел физически, превратившись в юношу, он стал мыслить иначе.

Он узнал, что такое сеть, и внезапно открыл в себе неодолимую тягу к знаниям. Никакого внешнего воздействия со стороны ИПАМа он не испытывал, его маленький кибернетический друг всего лишь открыл для разума Антона двери в иной мир, а дальше… дальше внезапно заработал собственный потенциал Антона, оказывается в мире было столько потрясающе-интересных вещей, что он сутками не покидал старенькое

кресло подле компьютерного терминала, жадно, словно губка впитывая различную информацию.

Жизнь четко разделилась для него на две половины — до и после первого выхода в сеть.

ИПАМ ворчал: *нужно больше бывать на свежем воздухе*, а он ничего не мог с собой поделать, даже желание собрать гравиборд временно потускнело, отошло на второй план, ведь он интуитивно угадал главную особенность виртуальной среды — здесь не существовало социальных градаций, отсутствовало понятие возраста, к оценке принимались лишь интеллект и коммуникабельность.

А гравиборд он все-таки собрал. Теперь мудреные чертежи и схемы, закачанные в рассудок с сервера центрального информатория, уже не выглядели для Антона тайной за семью печатями.

Он узнал и понял смысл одного очень простого, но важного правила: «все, что сделано одним человеком, неизбежно может повторить другой».

В некоторые моменты ему казалось, что границ больше не существует. От обилия доступной и главное интересной информации голова шла кругом.

Такое случается со многими людьми, Антону повезло, он начал осознанно учиться, не из-под палки, не потому, что так нужно, а в силу интереса, необъяснимой тяги ко всему новому, тем более что сетевые технологии позволяли закачивать данные в непосредственно через имплант, и усвоение любого материала происходило в сотни раз быстрее,

Сейчас Антону вспоминал свои первые месяцы «виртуальной жизни» с чувством доброй, щемящей ностальгии.

Оказывается некоторые моменты можно пережить лишь однажды. Теперь он понимал смысл казавшейся странной поговорки: «…в одну воду не войдешь дважды».

Действительно, жизнь, как река. Он упивался своей сетевой свободой, учился, хотя его никто не заставлял этого делать, собирал свой первый гравиборд, на котором совершал пробные заезды в старом, так до конца и не достроенном парке… пока тот не стал ему тесен, как и общедоступные каналы сети.

В тринадцать лет, когда он попытался проникнуть в центральный гравипарк, и его вышвырнули оттуда дюжие ребята из службы безопасности, Антон окончательно понял что такое «социально неравенство» и какая неодолимая пропасть лежит между психологией сети и реальной жизнью…

Болезненный, несправедливый, но наглядный урок, преподанный в

открытом для свободного доступа парке, перевернул сознание одной фразой, которую пренебрежительно произнес охранник:

— Здесь не место таким оборванцам, как ты, возвращайся на свою помойку и не суй сюда носа, понял?

С того памятного дня он начал жить и мыслить чуть иначе.

Антон снова посмотрел вниз, но в его взгляде не читалось ни злобы, ни отвращения.

Отыскав огни центрального гравипарка он усмехнулся своим мыслям.

Нет, настоящая свобода только тут, на огромной высоте, где грань фола проходит по коварным недостроенным дорогам, а щекотливый холодок в груди обжигает, когда, балансируя на «деке», стремительно проносишься над пропастью, чтобы виртуозно вписаться в тускло освещенный проем огромной, не застекленной пока витрины, затем дальше, набирая скорость, в замысловатых трюках перепрыгивая через горы строительного мусора, пока вдруг не провалишься в бездонную шахту подъемника, ощущая, как гравиборд вибрирует под ногами, принимая в качестве опоры незримые для глаза электромагнитные поля…

Плавное парение, похожее на полет, ощущение бьющего с лицо ветра, несущего мелкую морось дождя, переизбыток адреналина в крови, — все это вызывает легкое головокружение, пьянящее чувство восторга, победы над собственным страхом…

Как и в виртуалке здесь, на стройплощадках постоянно растущего города все были равны, в местах негласных «тусовок» собирались подростки и молодые люди со всего мегаполиса, кичливых и заносчивых тут не терпели, занятие гравибордом на больших высотах, вне специально оборудованных зон, становилось экстремальным, рискованным видом непризнанного спорта. Сюда приходили за ощущением риска, настоящего *драйва*, и социальное неравенство быстро стушевывалось, градации богатства или бедности оставались вне отношений, сложившихся между гравибордистами. Главное — как ты умеешь *скользить*, а остальное, по сути, не важно.

Этим и притягательны встречи на высоте.

Мимо Антона промелькнуло несколько стремительно скользящих друг за другом фигур, затем из сумрака стройплощадки (машинам, трудившимся над возведением зданий, не нужен яркий свет) появилась фигура худого подроста. Свой гравиборд он нес в руках. Присев рядом с Антоном он спросил:

— Посмотришь «деку»? Правый компенсатор барахлит. Чуть шею не сломал на развороте.

Антон обернулся. Клайда он знал давно, уже года два, наверное.

— Сам-то когда разбираться начнешь?

— Да не понимаю я… Ну посмотри, Антон, тяжело что ли?

— Завтра. Сегодня некогда.

— Ну ладно… — Разочарованно протянул Клайд. — Может, с собой возьмешь, дома посмотришь?

— Ладно давай. Да не всю «деку», дурень. — Антон освободил из креплений блок антиграва и положил к себе в спортивную сумку, напоминающую стильный рюкзак.

— Что уходишь уже? Наши только собираются. — Оставшийся без «грава» Клайд, с завистью посмотрел как Антон включил питание своего гравиборда.

— Дело у меня есть. Завтра посмотрю, обещаю. — Антон легко спрыгнул из оконного проема, привычным движением бросив свой гравиборд так, чтобы сразу почувствовать его под ногами, легкое изящное скольжение вывело его к каркасу строящееся скоростной автомагистрали. Для гравиборда — то, что нужно. Много металла, плавные закругления, — не драйв, конечно, а просто приятный, несложный спуск на скорости около ста километров в час.

Антон скользил над металлоконструкциями, не касаясь их, он следовал закруглениям строящейся дороги, иногда, чтобы сократить путь и ощутить непередаваемое на словах чувство свободного полета, совершал длинные прыжки, переходя на низлежащий уровень строящихся магистралей.

Через пару минут зона строительства осталась позади. Теперь он использовал в качестве «опоры» покрытый пенорезиной металлический отбойник, ограничивающий уже действующую скоростную магистраль.

Антон не влился в поток машин, но скользил чуть выше, двигаясь с гораздо большей скоростью, чем основной транспортный поток, сзади нервно взвизгивали полицейские сирены, но без флайбота вряд ли блюстителям порядка удастся остановить одинокого гравибордиста, дерзко проносящегося по самой кромке автобана.

Он спешил на свидание и проблесковые маячки только подзадоривали Антона, будоража желание задержаться на пару минут. и устроить им настоящее шоу.

Нет, после.

Он обещал не опаздывать.

* * *

Дома его ждал ИПАМ.

— Почта была? — Спросил Светлов, переодеваясь.

— Одно сообщение от Даны — ИПАМ облетел вокруг хозяина, затем переключил внимание своих датчиков на сверток с блоком антиграва. — Это для меня?

— Нет. Что в сообщении?

— Как обычно. — Ответил синтезированный голос. — Приду вовремя. Дана.

Странно — Подумалось Антону. — *Почему она каждый раз присылает подобные сообщения, если мы обо всем договариваемся заранее?*

Пошло пол года как он познакомился с Даной, но до сих пор их отношения оставались неопределенными. Создавалось ощущение, что девушка (она была ровесницей Антона) вот уже несколько месяцев кряду внимательно присматривается к нему, пытаясь понять что-то очень важное. В то же время она упорно отказывалась от встречи в «реале». Свидания в виртуалке конечно тоже имеют свою прелесть, но иногда Антону казалось, что их знакомство «зависло».

— ИПАМ я в душ. Приготовь чистую одежду.

— Ужинать будешь?

— Кофе с тоником. Есть не хочу. Который час?

— Двадцать часов тридцать две минуты. Поторопись. У тебя встреча в девять вечера.

— Да помню я.

* * *

С Даной они обычно встречались на берегу залива.

Общедоступно виртуальное пространство являлось одним из проектов городских властей, здесь демонстрировалась модель города и терраформированных территорий, так, как это было запланировано в конечной стадии колониального проекта.

Антону нравилось бывать тут, хотя великолепие пышной природы и архитектурное изящество устремленного ввысь города выглядели (с его точки зрения) несколько утопично, как бы сказал один из его знакомых ребят: «не в этой жизни…»

— Дана! — Он окликнул девушку, одиноко стоявшую на пирсе, и дождавшись пока она обернется помахал рукой.

Она даже не улыбнулась в ответ, а лишь кивнула и вновь стала смотреть в даль, дожидаясь пока Антон подойдет к ней.

Те ощущения запомнились на всю жизнь, их не смогли вытравить из памяти ни страшные события двадцатилетней давности, ни новый уровень физической достоверности, привнесенный в виртуалку с момента включения программы «параллельных жизней».

Дана, как и Антон появлялась в виртуальном пространстве не изменяя свой внешности. Им обоим просто не приходило в голову как то видоизменять свой образ. Сказать что она была красавицей, означало солгать — четырнадцатилетняя девушка подросток, по своему симпатичная, немного нескладная в силу переходного возраста, но как и Антон слишком спокойная, уравновешенная, как будто знающая настоящую цену всем вещам и явлениям.

Странными были эти встречи.

Антону подсознательно хотелось чего-то большего, неосознанные желания вызывали чувство некоторой недосказанности, неполноценности их взаимоотношений, но все недостатки перекрывал один плюс: Дана (в отличие от многих виртуальных знакомых Антона) никогда ни на что не жаловалась, ничего не требовала от его, и в то же время легко, непринужденно дарила Антону то общение, которого ему так остро не хватало в реальной жизни.

Да, не смотря на широкий круг знакомых, он страдал от одиночества. Ровесники из квартала казались ему глупыми. В такой оценке не было пренебрежения, он как ИПАМ, просто констатировал факт: их уровень интеллектуального развития отставлял желать лучшего, Антон конечно мог поддерживать беседу на том уровне общения, который предполагался среди подростков, но темы казались ему не интересными. На высотках среди «смешанной» тусовки, все разговоры так или иначе сводились к драйву, «гравам» и тоже не могли удовлетворить постоянно растущих интеллектуальных потребностей стремительно не по годам развивающегося рассудка.

Только Дана казалась ему в этом смысле близким и понятным человеком.

Они общались как друзья, хотя Антон зачастую испытывал смешанные чувства, ему хотелось прикоснуться к ее руке, но тот уровень достоверности, что существовал в сети более двух десятилетий назад, не позволял этого, а от встречи в «реале» она упорно отказывалась: просто говорила «нет», никак не мотивируя свою непреклонность.

…

— Красивый сегодня закат. — Дана присела на край гранитного ограждения пирса. — Только нереальный. Такого не бывает.

Антон посмотрел на фиолетово-лиловое солнце, чуть размытое по краям, медленно будто тягучая капля жидкого огня, стекавшего за горизонт и ответил:

— Так будет. Состав атмосферы измениться, я кстати недавно узнал что на полючах планеты запланировано построить станции генераторов дополнительного магнитного поля, которое будет защищать биосферу от космических излучений.

— Такого не будет никогда.

— Почему?

— Мне кажется, колониальный проект неосуществим.

— С чего вдруг?

— Да так, мысли. Смотрю на модель и думаю: зачем все это? Зачем изменять природу, когда можно жить не вторгаясь в окружающую среду. Пусть бы она оставалась такой как есть.

— Пустыней? — Хмыкнул Антон.

— А что плохого в пустыне? Она хотя бы естественная. Чем лучше чахлые деревья, которые не растут а мучаются, медленно погибая, а их сажают снова, с упорством обреченных.

— Ну не все получается на первых порах. — Антон ненадолго задумался и добавил — Тут виноваты не люди, а состав почвы. В ней внезапно обнаружили токсичные химические вещества. Некоторые биологи придерживаются мнения что они не могли образоваться сами по себе в результате, например, прошлой вулканической деятельности, или естественных для современных условий внешней среды химических реакций.

— Еще одна загадка? — Дана едва заметно улыбнулась. — Люди странные. Вот ты Антон, — она посмотрела ему в глаза, — ты знаешь, зачем живешь?

Он пожал плечами.

— Не думал об этом. А что?

— А я думаю, периодически. Мне почему-то не хочется выходить из виртуалки. Здесь есть все, а если чего-то нехватает, то это можно придумать. Зачем тогда тратить годы, чтобы делать карьеру, накапливать вещи, сажать деревья, которые все равно зачахнут? Разве не справедливее оставить внешний мир в покое и жить тут?

— Идти по пути наименьшего сопротивления? Самим превратиться в тепличные растения, о которых заботятся машины? Нет, Дана, я так не хочу. В виртуалке красиво и интересно, но и у «реала» есть свои преимущества. Это же две стороны одной жизни, и только сложенные

вместе они создадут гармонию.

— Не понимаю Антон, разве тут нет гармонии?

— Не-а… — Он присел рядом. — Вот хочу взять тебя за руку, но не могу. В виртуалке нет чувств. Они как отражение в зеркале — вроде бы рядом, а не достанешь.

— Чувства… Дана почему-то нахмурилась. — Не понимаю, зачем тебе брать меня за руку?

— Ну этого я объяснить не могу. Просто хочется и все.

— Некоторые твои желания кажутся мне слишком… — Она не договорила, внезапно замолчав.

— Что обиделась?

— Нет. Просто иногда ты становишься совсем непонятен.

Антон расстроился, но вида не подал.

— Пойдем, погуляем.

Она согласно кивнула, честно предупредив.

— У меня осталось пятнадцать минут.

— Ты торопишься?

— Нет. Просто через четверть часа я исчезну. — Дана первый раз по-настоящему улыбнулась. — Как золушка.

— Почему ты всегда исчезаешь?

— Сама не знаю. Обрывается доступ. Пытаюсь с этим разобраться, но пока что безрезультатно.

— Ну ладно. Тогда не пойдем никуда просто посидим. Только ты предупреди, когда придет время?

— Ладно — Грустно ответила она. Будь моя воля, я бы вообще не уходила отсюда.

…

Она исчезла как и говорила, ровно через пятнадцать минут. Антон уже начал привыкать к этому, но однажды она исчезла навсегда, так, словно кто-то злой и незримый окончательно отказал ей в доступе.

Антон приходил на условленное место встречи, ждал сообщений от нее, но все зря.

В реальности прошло еще четыре года, но он так больше и не получил от Даны ни одной весточки.

Сначала он тосковал, но потом смирился, все реже приходя на пустой пирс.

А затем, когда Антону исполнилось восемнадцать, он по совету ИПАМа пошел в пункт вербовки и подписал контракт на учебу в специальной военизированной школе, с последующей обязательной

службой в бригаде колониальной войск.

Настоящее…

— Интересный фрагмент воспоминаний. — Слова опять долетали до Антона как сквозь слой ваты. — Любопытная девочка и не менее странный мальчик.

— Почему вы называете Светлова странным?

— Они оба странные, Миллер. — Такие разговоры между вчерашними детьми, как минимум настораживают. Надо же… В четырнадцать лет, не рановато ли?

— А в каком возрасте, по-вашему, *пора* задавать себе вопросы о смысле жизни? Когда все уже позади, прожито, и осталось лишь оглядываться назад?

— Язвите Генрих? Ну-ну…

— Нет. Просто мне интересно вы сами задавали себе подобный вопрос? Искали ответ?

— Не ваше дело. — Огрызнулся Зарезин. — ладно, оставим психологию, перейдем к делу. Док, вы уверены, что Дана и наш призрак — одно и тоже лицо?

— Вы некорректно формулируете вопросы полковник. — Ответил Миллер. — Лицо… Даже странно слышать от аналитика такую фразу.

— Не придирайтесь. И не пытайтесь дерзить. Как вы ее идентифицируете? Не по духу же?

— Конечно, нет. Для этого недостаточно данных. Я лишь качественно выполнил порученное задание. Получив образ, мои специалисты произвели обратное моделирование, то есть получили облик молодой женщины от настоящего момента к прошлому с интервалом опорной модели в один биологический год. Простое сравнение полученных моделей с образами, хранящимися в памяти Светлова, дало стопроцентное совпадение — в четырнадцатилетнем возрасте он встречался в сети с девушкой, которая, повзрослев, стала вашим «призраком».

— Хорошо. Это означает, что она не скрывала своего облика, появляясь в сети?

— Да.

— Редкое явление.

— Согласен. Но Светлов, между прочим, тоже не пользовался возможностями виртуалки, чтобы приукрасить свою внешность.

— В этом они похожи. Но девушка, все равно странная… — Зарезину видимо доставляло удовольствие рассуждать вслух, акцентируя моменты, которые явно нервировали доктора Миллера. — Слишком холодная и рассудительная для своих лет. Кстати, зачем вы начали издалека, к чему эти воспоминания раннего детства Светлова, его самообразование, занятия гравибордом?

— Я хотел показать, как рос Антон.

— К чему?

— К тому, полковник, что вы вторглись в рассудок человека, который всего добился сам. И ни разу не предал тех, кому доверял или верил. А вот вы предали его.

— Опять вы за свое!? — Вспылил полковник. — Я никого не предавал, и даже не был знаком со Светловым до последних событий!

— Вы не отделаетесь от меня так просто, господин Зарезин. — Глухо произнес Миллер. — Особый отдел не пугает меня широтой своих полномочий. Я достаточно известен, и, выполнив приказ, выполню и свой гражданский долг, — эти материалы станут достоянием общественности. Как показательный пример, — что может получить в награду человек, верно служивший своему городу…

— Миллер, вы играете с огнем! — С плохо скрытой яростью в голосе предупредил Зарезин. — Вам не приходило в голову, что идет затянувшаяся на два десятилетия война, и случиться может всякое? Например, парочка рагдов, *случайно* прорвавшихся к зданиям вашей лаборатории? Что здесь останется? Пепел? Подумайте над этим, и не морочьте мне голову своей больной совестью. Следующий материал должен содержать только события, связанные с существом проблемы. Иначе я не гарантирую, положительного отзыва о проделанной работе. Мы ищем ВРАГА! Заткните свою совесть и давайте, наконец, работать. Меня не интересует, как рос Антон Светлов. Важно знать, где и как он видел ее, сколько раз встречался, это понятно?!

— Да. — Голос доктора опять дрогнул, поддаваясь вернувшемуся страху.

Как любой человек он не мог растоптать инстинкта самосохранения. Его негодование временами, фразами вырывалось наружу, и тут же гасло от соприкосновения с ледяной уверенностью полковника, который не бросал слов на ветер…

— К делу, Миллер!.. — Подхлестнул его голос Зарезина

Прошлое… Два десятилетия назад…

Их подняли по тревоге ранним утром.

Светлов уже забыл, когда в последний раз просыпался от прямого мнемонического вызова. Ощущение надо сказать неприятное, но мобилизующее.

Он резко сел, ИПАМ уже раскрыл встроенный шкаф с боевой экипировкой, который был разблокирован дистанционной командой, еще до пробуждения Антона.

Антон отбросил легкое одеяло, мысленным приказом распахнул окно,[6] ощутив, как в спальню ворвался влажный бодрящий воздух.

Пять часов утра.

Он знал, что сейчас по пустынным автомагистралям спящего мегаполиса, следуя строго определенным маршрутом, стремительно продвигается БПМ[9], одного за другим забирая бойцов поднятого по тревоге взвода.

Что и где стряслось, он узнает через минуту.

Сержант Светлов был сдержанным человеком. Он не имел привычки сетовать на судьбу, тем более что свой путь Антон выбирал сам. Поэтому сейчас он не испытывал досады от прерванного сна, а молча и быстро экипировался, без суеты и лишних движений, затем взял из стойки ИПК[7], проверил легко ли опускается компьютеризированное забрало боевого шлема, и только после этого произнес:

— ИПАМ, передай: я выхожу. Остаешься за старшего. — В нотках сухого голоса прозвучала легкая ирония. — Разрешаю вход в сеть для поиска информации. Думаю, к вечеру вернусь, — Светлов окинул взглядом спальню и добавил:

— Убери постель и закрой окно. Все я пошел.

— Удачи, хозяин. — Прозвучал ему вслед синтезированный голос.

…

Антон появился в дверях подъезда одновременно с тем, как к тротуару, резко затормозив, прижалась пятнадцатиметровая, оснащенная восьмью ведущими колесными парами боевая машина. Боковая рампа уже отодвигалась в сторону, открывая доступ внутрь десантного отсека.

Перешагнув низкий, окаймленный уплотнителем порог, Светлов занял свое кресло, пристегнулся, ощущая, как БПМ тронулась с места, резко набирая скорость, и, только совершив все необходимые операции,

огляделся.

Рядом в соседнем кресле расположился заспанный Фогель. На Курта мнемонические команды действовали не так хлестко и однозначно, как на других. Взводный снайпер и в бою имел больше свободы для принятия решений.

— Как? — Антон пожал протянутую руку.

— Спать охота. — Откровенно зевнул Фогель.

— Куда выдвигаемся?

— Спроси у Крамера. — Пробурчал Курт. — Только смотри, он что-то злой, наверное, тоже не выспался.

Лезть с расспросами к взводному Антон не стал. Сейчас все соберутся, и Джон сам объявит цель неурочного задания.

На экранах обзора, образующих отдельные секции, проносилась панорама спящего мегаполиса. Внутри десантного отсека было тепло и тихо, внешние микрофоны отключены, и гул водородного двигателя прорывался, как будто издалека, навевая дрему. Мощная приземистая машина плавно проносилась по городским улицам, забирая последних бойцов взвода.

Лейтенант Крамер упорно молчал, что-то сосредоточено рассматривая на мониторах тактического терминала.

Снова распахнулась рампа, в салон вслед за капитаном Раневским пахнуло утренней прохладой.

— Всем продрать глаза! — Вместо приветствия зло обронил ротный, проходя между креслами к командному модулю боевой машины.

БПМ плавно развернулась и, вырулив на северную магистраль, устремилась за городскую черту. Через некоторое время с включением сканирующих комплексов заработали и внешние микрофоны, передавая шелест литых колес, и низкий басовитый, явно приближающийся гул.

Антон посмотрел на секцию экранов верхнего обзора и толкнул локтем вновь задремавшего Фогеля:

— Вертушки.

Курт приоткрыл глаза.

— Дело дрянь… — спустя пару мгновений шепотом высказался он, рассмотрев в серой предрассветной мгле хищные контуры штурмовых вертолетов. Пять «К-800» нагнали боевую планетарную машину и теперь шли на предельно-низкой высоте, с воем рассекая лопастями винтов дождливую хмарь пасмурного утра.

Свет в десантном отсеке внезапно мигнул, сменившись на красноватое сияние.

Антон ощутил, как по спине пробежал холодок неприятного предчувствия. Что-то было не так, внутреннее чувство, скорее всего спровоцированное грозным видом машин сопровождения, подсказывало: это не заурядный патрульный выезд, и тем более не учебная тревога. Тогда что? За последние месяцы в районе мегаполиса не происходило ничего экстраординарного, да и вообще в течение двух лет службы Светлов, как и остальные бойцы, большую часть времени проводил в учебных выездах и тренировках, лишь изредка сталкиваясь со странными, не особо понятными, но и не очень опасными механоформами, пытавшимися атаковать конвои с продовольствием, следовавшим от расположенных на удалении от города агротехнических ферм.

Сидевший напротив Светлова Фриенбагер, заметив сопровождение, удивленно спросил:

— Что учебные стрельбы?

— Вряд ли. — Ответил Антон, покосившись на остальных бойцов своего отделения. Суханов и Плотников сидели молча, они тоже заметили вертолеты, но вопросов задавать не стали, а вот Станич нервно заерзал в кресле, Федоренко с Ганичевым вообще дремали, проигнорировав недавний окрик капитана.

— Полигон в южном направлении, а мы идем на север.

— К черному лесу что ли? — Немного побледнев, предположил Суханов.

В этот миг на дорожной развязке показались еще четыре боевых планетарных машины. Антон отчетливо видел, как они свернули на северную трассу и прибавили ход, нагоняя БПМ первого взвода.

— Похоже, точно идем к лесу. — Ответил он, кивком указав на экран. — Рота в сборе.

— Дрянное место. — Не удержался от комментария Фогель. — Жуть от него берет.

— Там техники старой навалено у опушки, — поддержал его Фриенбагер. — Сам видел. Раскуроченные планетопреобразующие машины, и еще какие-то непонятные обломки.

— Ты откуда знаешь? — Недоверчиво спросил Коля Федоренко,

— Года два назад мы ходили на сопровождение по северной трассе. — Охотно объяснил ему Клаус, которого не так давно перевели к ним из другого подразделения. Схлестнулись мы тогда со стаей рагдов, мало не показалось.

— А что сопровождали? — Поинтересовался Светлов, который в ту пору только заканчивал учебку.

— Вот этого сказать не могу. Техника тяжелая, сплошь бронированная, все механизмы внутри, а взводный нам пояснений не давал.

На некоторое время разговоры стихли. Четыре БПМ нагнали головную машину: у Антона вдруг возникло чувство тревоги. Всем составом подразделения они выезжали только на тактические занятия и учебные стрельбы. Про «К-800» говорить не приходилось, их он видел только издали. Вообще-то сержант Светлов еще ни разу не бывал на серьезном боевом задании. За два года прошедшие после учебки он уже начал понемногу привыкать, что стая в три-четыре рагда это наибольшая опасность, какую можно встретить за сотню километров от мегаполиса.

— А далеко сопровождали? — спросил он у Фриенбагера, вспомнив, что действительно слышал про взвод попавший в засаду у черного леса. Их тогда тоже поднимали по тревоге, но дальше патрулирования внешнего кольца городских автомагистралей дело тогда не дошло.

— Конечного пункта не знаю. — Признался Клаус. — Нас у леса рагды[10] прижали, штук двести не меньше. Словно собрались со всей округи и ждали.

— Ну и? У них ведь лазеры слабые, броню не берут. — Фогель, оказывается, только делал вид что дремлет, на самом деле прислушиваясь к разговору.

— Там еще одна тварь была. — Ответил Фриенбагер. — Я лично ее не видел, но когда головную БПМ разнесло в куски, взводный дал команду на высадку. Вся колонна встала, и тут рагды навались со всех сторон, пришлось помощь вызывать из города. У нашей машины колеса сожгли, весь полимер расплавился до дисков, так что через лес вездеходы с техникой вели уже другие подразделения.

…

— Отставить разговоры! — Лейтенант Крамер как всегда появился неожиданно. — Светлов, что тут у тебя за бардак?

— Обсуждаем оперативную обстановку. — Спокойно ответил Антон.

— А ты ее знаешь? — Крамер вопреки обыкновению не стал орать, напротив, его голос был необычайно глух. — Ладно, погадали и хватит. Мы выдвигаемся к сверхсекретному объекту, расположенному в четырехстах километрах от города севернее лесного массива. Задача — обследовать площадку изысканий (что за «изыскания» лейтенант не пояснил). Особое внимание уделять спецконтейнерам, подготовленным к транспортировке. По виду это обыкновенные пластиковые ящики длиной в три метра. Их

эвакуация — главная цель всей миссии.

— Вероятное сопротивление? — Уточнил Антон.

— Нас будут прикрывать боевые вертолеты. Возможна встреча с крупными представителями враждебных механоформ. При обнаружении последних, докладывать на открытой частоте, в бой по возможности не вступать, пилоты примут координаты и уничтожат цели. Повторяю, наша задача отыскать и погрузить в БПМ контейнеры. По моим данным их двадцать штук.

Светлов хотел уточнить, почему контейнеры не могут вывезти на обычных грузовых вездеходах, но лейтенант видимо ожидал подобного вопроса и потому опередил реплику сержанта:

— Сегодня ночью на объект изысканий (он упорно продолжал оперировать не вполне понятным словосочетанием) совершено нападение. Мы получили сигнал бедствия и короткое сообщение, затем связь прервалась. Я сам понятия не имею, что там стряслось, тем более, — он многозначительно посмотрел на бойцов, — не знаю о содержимом контейнеров. Нам приказано доставить их в город любой ценой.

…

Вернувшись в тактический отсек, Джон Крамер бегло просмотрел данные обстановки.

Засечек на суммирующем экране систем сканирования хватало, чтобы заставить Крамера нервничать. Удивляла спокойная реакция капитана Раневского, отдававшего приказания экипажам машин сопровождения:

— Первый, земля на связи.

— Слышу тебя капитан.

— На датчиках БПМ множественные сигналы. Азимут двести — предположительно стая рагдов.

— Вижу.

— Почему не маневрируешь?

— Есть проблема посерьезнее. Спутниковый контроль указывает на засаду. Сигналы неявные, но лучше подстраховаться.

— Не понимаю, тебя. — Раневский продолжал демонстрировать неестественное хладнокровие. — Выражайся точнее, первый.

— Под покровом леса скрываются крупные объекты. — Ответил ведущий звена прикрытия. — Спутник фиксирует лишь тепловые аномалии, но я думаю там затаились какие-то крупные твари, по тепловой сигнатуре похожи на олонгов. Ждут, когда БПМ войдет в границы лесного массива, а рагды задержат прикрытие у опушки.

— Ты рассуждаешь так, будто они могут координировать свои

действия. И что за «олонги»? Не слышал о таких.

— Не знаю, что до вас доводят, а что нет, но мы месяц назад получили подробные данные по вероятному появлению новых видов механоформ. Олонги — что-то вроде хорошо бронированных вездеходов. Прогнозируемое вооружение — генераторы плазмы. Так что я не рассуждаю, а делаю выводы, исходя из полученных данных. Вполне может быть, что ошибаюсь, но давай лучше перестрахуемся, капитан, чем ты со своими ребятами въедешь прямо в ловушку.

— Хорошо. Твои предложения?

Командир группы прикрытия видимо уже обдумал план действий, просто капитан Раневский вышел на связь раньше, чем он сам.

— У черного леса завалы старой техники. Их спихнули бульдозерами с дороги. Выводи БПМ под прикрытие металлолома, высаживай ребят, пусть найдут надежные укрытия. Мы отработаем по лесу из ракетных установок, — посмотрим, что там за «аномалии».

— Рагдов оставляешь нам?

— По обстоятельствам. Продержитесь минут десять, пока мы заходим на крупные цели.

— Понял тебя. Действуй. — Раневский обернулся к Крамеру. — Задача ясна, лейтенант? Командуй.

* * *

БПМ резко сошла с дорожного покрытия и теперь неслась по ухабам каменистой пустоши.

Черный лес приближался, еще не было видно отдельных подробностей, он появился темной полосой омертвевшей растительности, но рассмотреть его на экранах обзора толком не удалось — поле зрения видеокамер заслонили те самые нагромождения старой планетопреобразующей техники, о которых упоминал Фриенбагер, и тут же поступила команда на высадку.

Резко открылась рампа, боевая машина снизила скорость, в проеме бокового выхода вдруг явственно проступили очертания сгоревших почвоукладчиков и прочей, изуродованной до полной неузнаваемости техники, — по обе стороны дороги протянулась настоящая свалка металлолома, освещенная ритмичными сполохами от работы зенитных установок притормозивших БПМ.

— Внимание, рагды! Действуем парами! — Антон, получив распоряжение Крамера, передавал его бойцам своего отделения. — Рассредоточиться, найти укрытия и доложить.

Первая пара, — Ганичев и Суханов, — уже выпрыгнули наружу, Фриенбагер и Федоровский отстегивались от кресел, когда мимо проема открытой рампы щедро сыпануло росчерками лазерных разрядов, земля за бортом боевой машины как будто вскипела, взрываясь от мгновенного перепада температур.

Дымящиеся комья суглинка разлетались словно осколки, оставляя за собой неровные сизые полосы…

БПМ резко отвернула в сторону, продолжая вести огонь из орудий верхней полусферы.

— Пошли! Не останавливаться! — Светлов подстегнул окриком замешкавшихся у рампы бойцов, потом оглянулся на Фогеля и жестом указал на сумеречный силуэт планетопреобразующей машины.

Курт кивнул, подтверждая, что понял,

Покрытая свежими, дымящимися воронками земля встретила Антона хлестким ударом, он привычно сгруппировался, откатившись в нужном направлении, под самый борт древнего механизма, и тут же привстал на одно колено, вскинув ИПК.

Повсюду среди нагромождения старой техники били короткие очереди и сверкали ослепительные росчерки когерентного излучения. Судя по темпу стрельбы, рагдов оказалось не меньше сотни, и действовать они пытались по уже опробованной однажды схеме, — большинство юрких, летающих бестий устремилось за БПМ, но на этот раз люди оказались подготовлены к подобному маневру, — бойцы высадившейся роты, рассеявшись среди укрытий, вели огонь по вытянувшейся в воздухе стае рагдов, пока те не прекратили преследование бронемашин, разделившись на мелкие группы

— Ну, теперь держись Антон. Сейчас они на нас попрут. — Фогель отстрелял остаток магазина снайперской винтовки, сбив несколько опасно приблизившихся рагдов, и отпрянул в сторону, за выступ надстройки опрокинутой набок машины. — Перезаряжаю!

Светлов бил с колена, целясь по характерным отсветам, возникающим при работе лазерных излучателей. Попадать в цели размером не более футбольного мяча, мечущиеся в воздухе на приличной скорости, было непросто, но он успел заметить две вспышки явных попаданий, прежде чем плотный ответный огонь заставил его отступить к позиции Фогеля

— Сюда — Курт указал на огромную сквозную пробоину в корпусе почвоукладчика.

Они проскочили через обгоревшее нутро древнего механизма, оказавшись у самой опушки зловещего леса, о котором в городе ходили

самые мрачные и противоречивые слухи Прямо перед ними дорога, проложенная еще первым поколением колонистов, вливалась в мертвые заросли абсолютно черных деревьев, чьи узловатые, замысловато перекрученные стволы казались неподверженными влиянию времени, а вот ветви были достаточно хрупкими, чтобы ломаться под порывами сезонных ветров.

Вообще зрелище, открывавшееся взгляду, могло ввергнуть в шок неподготовленного человека: глухая, молчаливая стена корявых черных деревьев выглядела, как иллюстрация к страшной сказке… или декорацией для съемок фильма ужасов; под кронами омертвевшей растительности лежал хрусткий ковер сломанных ветвей, там гнездился сумрак, от которого к свету, оплетая узловатые колонны черных стволов, тянулись бледно-зеленые вьюны: — это были земные растения, чьи семена рассеивали над площадью материка машины первичного терраформирования.

Вьюны и еще несколько видов лианоподобных растений прижились, превращая мертвый лес в сюрреалистическую смесь живого с неживым, картину окружающего дополняли многочисленные свидетельства бушевавших тут некогда схваток — с десяток остовов сгоревших планетарных машин постепенно год за годом «врастали в землю» вместе с многочисленными обломками исконных обитателей планеты, — кроме «скорлупы» рагдов взгляд Антона фиксировал и более крупные обломки, принадлежавшие исчезнувшим механоформам.

Если верить той истории, что преподавали им на занятиях в школе подготовки младшего командного состава, первые поселенцы, высадившиеся на побережье океана, столкнулись с несколькими видами механизмов, оставшихся на планете от давно исчезнувшей расы. По историческим свидетельствам все крупные механоформы были уничтожены еще четверть века назад, хотя рассказ Фриенбагера прямо противоречил подобным утверждениям…

Короче ситуация складывалась неясная, Светлов, как впрочем и другие участники сегодняшней операции еще не подозревали, что новейшая история колонии будет написана здесь и сейчас…

Антон на секунду выглянул в пробоину, оценивая обстановку. К этому моменту все бойцы отделения доложили о занятых позициях, вели интенсивный огонь из укрытий, и только они с Фогелем все еще пробирались через завалы древней техники

— Сюда! — Антон указал на вросший в землю остов выгоревшей БПМ, броня которой служила хорошей защитой от лазеров.

Курт лишь молча кивнул в ответ, разговаривать сейчас было некогда. Пока они меняли позицию рагдов, похоже, только прибавилось: пять или шесть лазерных лучей одновременно впились в покрытую окислами обшивку оставшегося позади почвоукладчика, оставляя на ней вишневые пятна ожогов.

Фогель стрелял одиночными, экономя патроны, хотя снайперская модификация ИПК позволяла вести автоматический огонь, но начальная фаза операции не радовала, впереди еще дорога через черный лес и наверняка зачистка упомянутого Крамером «сверхсекретного объекта», так что боекомплект следовало беречь…

Еще две твари рухнули на землю, но со стороны сумеречного полога мертвых деревьев появлялись все новые и новые группы рагдов, словно черный лес порождал их в своих таинственных чащобах.

Кто знает, может так оно и есть?

В этот момент выпавшие из поля зрения Антона вертолеты сопровождения зашли на цель.

Предрассветные сумерки внезапно подсветила целая серия зарниц, — где-то километрах в пяти от позиций занявшей круговую оборону роты «К-800» разрядили реактивные установки залпового огня, накрыв несколько гектаров лесного массива.

Неистовое пламя разрывов рванулось к небесам, феерическое зрелище двух кратких, сферических, ярко-голубых выбросов на миг приковало внимание Светлова: похоже вертушки вели не поквадратный обстрел, а ураганный огонь по конкретным целям, две из которых только что взорвались, выдавая наличие термоядерной силовой установки.

Сокрушительный удар сдвоенной взрывной волны по большей части принял на себя молчаливый черный лес, но взрывы оказались настолько мощными, что меж деревьев несло сломанные ветви, упругий удар повалил часть нагроможденной друг на друга старой техники, вкруг все сдвигалось, скрежетало, даже стаю рагдов разметало по сторонам…

Секундное замешательство едва не стоило Светлову и Фогелю жизни.

Поднявшись на ноги, они оба посмотрели в сторону леса.

— Вот это рвануло… — Курт, не мог отвести взгляда от разгорающегося прямо на глазах яростного пламени, которое медленно поднималось ввысь, закручиваясь по спирали, подсвечивая грибообразные выбросы…

— Рагды! — Антон резко толкнул Фогеля, прижимая к обугленной броне старого планетопреобразующего механизма, и лазерные разряды пронеслись мимо, зато Курт, мгновенно потерявший интерес к

продолжающейся схватке боевых машин, резко развернулся, дважды выстрелив поверх головы Светлова.

К ногам Антона, отрикошетив от борта почвоукладчика упал рагд. Он хотел машинально отшвырнуть подбитую тварь ногой, но потом передумал:

— Прикрой.

Фогель кивнул, уже не отвлекаясь на далекое зарево

Пока Курт контролировал окрестности Антон, сноровисто действуя десантным ножом, вскрыл оболочку сбитого рагда, и несколькими точными движениями препарировал летающую тварь, изъяв у нее блок антиграва, который тут же перекочевал в свободный подсумок боевой экипировки.

— Порядок. — Антон выпрямился, вновь контролирую свою зону ответственности.

Вертолеты прикрытия уже развернулись над лесом и начали стремительный атакующий бросок, возвращаясь к позициям роты, прошивая пограничные кроны деревьев и густой, бледно-салатовый подлесок короткими очередями из тридцатимиллиметровых автоматических орудий. Каждый из «К-800» был оснащен компьютерной системой управления огнем, способной одновременно сопровождать до двадцати подвижных объектов, так что рагдам пришлось туго: повсюду сверкали вспышки попаданий, хлесткие, звонкие удары пробиваемого навылет металла сопровождались шелестящим звуком падения обломков, потрепанный взрывными волнами черный лес ронял срубленные осколками ветви, в воздухе остро пахло дымом и терпким соком рассеченных лиан…

Не прошло и минуты, как рагды исчезли так же стремительно, как и появились, добавив к древним останкам, усеивавшим опушку леса и обочины дороги, около сотни сбитых сородичей.

Антон сел, прислонившись спиной к нагревшейся от лазерных попаданий обшивке, вросшей в землю БПМ.

— Никогда не любил этих тварей. — Он поднял забрало боевого шлема, вытирая лоб.

— Да? — Иронично отозвался Курт. — То-то ты был рад, когда одна из них подкатилась прямо под ноги. — Он присел рядом и спросил: — Зачем тебе понадобился блок? Опять для гравиборда?

Антон кивнул.

— А в магазине не купить? — Не унимался Фогель. Не смотря на кажущееся хладнокровие, Курт все еще находился в состоянии нервного возбуждения короткой, но яростной схватки.

— В магазине продают отстой. — Коротко ответил Антон. — Не та

мощность.

— Не понимаю я тебя, Светлов. — Произнес Курт. — Мало тут адреналина получаешь? Я, к примеру, сыт им по уши. Вот объясни к чему тебе рисковать?

— Я не рискую.

— Ну да. Видел я вас… глазам не уследить, голова кружиться. Там же шею запросто сломать можно…

— Ты про стройплощадки?

— Да.

— Извини Курт, ты не поймешь, пока сам не попробуешь. Здесь, в бою риск, а там свобода, настоящий *драйв*.

Фогель огляделся вокруг, потом повернулся к Антону и сказал:

— Ладно. Пошли. Взводный вызывает.

Усталость после короткого боя накатила как всегда неожиданно, казалось, еще секунду назад все мышцы полнились энергией, и вдруг тело как будто налилось свинцовой тяжестью.

Какой еще драйв? — Думал про себя Фогель. — *Тут за десять минут так замотаешься, что до БПМ добраться сил нет…*

Его мысли прервал приказ взводного:

— Всем отделениям — к машине!

БПМ уже выползала на дорогу, протаранив тупым, обтекаемым носом ветхий, проржавевший насквозь почвоукладчик.

Листы сорванного металла и детали каркаса с неприятным скрежетом царапали по дорожному покрытию. Наконец БПМ, остановилась, открыв обе бортовых рампы.

Антон и Фогель заняли свои места последними, они прикрывали посадку подразделения, невольно по привычке считая бойцов.

Вроде бы все. Без потерь.

Сев в кресло, Светлов защелкнул страховочные ремни и вдруг подумал:

Все только начинается.

* * *

Интуиция не подвела Антона. Этой ночью произошло нечто экстраординарное. Почувствовать, что события выходят далеко за рамки обыденности, позволила картина, открывшаяся взгляду, спустя четверть часа после того как колонна БПМ углубилась в лесной массив.

Черные деревья не горят — поваленные концентрическими кругами исполинские растения частично перегораживали дорогу, с двух сторон,

разгоняя сумрак, полыхали чадные костры, повсюду вперемешку с обломанными ветвями валялись обломки исполинских механических форм.

— Это олонги. — Неожиданно произнес по связи капитан Раневский. — Мы считали, что данный вид механоформ уничтожен нашими предками.

Светлову еще не приходилось сталкиваться с подобными формами местной жизни лицом к лицу и сейчас он впервые смог оценить их воистину исполинские размеры.

Если бы пилоты машин прикрытии вовремя не обнаружили засаду, нанеся превентивный ракетный удар, страшно было даже подумать, какая судьба ожидала их всех.

Что же за «объект исследования» им предстоит осматривать? И сколько еще опасностей ждет на пути к нему?

— Клаус, — обратился он к сидящему напротив Фриенбагеру, — Ты раньше видел хитваров?

— Нет. — Покачал головой тот. — Только обломки да еще компьютерные модели. А что командир?

— Странно все это — Не стал скрывать обуревавших его сомнений Светлов. — Когда я окончил училище, и пришел служить, случались только мелкие столкновения с рагдами. Но нам преподавали устройство и способы борьбы со многими «реликтовыми механоформами». — Он выделил последние слова интонацией. — Как будто руководство колонии знало, что рано или поздно мы столкнемся с ними.

— А откуда они вообще берутся? — Вмешался в разговор Фогель. — Случайно этого вам в училище не рассказывали?

— Нет. — Антон немного подумал и добавил: — Не знаю, откуда появляются механоформы, но чувствую, стычкой у леса все не закончиться.

— Умеешь ты успокоить, командир. — Подал голос Суханов.

Светлов не ответил. Кроме прочего было множество иных странностей, о которых он думал и до сегодняшнего дня, но делиться сейчас с бойцами отделения своими соображениями он не стал. Во-первых, не поймут, во-вторых, не к месту подобные откровения.

— Ладно. Всем, осмотреть экипировку и оружие. — Перешел Светлов на привычный приказной тон. — О странностях поговорим позже, когда вернемся в город.

* * *

Вопреки пессимистичному прогнозу Суханова, дорога до «объекта» прошла спокойно.

Антон все время размышлял над внезапным боестолкновением у леса, но к однозначному выводу придти не смог. В его рассудке не находила объяснения коллективная деятельность рагдов. Если они — реликтовые механизмы некогда существовавшей на планете цивилизации, то оставалось неясным, почему они сохранили функциональность, где их ремонтно-техническая база, и так ли все правдива информация, об уничтожении всех крупных реликтовых механизмов? Утренние события свидетельствовали как раз об обратном — в лесу скрывались мощные и опасные механоформы, е чета рагдам. Антон прекрасно понимал, не прояви пилоты машин прикрытия должной бдительности, ситуация развивалась бы по иному сценарию: рагды связывают боем машины прикрытия а БПМ стараясь быстрее преодолеть опасный участок лесной дороги, прямиком попадают в засаду.

От подобных мыслей по спине пробегал неприятный озноб.

…

Воцарившееся в десантном отсеке напряженное ожидание окончилось лишь спустя несколько часов, когда головная БПМ плавно притормозила у спуска в огромную котловину.

— Внимание, мы на месте. — Раздался по связи голос капитана Раневского. — Командирам отделений получить маршрутные чипы. Выходим на прочесывание, всем соблюдать максимальную осторожность. Мы не знаем, что тут произошло. Напоминаю, главная цель — поиск и доставка в точку эвакуации контейнеров.

— Слышал — Шепотом произнес Фогель. — Ищем не выживших людей, а какие-то ящики.

Светлов только пожал плечами.

— А кто тебе сказал, что тут работали люди? — Так же тихо ответил он. — Всем приготовиться. — Он отстегнулся и прошел по узкому проходу к тактическому модулю, получать чип с маршрутом своего отделения.

…

О том, что такое «секретный объект» каждый из бойцов смог получить самое непосредственное впечатление, как только закончилась высадка.

Огромная искусственно вырытая котловина на поверку оказалась исполинским раскопом, на дне которого взгляду открывались руины… города.

— Ни хрена себе… Кто же тут жил? — Не удержался Фогель.

— Явно не рагды. — Ответил ему Светлов. — Первое отделение двигаемся парами, наша зона — три параллельные «улицы» внимательно

осматривать пространство внутри построек. Капитан сказал, что людей тут нет, на раскопках работали машины. Их состояние интересует нас во вторую очередь. Главное найти и доставить к границам котлована контейнеры. Вскрывать ящики запрещено. При обнаружении на каждый контейнер сразу же устанавливать маяк.

— Это на тот случай если нас убьют? — Мрачно поинтересовался Галич.

— Разговоры отставить! — Голос Раневского звучал нервно. — Не топчемся на месте, работаем!

Крамер вообще за последние четверть часа не «высовывался» на командную частоту. Было непонятно, что думает сам взводный по поводу полученного задания и текущей обстановки.

Светлов не стал выяснять, почему руководство подразделением взял на себя командир роты.

— Все пошли. — Он начал спускаться по отлогой насыпи, на которой четко выделялись множественные следы, оставленные гусеничной техникой.

Сзади нервно взвизгнуло приводами поднятое в боевое положение башенное орудие планетарной машины, над головой растекался равномерный гул вертолетов прикрытия, все вроде бы выглядело достаточно заурядно, если не брать во внимание сам факт существования на планете *города*, явно принадлежавшего иным, *исконным* обитателям планеты.

Внешний вид полуразрушенных построек пока что не давал никой информации о их былых обитателях, но как только Светлов и Фогель вошли в теснину отведенной им для прочесывания улицы, в глаза сразу же начали бросаться некоторые характерные детали: к примеру, полное отсутствие окон или дверных проемов наводило на мысль, что перед ними не город, а лишь фрагмент какого-то исполинского сооружения, тогда улицы вполне могли быть чем-то вроде внутренних коридоров, с которых непонятная сила снесла перекрытия.

— Под ноги посмотри. — Курт остановился.

Антон разгреб подошвой ботинка толстый слой белесой пыли.

Так и есть. Под наносами песка и пыли обнажились растрескавшиеся от удара плиты по цвету и фактуре копирующие материал окружающих построек.

— Это не улицы. Коридоры. — Озвучил свою мысль Светлов.

— Ясно дело. — Согласился Фогель и тут же добавил: — А нам не все равно?

* * *

— Курт ты что-нибудь понимаешь? — Антон на несколько секунд отключил коммуникатор, чтобы его вопрос услышал только напарник.

— Не больше твоего Антон. — Фогель нервничал и не мог скрыть своего состояния. Поверь, я никогда и ничего не слышал о существовании на планете *городов* иной цивилизации.

— Раскопки ведутся, наверное, не первый год. Заметил отвалы?

— Заметил. Там полно переломанных плит перекрытий. Сдается, это был город, не уступающий нашему мегаполису. Вопрос — кто его разрушил и почему от жителей колонии все держат в тайне?

— Сейчас попробую узнать. — Ответил Светлов. — Не нравиться мне все это. Раскопки не могли поручить исключительно машинам, подобное решение граничит с глупостью. Здесь должны были находиться люди, контролировавшие работу машин. Но о них ни слова. Только ящики им подавай.

— Осторожнее с вопросами, Антон. — Мрачно посоветовал Фогель.

Они успели углубиться в теснину «улицы» метров на пятьдесят. Осмотр первых двух боковых помещений (внутрь удалось проникнуть через широкие трещины в стенах) ничего не дал — они увидели примерно схожие по размерам комнаты: пустые коробки стен без крыши. Антон ногой расчистил небольшой участок, убедившись, что основа пола точно такая же как и материал мощения улицы — что-то вроде бетона, по крайней мере, материал оказался твердым, он не поддавался даже буру анализатора, в то время как стены имели меньшую прочность, они выглядели поврежденными по ним змеились трещины, верхний край выглядел неровным, осыпавшимся.

— Думаю, под нами есть еще уровни. — Произнес Фогель, заинтересованно наблюдавший за действиями командира отделения

— Да, похоже на перекрытие, — кивнул Светлов, включая коммуникатор.

— Один-один, вызывает лейтенанта Крамера.

— Слушаю. — Судя по фоновым звукам, сопровождавшим ответ, командир взвода покинул боевую машину и так же двигался среди руин города.

— Мы ищем только контейнеры или людей тоже?

Задав прямой вопрос, Антон ожидал прямого ответа, но Крамер не произнес ни звука, вместо него заговорил капитан Раневский, который прослушивал частоты связи, оставаясь в тактическом отсеке БПМ:

— Сержант, тебе неясен приказ? Мне повторить его?

— Желательно. — С вызовом ответил Антон. Ему не нравилось происходящее, он желал ясности, не взирая на последствия задаваемых вопросов.

Однако от капитана Раневского он добился лишь краткого повторения вводной задачи с угрожающим дополнением:

— Светлов, повторяю для тебя лично: мы ищем контейнеры. Их нужно найти и, если возникнет необходимость, защитить любой ценой. Ты давал присягу сержант. Выполняй полученный приказ, а вопросы оставь до окончания операции. Я лично отвечу тебе на них, понял?

— Понял. — Антон обернулся и кивнул Фогелю: *двигаемся дальше*.

* * *

Первый контейнер они нашли в конце «улицы». Трехметровый кофр из термостойкого пластика стоял у перекрестка, на его крышке перемигивалось несколько индикаторов, свидетельствующих о работе каких-то внутренних систем. Рядом с контейнером застыли два автономных транспортных модуля, иссеченные лазерными разрядами. Оба аппарата получили критические повреждения, из одного еще лениво высачивались струйки сизого дыма.

— Один-один, на связи. Вижу груз.

— Индикация работает? — Тут же отозвался Раневский. — Опиши состояние сигналов.

— Два зеленых один красный, расположены в ряд…

— Да, отлично, я вижу, — ротный переключился на камеру наблюдения, встроенную в боевой шлем Антона. — Контейнер нужно доставить на центральную площадь расположенную внутри периметра лагеря археологов… Туда сможет сесть транспортный вертолет. Предаю маршрут движения…

Окончание фразы Раневского потонуло в зловещем, резанувшем по нервам скрежете.

Антон и Курт инстинктивно отпрянули от контейнера, но звук исходил не от кофра, — метрах в пяти от него появились клубящиеся облачка белесой пыли, той самой, что покрывала все вокруг, и внезапно в монолитном, как казалось, перекрытии обозначилась растущая на глазах щель.

Еще секунда и из расширяющегося проема появились…рагды!

Маленькие бестии, оснащенные двумя дисковыми поворотными механизмами, на которых крепились излучающие трубки лазеров,

вырвались из образовавшегося провала, мгновенно атаковав людей.

— Проклятье!.. — Фогеля отшвырнуло к стене, он едва не выронил оружие, когда произведенный в упор залп сначала ослепил его, а затем начал плавить материал боевого шлема. — Антон! — Заорал он, схватившись руками за голову.

Светлов, вскинув ИПК, отпрянул к стене, срубая короткими очередями появляющиеся в поле зрения механизмы; болезненный вскрик Фогеля застал его врасплох, — магазин оружия был уже почти пуст, времени на размышления не оставалось, он рванулся на голос, уронив за собой светотермическую гранату, и, толкнув Курта за плавное закругление ближайшей стены, вновь вскинул оружие, готовый прикрыть действия напарника:

— Курт, снимай шлем!

На перекрестке полыхнула нестерпимая для глаз вспышка, но Антон вовремя отвернулся, а Фогель и так ничего не видел из-за оплавленного, поврежденного прямыми лазерными попаданиями шлема.

За стеной послышался аритмичный стук, — это рагды, попавшие под удар светотермической гранаты, падали, будто диковинные переспелые плоды…

— Дай помогу…

Антон выхватил нож, с трудом вскрыв заклинившие замки оплавленного шлема.

— Все дальше я сам! — Фогель почувствовал, что две половинки боевого шлема начали поддаваться, разъединяясь. — Не подпускай их! Я справлюсь!

Светлов на всякий случай шагнул вперед, чтобы Курт оставался у него за спиной, и перезарядив ИПК, в немой ярости ждал появления рагдов, но вокруг воцарилась звонкая тишина, лишь было слышно как потрескивают нагревшиеся от взрыва стены, по которым на глазах пробегали все новые и новые трещины, будто их материал давно потерял прочность, и руины были готовы рассыпаться от любого физического воздействия.

Похоже рагдам конец…

Светлов осторожно прошел вперед и выглянул из-за закруглявшейся стены полуразрушенной постройки.

Десятка два рагдов валялись на перекрестке без каких-либо признаков функциональности.

Справа от Антона зиял квадратный провал размером приметно метр на метр, в воздухе витала сажа, в которую превратилась мелкая пылевая взвесь в момент взрыва.

Контейнер даже не оплавился от близкого взрыва, индикаторы на его крышке продолжали перемигиваться с прежней периодичностью.

— Светлов, что у тебя происходит?! — Раздался в коммуникаторе голос Раневского.

— Рагды. — Коротко ответил Антон.

— Что с контейнером?

— Да цел он, цел!

— Ты не ори сержант. Доложи обстановку. Почему нет видеосвязи?!

Сзади на плечо Антона легла рука. Он повернул голову. Фогель все-таки сумел снять поврежденный шлем, его правая щека припухла и покраснела, но в общем Курт выглядел нормально, разве что в глазах бегали искорки бешенства.

— Как?

— Жить буду. — Фогель достал метаболический имплант, и вогнал его разъем в ответное гнездо у себя на бедре.

— Светлов ты с кем разговариваешь? Я задал вопрос, почему не отвечаешь.

— Фогель получил ожег. Нас атаковали рагды. Видеоряда не будет, камера накрылась.

— Откуда взялись рагды?! — Создавалось впечатление что Раневский не владеет обстановкой, хотя, оставаясь в тактическом отсеке БПМ, он должен был воспринимать и контролировать так называемое «цифровое пространство боя» — к нему по каналам телеметрии стекались все данные с сенсорных устройств встроенных в экипировку подчиненных.

— У меня непонятны помехи. — Нехотя осведомил он Светлова. — Телеметрия данных периодически пропадает. Докладывай сержант. Откуда появились рагды? — повторил он вопрос.

— Из-под перекрытия, капитан… Сейчас передо мной открытый проем площадью около квадратного метра. Куда ведет — понятия не имею. Рагды появились оттуда, как только мы приблизились к контейнеру.

— Где они сейчас?

— Валяются по всей улице. Я их спалил светотермической гранатой.

— С ума сошел?! — Казалось, что Раневского сейчас хватит удар. — Ты же мог разрушить контейнер!

— Ничего с вашим контейнером не случилось. — Сдерживая ярость, ответил Светлов. — Даже не оплавился, индикация сигналов прежняя.

— Срочно эвакуируйте его оттуда. Ты понял меня, сержант?!

— Да понял я… — Антон решил, что тратить нервы на капитана в данный момент — пустое занятие. — Остальных предупредите.

— Сам разберусь. — Огрызнулся Раневский.

Фогель тем временем подошел к краю провала, и достал из подсумка гранату.

— Курт, осторожнее. Хрен его знает, что там…

— Думаешь, сильно рванет?

— Откуда мне знать? Убери гранату. Давай сначала оттащим контейнер в сторону.

Фогель зло сплюнул.

— Дался тебе этот контейнер. Ты что, не видишь ничего вокруг?! Посмотри! — Он пнул оплавленный, но не потерявший сферической формы корпус рагда. — Остаточные реликтовые механоформы? Гнездятся они тут! Теперь ответь, Антон, что если в контейнере еще какая-нибудь «исконная форма»? Никто ничего не знал об этом месте. И мы спокойно потащим к себе домой, в свой город какую-нибудь дрянь?

— Уймись. — Мрачно посоветовал Светлов. — Раневский только что напомнил мне о присяге. Мы исполняем приказ.

— Ладно… Погорячился. — Фогель покосился в сторону провала и все же добавил: — Не понимаю, почему Крамер как воды в рот набрал.

— Думаю, ему тоже посоветовали заткнуться и исполнять приказы. — Ответил Антон, одной рукой берясь за специальную выемку с ручкой, расположенной в торце кофра. — Понесли, оттащим метров на сто, там видно будет, что делать дальше.

* * *

Оттащив контейнер на безопасное по их мнению расстояние, они вернулись к провалу, откуда появились атаковавшие их рагды.

— Посвети. — Антон опустил ствол ИПК, приготовившись открыть огонь, если внизу обнаружиться что-то враждебное.

— Ты сканируешь? — Фогель включил фонарь.

— Сканирую. Никаких аномалий.

Луч фонаря ударил в темноту, мгновенно рассеяв мрак.

Небольшое кубическое помещение, открывшееся их взглядам, имело несколько боковых проходов, исполненных в виде труб, небольшого диаметра, по которым могли передвигаться разве что рагды.

— Транспортная система? — Предположил Фогель.

— Похоже.

— Что будем делать?

— Свети. — Антон спрыгнул вниз и установил в центре кубического помещения сенсорную мину. — Без нужды разрушать коммуникации не

стоит. — Пояснил он, выбираясь наружу. — Но если трубы действительно служат для перемещения рагдов — им не…

Антон осекся, — в двух «кварталах» от их позиции взъярился и тут же утих автоматический огонь.

Светлов переключился на частоту взвода.

— Первое отделение, доложить о состоянии!

— Вторая пара, все в порядке. Нашли контейнер. Продвигаемся согласно схеме. Сопротивления нет.

— Фриенбагер?

— Здесь.

— Что у тебя? Почему не отвечаешь?!

— Стрельба за соседними руинами. Впереди наблюдаю четыре… нет, пять квадратных провалов. Контейнеров не вижу.

— Не подходи близко. Остановись и сканируй. — Антон продолжал отдавать приказы, обращаясь ко всем бойцам отделения: — Соблюдать особую осторожность на подступах к перекресткам, контейнерам либо квадратным провалам. Рагды появляются именно из таких прямоугольных отверстий. Они, видимо, соединены между собой коммуникациями низлежащего уровня. Эффективный способ борьбы с рагдами — термические гранаты. По мере движения обнаруженные «провалы» минировать сенсорными минами, взрыватель ставить на детекцию движения. Датчики ориентировать по выходным отверстиям коммуникаций. Связь каждые пять минут. Мы с Фогелем двигаемся к лагерю археологов, все найденные контейнеры приказано доставлять туда.

Отдав необходимые распоряжения, Антон осмотрелся по сторонам.

Над руинами загадочного города вновь воцарилась глухая тишина, нарушаемая лишь отдаленным басовитым гулом вертолетных движков, — машины прикрытия поднялись выше, чтобы увеличить площадь охвата для сканирующих систем и орудий нижней полусферы.

Фогель медленно двигался к перекрестку. Из-под ног снайпера поднимались белесые облачка вездесущей пыли.

— Слушай Антон, я вспомнил. — Произнес Курт, остановившись подле контейнера.

— Что такое?

— Видел я однажды подобные кофры.

— Интересно где? — Спросил Светлов, берясь за ручку.

— В одном из городских медицинских центров.

— И что? Ты знаешь, для чего они предназначены?

— По-моему это автономные камеры для транспортировки

пострадавших. В тот день, когда я видел подобные штуки, в городе произошла крупная авария…

— Хочешь сказать, что в контейнерах люди?

— Можно проверить. — Фогель склонился к небольшой встроенной панели управления расположенной на скошенной части крышки, как раз под индикаторами. — Не могли же на раскопках работать одни машины.

Антон подошел ближе, постоянно осматривая близлежащие руины, но те казались вымершими покинутыми.

— Что ты задумал?

— Пытаюсь добиться от системы отчета. Сейчас, это несложно, если автоматика стандартная.

Антон не одобрял такой любознательности, но и одергивать Фогеля не видел причин. Их загнали сюда, толком ничего не объяснив. Нужен хотя бы минимум информации: случись любое обострение ситуации, что, спрашивается, делать с этими таинственными кофрами, бросать или защищать до последнего?

— Есть, Антон! Ты только взгляни на это!

Фогелю действительно удалось добиться отчета о содержимом: теперь небольшой экран осветился, и на нем появилось условное изображение человеческой фигуры, в правом верхнем углу, кроме постоянно меняющихся данных высветилось черты лица заключенной внутри кофра (который на самом деле оказался сложным устройством для поддержания жизни) девушки.

Судя по всему, она находилась в бессознательном состоянии. Светлов несколько секунд смотрел на появившиеся черты лица незнакомки, а затем произнес:

— Курт она ранена?

— Не похоже командир. Система утверждает, что все биологические показатели в норме. Возможно она сотрудница работавшей тут экспедиции, и системой автономного жизнеобеспечения воспользовалась, ища укрытие? Нам же говорили что ночью было нападение на лагерь археологической экспедиции.

— На секретный объект — уточнил Антон.

— Какая разница. Лавное мы теперь знаем — внутри контейнеров люди. Т е кому удалось спастись, воспользовавшись аварийными камерами поддержания жизни.

Светлова такое объяснение не устраивало, но с фактами не поспоришь. Внутри контейнера действительно находился человек, вот только он не мог понять: посему им врут, или по крайней мере стараются

держать в неведении относительно груза?

— Странный способ эвакуации, не находишь? — Он покосился на контейнер, внутри которого, под слоем термостойкого пластика находилась автономная камера, что-то наподобие индивидуальной спасательной капсулы, с огромным ресурсом автономии. Такие устройства он видел лишь однажды, в музее колониальной техники. Если Светлову не изменяла память подобными средствами индивидуальной защиты оснащались первые экспедиции поселенцев, исследовавших территорию материка. Но то было понятно и оправдано, люди уходили за тысячи километров от места посадки колониального транспорта, случиться на неисследованной планете могло всякое, возможность немедленной эвакуации в таких условиях представлялась не всегда. Но к чему подвергать себя капризным, часто дающим сбои процессам низкотемпературного сна, когда помощь рядом? Четыреста километров до города. Неужели они не могли продержаться несколько часов, даже если на археологов напали рагды?

— Курт, проверь, тут не было токсичных выбросов? — Приказал Антон.

— На сканерах все чисто. Обычный состав воздуха. — Ответил Фогель.

— Посмотри ту оборванные шлейфы — Светлов указал на несколько не замеченных ранее коротких оптиковолоконных кабелей. — Система поддержания жизни была соединена с периферийными устройствами.

— Я ничего не понимаю, командир. — Фогель выпрямился, озираясь вокруг. — Какие периферийные устройства? Это же спасательная капсула, верно?

— Не знаю. — Ответил Светлов. — Думаю, надо продвигаться к точке сбора. Там все разъясниться.

— Ой, ли? — С сомнением буркнул Фогель, взявшись за ручку, расположенную в торце агрегата жизнеобеспечения. — Зачем нам приказано двигаться к центру развалин, вместо того чтобы выходить из них, эвакуируя спасенных?

Антон приподнял тяжелую ношу и ответил:

— Давай выполнять приказ. Дальше будет видно.

Глава 3. Настоящее…

— Прекрасная работа, док!.. — Голос Зарезина вновь пробивался сквозь дурман полубеспамятства. — Значит девушка, находившаяся в камере поддержания жизни, и Дана из воспоминаний юноши, — одно и то же лицо?

— Да.

Антону с трудом удавалось связно мыслить, но если следовать логике развития ситуации он вообще не должен был слышать голосов, слабое полуосознанное восприятие внешних раздражителей являлось едва ли не чудом.

…

Чудес не бывает. Светлов старался запомнить каждую долетавшую до его слуха фразу, он по-прежнему не находил сил шевельнуться, не ощущал собственного тела, и тем загадочнее выглядели периодические проблески сознания, будто ему специально давали возможность почувствовать реальность в коротких промежутках между насильственными экскурсами в глубины собственного подсознания, которое, оказывается, хранило все, каждую мелочь, каждую мысль или совершенное два десятилетия назад действие. Все происходило, как наяву, Антон понимал, что заново переживает события и эмоции далекой поры, доказывая тем самым, что человек действительно помнит каждый прожитый миг, просто воспользоваться хранящейся в подсознании информацией невозможно без специальных тренировок… или соответствующей техники и препаратов.

Воспоминания являлись для него мучительными, а «доброжелатель», в лице Генриха Миллера, позволивший Антону воспринимать фрагменты реальности, казался садистом-извращенцем, только подливающим масла в огонь.

Лучше бы он не слышал разговора между доктором и Зарезиным, не знал, что на самом деле проделывают с ним, во имя доктрины безопасности колонии…

…

— Теперь вы видели полковник, где и при каких обстоятельствах Светлов сталкивался с образом вашей таинственной незнакомки.

— Этого мало. Я послал запрос, но СКАД не обладает полной информацией о событиях двадцатилетней давности.

— Не удивительно. — С безразличием и усталостью в голосе ответил Миллер. — Ваша глобальная система, в ту пору еще не существовала даже в проекте. А те, кто вел раскопки древнего города, похоже, обладали достаточной властью, чтобы сокрыть факты.

— Зачем?

— А вы не понимаете? Даже окунувшись в мысли Светлова, вы ничего не поняли? Они послали едва подготовленных мальчишек на смерть! Те, кто вел раскопки вольно или невольно *разбудили* механизмы, от которых сейчас вынуждена обороняться колония!

— Так, так. Интересно. Вы давно пришли к подобному выводу? Механоформы принято считать чем-то вроде «исконных форм жизни».

— Я биолог. — Устало ответил Миллер. — Вы можете сколько угодно дурить головы рядовым гражданам, не знакомым с научными методиками исследований, но я могу заявить, и более того — доказать многолетними наблюдениями, что «исконная жизнь планеты» — это миф. Она была уничтожена, изведена под корень, превращена в стерилизованный прах задолго до появления людей. А преумножающиеся с каждым годом орды монстров, не имеют ничего общего с биологией. Они кибермеханизмы, когда-то созданные былыми обитателями планеты.

— Очень громкое заявление. — В голосе Зарезина прозвучало плохо скрытая обеспокоенность. — Значит, мы сами разбудили спящего зверя и теперь пожинаем плоды собственной самонадеянности?

— Считайте как вам угодно.

— Док вы можете ответить на один вопрос?

— Смотря какой.

— Вам плохо живется в Цитадели?

— Это провокация?

— Нет, мне действительно интересно мнение такого человека, как вы. В конце концов, мы все тут в одной лодке.

— Это верно. — Мрачно ответил Миллер. — В лодке, которая рано или поздно пойдет ко дну.

— Цитадель неприступна.

— Да? Тогда почему вы носитесь как угорелые, заметив в сети не идентифицированного фантома? Почему не гнушаетесь прибегать к откровенно бесчеловечным способам добычи информации? Вот что я вам скажу полковник: Цитадель конечно мощное сооружение, но прогрессия количественного роста враждебных нам кибернетических форм не оставляет шансов на благополучный исход. Мы заперлись в стенах города-крепости, все исследования свернуты, колония фактически работает только

на войну. Это тупик. Еще несколько лет и мы все однажды не выйдем из «параллельности» потому как выходить будет некуда.

— Тупик, из которого я пытаюсь найти выход, а вы, док, корите меня способами добычи информации. Без полного сканирования памяти мы вряд ли мы установили бы юношеские контакты Светлова. Он ведь не ассоциировал между собой два образа, верно? — Напомнил Зарезин.

На этот раз Миллер промолчал.

— Нам придется произвести третью, надеюсь, что последнюю процедуру мнемонического допроса. — Неожиданно заявил полковник.

— Зачем?

— Чтобы узнать, что случилось в том городе. Меня интересует судьба индивидуальных спасательных камер. Ни один «саркофаг» так и не был доставлен в город.

Прошлое.

— Тяжелый… — Фогель сбился с дыхания, хотя прошли они со Светловым не более полукилометра. — Антон, давай поставим.

Он кивнул, чувствуя, что у самого пальцы вот-вот соскользнут с неудобной ручки контейнера.

— Слушай, вызови ротного. — Курт умоляюще посмотрел на Антона. — Пусть они гонят БПМ по маршрутам. Нам не доволочь контейнер.

— Донести-то мы его донесем, — ответил Светлов, — но разве что к вечеру…

Вызвав Раневского, Антон доложил свои соображения.

Капитан некоторое время молчал, затем все же признал правоту доводов сержанта.

— Ладно, Светлов, ждите на месте. БПМ пойдет через несколько контрольных точек, твой контейнер будет третьим. Найдите позицию, защитите груз и смотрите в оба.

— Понял. Сделаем.

— Все ждите. До связи.

Раневскому решение далось нелегко, но не потому, что он хотел отсидеться в стороне или боялся рисковать жизнью, — просто он знал немногим чуть более, чем бойцы его роты, — капитана ясно предупредили при постановке боевой задачи: *Ни в коем случае не вводить на территорию раскопа бронетехнику.*

Он помнил предостережение, ну и что же теперь? Действительно, ждать до вечера? Бойцы попросту выдохнутся, да и при транспортировке контейнеров руки у них заняты, случись нападение рагдов — огрызнуться не успеют.

Темнят они в штабе. Тени своей боятся. Дело на час, а без техники пацаны точно до вечера будут таскать эти злополучные контейнеры.

— Первый — вызвал он командира звена прикрытия.

— На связи. Что у тебя, капитан?

— Собираюсь войти одной бронемашиной на территорию раскопа. Что у тебя на сканерах?

— Пока — чисто, если не считать рагдов.

— Много?

— Сотни четыре. Точнее не определить, они передвигаются по подземным коммуникациям, датчики показывают лишь общие сигнатуры отдельных «стай».

— Готов прикрыть?

— Готов. Только… Ты хорошо подумал, капитан? Нас ведь предупреждали: никакой тяжелой техники.

— Я помню. А что будем делать при внезапной атаке рагдов, когда у бойцов руки заняты контейнерами? Ты сам говоришь их сотни четыре. А темп продвижения моих групп не больше трех километров в час.

— Ладно, убедил, рискнем. Вести огонь в районе раскопа мне никто не запрещал. Тем более, что транспортную машину все равно сажать на площадке «объекта».

— Только мне непонятно почему? — Раневский уже отдал необходимые распоряжения по внутренней связи и БПМ начала спускаться в раскоп.

— Аппаратуру нужно забрать из компьютерного центра. — Осведомил его командир группы прикрытия. — Все уцелевшие запоминающие устройства, какие найдем.

— Ясно. Значит, нам еще и оборону держать, если рагды все же высунутся наружу? Раньше не мог сообщить, я бы послал туда своих ребят.

— Вот и пошли. Пусть заранее все подготовят.

* * *

— Внимание всем! — Антон на всякий случай переключился на частоту роты. — Передаю приказ капитана Раневского — группам, транспортирующим контейнеры остановиться, занять позиции и доложить. К нам вышла БПМ для подбора груза.

По связи раздалась ругань взводных. Молчал лишь Крамер, Он с парой бойцов так же волок тяжеленный контейнер и одобрял инициативу сержанта. Пусть через голову, но Светлов поступил правильно.

— Все ждем. — Сообщил Антон Фогелю. — Заодно шлем возьмешь.

Над раскопом разлился басовитый гул — это «восьмисотые» набирали высоту, прикрывая бронемашину, уже двигавшуюся в узком пространстве «улиц».

Фогель молча сканировал окрестности через оптико-электронный снайперский комплекс.

— Капитан прошел первую точку. Федоренко с Ганичевым подобрал…

— Сколько до нас?

— Полтора километра… — Курт внезапно умолк, а затем тихо, с придыхом произнес: — Антон, рагды…

Светлов и сам заметил опасность.

Вернее он увидел в оперативном окне тактической системы, как в разных точках раскопа вдруг вспухли условные маркеры взрывов, — сработали установленные мины-ловушки, но этого оказалось мало, слишком мало для того количества рагдов, что внезапно поперли из-под земли.

На тактической схеме внезапное появление противника выглядело, как десять очагов зарождающихся смерчей, где каждая частичка, образующая характерный «общий» сигнал, являлась отдельной механоформой.

— Их несколько сот. Ближайшая стая в квартале от нас.

— Что делать? БПМ капитана движется сюда!

— Ставим дым. — Антон быстрым движением сменил барабанный магазин подствольного гранатомета и выпустил пять дымовых гранат, положив их на разном удалении от позиции, чтобы дымовая завеса, эффективно препятствующая работе лазеров, заняла как можно большую протяженность улицы с той стороны, где появилась стая рагдов.

Дым не мешал работе электронных систем БСК[11]: и Курт, и Антон отлично видели рагдов, которые прекратили «вихриться» над прямоугольным отверстием и ринулись в атаку, стремясь преодолеть дымовую завесу.

Фогель стрелял одиночными, но так часто, что его огонь походил на сухой ритмичный треск нескончаемой очереди, Антон припал на колено, оперся локтем о бетонный обломок, за которым они спрятали контейнер, и

ждал, зная, что часть рагдов все же обязательно прорвется сквозь завесу, а в обойме у снайперского ИПК всего тридцать патронов.

Справа уже слышался ровный гул водородного двигателя, когда потрепанная стая рагдов прорвалась сквозь дым.

Фогель резко присел, меняя магазин, Светлов, предвидя эту ситуацию начал бить короткими прицельными очередями, — сферические механоформы появляясь сквозь рваные клочья дыма, и тут же попадали под кинжальный огонь, но такое шаткое преимущество сохранялось всего несколько секунд, — рагдов оказалось около сотни, и когда ИПК Антона послал вдоль улицы два трассера, означавшие, что в стволе остался один патрон, положение резко изменилось. Фогель уже перезарядил оружие, но внезапное затишье сменилось шквалом лазерных разрядов, бетонный обломок, за которым они прятались, буквально взорвался от резкого перегрева, разлетаясь шрапнелью дымящегося щебня…

Несколько лазерных лучей чиркнули по пластинам боевой брони, Антон менял магазин, чувствуя, что Фогель сейчас не выдержит и вскочит…

— Курт не дергайся!

Два рагда с характерные воем пронеслись над их головами, разворачиваясь для атаки с тыла, Фогель, лежа на спине за грудой дымящегося щебня, сбил обоих, но коренным образом ситуация сумели переломить башенные орудия БПМ, появившейся в районе стычки как раз вовремя.

Грохот тридцатимиллиметровых орудий, снаряженных разрывными боеприпасами, заполнил узкое пространство «улицы» вспышками разрывов и сизыми, тающими на глазах облачками дыма.

Сбитые рагды падали, отскакивали от земли, раскатываясь в разные стороны, Фогель что-то восторженно кричал, привстав на одно колено, а Антон, сменив магазин ИПК, вдруг услышал как сквозь грохот, на общей частоте связи вдруг раздался выкрик майора Званцева, — ведущего группы прикрытия:

— Раневский, отводи машину! Три сигнатуры в руинах, дистанция до тебя — пятьдесят метров! Это олонги. Не могу работать по ним, задену БПМ и твоих ребят! Отходите, живее!

Он опоздал.

Антон вдруг увидел, как стена ближайшего строения покрылась сеткой трещин и рухнула под напором крупного механизма.

Еще клубилась пыль и осыпались обломки, когда буквально в двадцати метрах от их разрушенного рагдами укрытия в пространство

«улицы» выползли три машины.

Они выглядели как глянцевые вытянутые капли, с плоским не соприкасающимся с землей днищем, под которым метались сполохи сиреневых энергетических разрядов.

Размеры олонгов раза в полтора превосходили габариты боевой планетарной машины.

Проигнорировав двух бойцов, чудовищные механоформы двинулись вперед, навстречу продолжавшей вести ураганный огонь БПМ, но снаряды, способные поразить рагдов, не оставляли даже отметин на глянцевитой броне олонгов.

Еще секунда и в утолщениях ясно различимых по бортам обтекаемых корпусов с резким щелчком окрылись люки, и изнутри чуждых механизмов полыхнул плазменный залп.

Жар был таким, что у Курта на голове затрещали волосы, он закричал, уронив оружие и машинально закрывая руками лицо, Антона спас боевой шлем, — в нем хоть и отрубилась вся электроника, но полупрозрачное проекционное забрало позволяло видеть, а его материал держал температуру,

Кошмарное появление крупных механоформ на миг парализовало волю и сознание, но секундой позже, Светлов увидев как плазма испаряет кубометры построек, вдруг осознал — автоматика БПМ успела отреагировать на угрозу, и машина совершила единственный возможный в такой ситуации маневр — за доли секунды до рокового залпа отработали донные ускорители. Реактивная тяга рванула многотонную машину вверх и вбок, — БПМ с грохотом рухнула на покатые кое-где сохранившиеся крыши чуждых построек, пропустив мимо себя убийственный удар плазмы.

Связи не было все кибернетические системы сейчас находились в процессе перезагрузки, но Светлов с Фогелем действовали, не сговариваясь, словно заранее знали единственное уязвимое место олонгов.

Антон, выхватывая из подсумка гранату, еще успел оглянуться на полузасыпанный щебнем контейнер и подумал: *пронесет ли?* Но времени на большее уже не оставалось, следующий плазменный разряд будет приговором им всем, так что выбора, по сути, не было…

Две гранаты полетели в открытые люки ближайшего олонга, за которыми скрывались генераторы плазмы.

— Сюда! — Антон схватил Фогеля, и буквально втолкнул его в широкий разлом стены.

Оскользнувшись они оба упали и покатились — за стеной оказывается

располагалось несколько проложенных археологами шурфов.

Секундой позже свет померк: все поглотила нестерпимая, полыхнувшая высоко над их головами вспышка, земля задрожала, стены шурфов начали осыпаться, а они словно безумные карабкались вверх, из последних сил цепляясь за какие-то торчащие из стен шурфа погнутые конструкции, потому что понимали, — спасительный узкий разрез, который уберег их от последствий взрыва через мгновенье станет братской могилой.

* * *

Антон едва воспринимал реальность, он не помнил каким чудом им удалось вырваться из под осыпающейся почвы, но даже в этом состоянии Светлов, почему-то беспокоился о контейнере со спасательной капсулой внутри.

Он увидел его, сразу, хотя пространство улицы изменилось до полной неузнаваемости, — взрыв трех крупных механоформ снес как минимум половину квартала…

Всюду валялись обломки рухнувших зданий и взорванных олонгов, но на фоне хаоса, взгляд тут же нашел темный покрывшийся окалиной продолговатый корпус спасательной капсулы, которую отшвырнуло взрывной волной метров на пятьдесят, как раз по направлению к БПМ, полузасыпанной обломками рухнувших зданий.

Фогель, пошатываясь, пытался идти следом, зажимай руками кровоточащие ссадины на голове, но, не пройдя и трех метров, Курт упал, — в отсутствии шлема он получил сильнейшую контузию.

— Курт, лежи там! Я сейчас!

Антон, не знал можно ли спасти положение. Он еще плохо соображал после чудовищного взрыва, инстинкты толкали вперед, ему казалось, что планетарная машина не так сильно повреждена, как могло показаться.

Пробегая мимо спасательной капсулы, лишившейся дополнительной защитной оболочки (весть термостойкий пластик контейнера попросту испарился) он успел заметить, как сквозь слой окалины на корпусе продолжают перемигиваться индикаторы, отражающие состояние протекающих внутри процессов.

Успею — глухо стучало в голове. — *Успею…*

Он боялся в этот миг одного — внезапного появления рагдов.

… Запрыгнув на лобовой скат брони планетарной машины, он с трудом сумел открыть единственный не заваленный обломками зданий люк, и ужом сполз внутрь БПМ.

Электроника не работала, в кабине как и в десантном отсеке горело тускло-красное аварийное освещение, кресло водителя пустовало, из соседнего отсека доносились стоны, Антон протиснулся между кресел, увидел волны металла на смятой переборке, и выгнутый, полузаклинивший люк, чрез который можно было только выглянуть, но не пройти.

В десантном отсеке находились двое. Их лица были неузнаваемы, искаженны от боли, залиты кровью, — огромный обломок рухнувшего здания продавил верхнюю часть корпуса БПМ, вогнав внутрь отсека две орудийные башни.

— Ребята, как?

— Раневского… убило…

— Подержитесь? Отползите к кормовой части, я попробую вывести машину из-под обломков.

Двое бойцов без слов поползли к кормовой переборке, мимо выбитых тактических экранов, продавленных внутрь орудийных башен, прямо по крошеву стекла и пластика.

Светлов не понимал, почему пустует место водителя. Но сейчас было не до рассуждений — пристегнувшись к креслу, он рванул рычаг ручного открывания смотровых триплексов, тот сначала не поддавался усилиям, затем со скрежетом пошел вверх, открывая бронированные шторки смотровых окошек.

Двигатель БПМ продолжал работать на холостых оборотах и Антон начал действовать, меняя реверс передач, он понемногу раскачивал БПМ, стряхивая с покатых бронеплит обломки зданий, затем, почувствовал, что машина освободилась от большей части рухнувших не нее фрагментов, резко дал газ, рывком вырвав искалеченную БПМ из-под завала.

С трудом справляясь с управлением, он вырулил на относительно свободное пространство образовавшейся после взрыва олонгов площади и включил связь.

Эфир полнился проклятиями, командами, призывами о помощи, в этой неразберихе было невозможно понять, что происходит на самом деле, но Светлов и без того начал понемногу осознавать масштабы происходящего.

Надеяться следовало на себя, все пошло не по планам, и теперь нужно спасть бойцов… и контейнеры, потому что на поверку в них тоже оказались *люди*.

Внезапно заработал выделенный канал коммуникатора.

— Земля, Раневский, вызывает небо-1. Ответь…

— Капитана Раневского убило… — Хрипло ответил Антон. — Я за

него…

— Кто?

— Сержант Светлов.

— Доложи обстановку сержант! У нас всю электронику вышибло!

К Светлову вдруг вернулось спокойствие. Он понял: хуже уже не будет. Наверное, не будет…

— Мы сожгли трех олонгов. У меня нет связи ни с отделением, ни с взводом. Передайте всем, что олонгов можно подорвать: перед залпом они открывают люки. Это их уязвимое место.

— Понял тебя сержант… Что намереваешься делать?

— Вывел поврежденную БПМ из зоны завалов. Забираю третий контейнер, кстати, в них спасательные капсулы с людьми. Попробую прорваться к центру на площадку подбора. Встречайте нас там…

— Не понял, Светлов, повтори про контейнеры!..

— В них люди. — Светлов резко затормозил подле обугленной спасательной капсулы. — Их нельзя тут бросать!..

Неизвестно, услышал майор его последние слова или нет, связь внезапно оборвалась помехами, но Антон надеялся, что все сказанное им будет доведено до остальных бойцов.

В этом аду оставалось лишь надеяться и действовать, действовать…

…

Из трех рамп боевой машины открылась лишь кормовая, остальные заклинило из-за деформации корпуса.

Светлов выбрался через люк на лобовой скат брони.

Фогель сидел у стены, хватая окровавленными губами воздух. Антон сделал ему инъекцию, и глаза Курта постепенно начали принимать осмысленное выражение.

— Вставай!

Он поднялся, опираясь о руку Антона, выпрямился, пошатнувшись, и вдруг спросил:

— Где мы?…

Светлов не ответил. Через минуту Фогель придет в себя.

— Курт, помоги!

Взводный снайпер действовал словно сомнамбула, но Антону в одиночку было не поднять тяжелую спасательную капсулу.

— Тащим к корме бронемашины!

Фогель старался. Старался изо всех сил, еще не совсем понимая, что и зачем делает. Перед его постепенно проясняющимся сознанием плавал образ командира отделения, и этого было достаточно, чтобы рефлекторно

выполнять приказы. Они с трудом затолкали капсулу в грузовой отсек, где у неповрежденных контейнеров сидели, оказывая друг другу первую помощь, Фриенбагер и Федоровский.

— Где остальные?

— Мертвы. — Глухо ответил Федоровский. — Они были в орудийных башнях, когда рвануло…

— Проверял?

— Да!..

— Не ори. Успокойся.

— Что успокойся?! Встряли мы сержант! Встряли!

— Я выведу вас. Только без истерик. — Антон и сам бы взвыл от отчаянья, если б не понимал, что сейчас он для контуженых, раненых ребят — единственная надежда.

Непонятно откуда в такие секунды берутся силы, как моральные, так и физические, но он продолжал командовать, так, будто не вокруг не было крови, мертвых тел… будто он сам не понимал, что выбраться отсюда им фактически не светит…

— Так, Фогель, хватай шлем, бери ИПК, будешь страховать из люка, в лобовом скате брони. На тебе — защита от рагдов, ты понял?

— А мы? — Фриенбагер повернул голову, и Антон вдруг с ужасом увидел, что у Клауса обожжена половина лица, кожа вздулась волдырями и лопнула, глаз заплыл, волосы сгорели…

— Ты останешься тут, Клаус. — Принял моментальное решение Светлов. — Охраняешь контейнеры. Если нас атакуют с тыла, я открою рампу, чтобы ты мог стрелять. Справишься?

— Не знаю… — прохрипел Фриенбагер. — обезболивающего… побольше бы…

— Будет. — Антон посмотрел на Федоровского. — Автоматика отрубилась, Саша. Возьми из НЗ ручной реактивный комплекс, прикроешь зенитными ракетами.

— Как прикрывать? — Федоровский выглядел подавленным.

— Молча. Через пролом, оставшийся на месте орудийной башни. Высунешься по пояс, и будешь стрелять. Для стаи рагдов зенитная ракета — то, что доктор прописал.

— Антон ты не спятил?

— Нет, Саша. Мы либо вырвемся отсюда, либо нет. Нас прикроют «восьмисотые», я только что разговаривал с майором.

— А что с остальными? Как они?

— Не знаю. — Сквозь зубы процедил Антон. — Двигаемся по

маршруту, будем подбирать всех, кого сможем. Задача ясна?

— Больно… — Прохрипел Фриенбагер.

— По местам. — Отрезал Светлов, понимая, что дальнейший разговор просто не имеет смысла…

* * *

События разворачивались стремительно, и все равно Антона не покидало ощущение, что он видит затянувшийся кошмарный сон.

Ходовая часть БПМ практически не пострадала, после отстрела оси поврежденной колесной пары машина стала набирать скорость, и подчиняться управлению.

Курт, которого только контузило и поцарапало осколками при взрыве, пришел в себя и теперь молча, до рези в глазах вглядывался в панораму окрестностей, готовый отреагировать на внезапное появление рагдов. Об олонгах он предпочитал сейчас не думать — чем меньше панических мыслей в голове, тем лучше.

Они двигались по намеченному Раневским маршруту, который вел через две контрольные точки к непонятному «сверхсекретному объекту», где всех раненых и контейнеры должен был подобрать грузовой вертолет.

Первый и второй перекрестки, где следовало взять на борт бойцов первого взвода и охраняемый ими груз, оказались пусты. Повсюду в теснине улиц валялись сбитые рагды, дважды потрепанные малочисленные стайки механоформ пытались атаковать покалеченную боевую машину, но получали «по зубам» и рассеивались меж руин.

На месте подбора, во второй контрольной точке Антон остановил БПМ. Во-первых, надо было определиться куда двигаться дальше, во-вторых, Светлову показалось, что постоянные попытки связаться по коммуникатору со взводным наконец увенчались успехом.

Сквозь непонятные, накатывающиеся волнами помехи, действительно прорвался голос лейтенанта Крамера:

— Светлов, ты? Доложи, где находишься?

— Двенадцатый перекресток, считая от съезда в раскоп. Точнее сказать не могу, не работает система позиционирования.

— Что с отделением?

— Галич убит. Суханов тоже. Фриенбагер тяжело ранен. Федоровский и Фогель почти не пострадали. Об остальных сведений нет.

— Остальные со мной, — успокоил его Крамер. — Почему нет связи с Раневским? Ты ведь на его БПМ?!

— Капитан погиб…

На секунду в коммуникаторе воцарилась тишина, затем Крамер, все же нашел в себе силы говорить:

— Слушай меня, Светлов. Связи с «восьмисотыми» нет, но, думаю, они будут действовать по плану. Мы закрепились в центре раскопа, тут археологи возвели постройки огороженные периметром. Тебе сейчас нужно повернуть налево и два квартала двигаться по прямой. Увидишь бетонный забор. Повернешь направо, и вдоль периметра до ворот. Как понял?

— Маршрут принял. — Антон был рад полученным новостям. Оказывается, у остальных дела не так плохи. — Ждите, скоро будем.

…

Они успели миновать только один из кварталов, и это спасло их жизни.

Антон за секунду до события ощутил резкую тревогу. Машинально остановив БПМ, он открыл второй люк и выглянул наружу.

— Что? — Спросил Курт, не понимая причины остановки.

Над раскопом местами клубилась пыль, судя по вытянутым шлейфам остальные бронемашины спустились в раскоп, мгла, похожая на непонятную дымку, витала над сумеречной котловиной, и из-за этого не было видно машин прикрытия, но ровный гул в небесах действовал успокаивающе, подсказывая, что звено «восьмисотых» по-прежнему прикрывает потрепанную роту, теперь пилоты группы знали, что в руинах скрываются олонги, и церемониться на станут…

Антон не ошибся — сквозь эфемерное марево, приблизительно километрах в полутора от них показались контуры штурмовых флайботов.

Он хотел спуститься назад в кабину, чтобы побыстрее добраться до позиций взвода, когда взгляд заметил странное движение — часть руин как будто вздрогнула, некоторые, наиболее пострадавшие от времени постройки вдруг начали терять свои очертания… Антон и Курт одновременно ощутили сильную вибрацию, будто по руинам прошла волна дрожи…

В следующий миг не выдержавшие сотрясения, оседающие постройки выметнуло вверх.

Зрелище оказалось настолько внезапным и масштабным, что не поддавалось мгновенному осмыслению — площадь руин в несколько квадратных километров вдруг зашевелилась, но не очагами, а вся разом, будто из-под земли наружу стремилось вырваться нечто исполинское.

Через несколько секунд стало ясно — так оно и есть.

Антон, как и все остальные, видел хитваров только на картинках да компьютерных моделях, но поднимающееся из недр механическое

чудовище нельзя было перепутать ни с чем — это действительно был хитвар, — одна из самых крупных и остававшихся до сих пор загадкой реликтовых механоформ, чей вероятный образ был воссоздан по найденным обломкам.

Пилоты группы прикрытия отреагировали немедленно — похожий на многокилометрового ската корпус хитвара еще не успел полностью появиться из-под скрывавшего его слоя земли, строения продолжали оседать и рушиться, пыль поднималась густым бесформенным облаком, а в очнувшуюся от тысячелетней спячки механоформу уже ударили первые ракетные залпы.

На миг Светлову показалось, что новый акт трагедии закончится, не успев начаться, сотни кустистых оранжево-черных разрывов хлестнули по площади, но это не остановило поднимающуюся в воздух механоформу.

Хитвар лишь увеличил скорость подъема и начал разворачиваться, стряхивая с себя остатки зданий.

Антона захлестнула волна настоящего ужаса.

Он много повидал за этот день, и теперь его не могла ввергнуть в шок встреча с сотней рагдов или несколькими олонгами, но *это* оказалось выше понимания, за пределами адаптивности человеческой психики, он десятым чувством осознавал, что спасения уже нет…

Хитвар развернулся, по раскопу теперь скользила его исполинская тень, казалось, она полностью затмила белый свет…

Антон в шоке наблюдал, как из чрева древней механоформы, словно струйки дыма, высачиваются стайки рагдов…

Дальше начался абсолютный кошмар.

Рагдов становилось все больше, уже не сотни, а тысячи сферических механоформ окружали поднявшегося на стометровую высоту хитвара, когда тот, закончив разворот, внезапно озарился десятками ослепительных вспышек.

Этой картины Светлов не забудет никогда: плазма ударила по группе прикрытия, от беспощадного удара не могла спасти ни броня, ни слабенькие энергетические поля боевых машин.

«К-800» словно горящие птицы падали в раскоп и взрывались, все происходило прямо на глазах, быстрее, чем это возможно описать, — еще секунда и второй залп плазмогенераторов хитвара накрыл центральную часть раскопа, где располагались выстроенные археологами здания временного лагеря.

Светлов отчетливо видел, как оттуда к мрачным потемневшим средь белого дня небесам ударили многометровые фонтаны похожего на

магматические выбросы расплава — горела, плавилась земля, здания, все, что попало под удар плазмогенераторов исполина.

Не было больше ни надежды, ни цели, остался я только стынущий в груди ужас…

Рассудок Антона как будто выпал из нормального темпорального потока, — он потрясенно наблюдал, как медленно движется вал взрывной волны, ломая постройки, вздымая землю в тяжкой, вязкой судороге…

Его спас Курт, который не попал под смертельное наваждение, — он сам подался назад в кабину, и насильно, за ноги, втащил туда Светлова.

Секундой позже ударная волна настигла БПМ и, подхватив многотонную машину, понесла ее, переворачивая, сквозь иззубренные руины…

* * *

Когда к Светлову вернулось сознание, хитвар, в окружении роящихся рагдов, медленно двигался на высоте двухсот метров по направлению к мегаполису.

Связи не было, коммуникатор не работал, но БПМ, несколько раз перевернувшись, в конечном итоге вновь встала на колеса.

Перекличка по внутренней связи показала, что все живы, только Клаус отозвался едва слышно, ранение у Фриенбагера было слишком серьезным, и он скорее бредил, чем отвечал внятно.

Лицо Курта Фогеля выглядело землисто-серым.

— Что теперь, командир?…

Светлов уже не мог думать, принимать взвешенных решений: боль, страх, отчаянье — все смешалось внутри, но посреди морального пепелища еще тлел робкий, безрассудный огонек надежды.

Он попробовал завести двигатель БПМ, и это удалось.

— Куда?! — закричал Фогель, когда понял, что Светлов разворачивает покалеченную машину к центру раскопа.

— Помолчи… — Сквозь зубы выдавил Светлов. — Мы не простим себе, если там остался кто-то живой. Мы не можем уйти…

— Ты спятил.

— Не дергайся Курт. Хуже уже не будет…

Фогель молча откинул люк, и полез наружу. Если налетят рагды, кому-то надо отстреливаться. Он не мог спорить с Антоном, потому что чувствовал, — им все равно не выбраться отсюда.

* * *

Центр раскопа встретил их картиной тотальных разрушений. Бетонный периметр, о котором упоминал Крамер, был практически полностью уничтожен ударами плазмы. В огромные бреши поднявшийся ветер нес облака пепла, за которыми едва просматривались оплывшие от адских температур контуры строений.

Они не нашли живых, зато сумели подобрать еще два обуглившихся, но все еще подающих сигналы индикации контейнера со спасательными капсулами.

— Все поворачиваем назад. Будем прорываться к городу. — Светлов говорил мертвенным тоном, его рассудок больше не мог выдерживать страшных картин тотального разрушения и постоянно попадающихся на глаза свидетельств гибели людей.

Раскоп словно опустел после удара плазмогенераторов хитвара.

Антон не искал объяснения наступившей вокруг тишине, не думал, почему их больше не атакуют рагды или олонги, — он и так понимал, что все механоформы вслед за хитваром ушли по направлению к мегаполису.

Обратный путь был мучителен и страшен. Казалось, что БПМ движется слишком медленно, все происходило как в полусне или в бреду…

…

Черный лес встретил их глухой, молчаливой стеной деревьев. Сканеры планетарной машины не работали, и единственным ориентиром оставалась дорога, проложенная через чащобу.

Давно наступил вечер, но у горизонта, в том направлении, куда прорывались четверо израненных бойцов, растекалось бледное, зловещее зарево.

Антон не думал, удастся ли им проскочить черный лес, после всего случившегося он не загадывал вперед, душа и разум как будто окаменели. Светлов не знал, что чувствуют остальные, но он уже как будто не жил, лишь одно стремление — вытащить уцелевших ребят и обугленные спасательные капсулы — удерживало онемевшие от напряжения пальцы на манипуляторах системы ручного управления БПМ.

Они пошли черный лес, и, уже фактически вырвавшись на опушку, увидели далекий город, охваченный заревом пожаров.

В этот момент, когда Светлов машинально заставил машину притормозить, справа вдруг начали валиться корявые деревья.

— Олонги! — Неистово закричал Федоровский.

Курт, понимая, что ИПК бесполезен против бронированных исполинов, нырнул в кабину управления.

— Что делать Антон?!

— Вытаскивай Фогеля и уходите. Я открою рампу. Скажи Саше, пусть не стреляет. Уходите все вместе, так больше шансов. — Повторил Антон.

— А ты?!

— Я останусь.

— Зачем?!

— Спасательные капсулы, Курт. В них тоже люди. Попробую оторваться. Если все получиться — подберу вас. Иди же!

* * *

Фогель успел выполнить приказ только наполовину. Он вытащил из грузового отсека мешковатое, бессознательное тело Фриенбагера, и они вместе, в обнимку откатились к крайним деревьям, почти у той самой опушки, где утром приняли бой с рагдами, когда два олонга, не спеша догонявшие БПМ, остановились и произвели залп.

Удар плазмы пришелся точно на середину корпуса.

Последнее, что видел Курт, было страшное зрелище разорванной пополам боевой машины, — Федоровский погиб, его сожгло, испарило вместе с металлом корпуса, чудовищный взрыв, оставивший после себя остекленевшую воронку, поднял обломки БПМ, словно невесомые пушинки, и швырнул их в разные стороны — кабину понесло к городу, а кормовую часть взрывной волной подняло высоко в воздух: грузовой отсек взмыл над черным лесом, роняя через открытую рампу продолговатые цилиндры спасательных капсул, а потом упал сам, подломив кроны черных деревьев.

Сознание Курта померкло.

Он думал, что умер.

…

Светлов очнулся в госпитале, через две недели после того рокового дня.

Только позже он узнал, что Фогелю удалось добраться до города и вызвать помощь.

Курта с тех пор он видел не часто, иногда они сталкивались по службе, но страшные воспоминания каждый раз превращали их встречи в короткие скомканные диалоги.

В тот роковой день город лишился компьютерного центра и большинства жилых кварталов.

Для всех его жителей начался трудный период возведения Цитадели, и постоянной борьбы с периодически атакующими строящуюся крепость механоформами.

К черному лесу больше никто не посылал ни разведывательных, ни спасательных групп, — там начиналась территория, контролируемая олонгами.

Часть 2

Глава 4. Настоящее…

— Ну что добились своего полковник? — Герхард Миллер зло посмотрел на Зарезина, который, нужно сказать выглядел далеко не лучшим образом, — воспоминания Светлова, пропущенные через собственный рассудок, вызвали на лице смертельную бледность, его пошатывало, Зарезину даже пришлось придержаться рукой за приборную панель, чтобы устоять на ногах.

— Что с ним? — Хрипло спросил он, имея в виду состояние Светлова.

— Рассудок не выдержал. — Коротко и неприязненно ответил Миллер.

— Это обратимо?

— Боюсь, что нет.

— Он умер?! — В глазах полковника промелькнула… досада.

— Физически Светлов жив. — Ответил Генрих. — Но он находится в состоянии комы. Это крайняя реакция организма на многократные стрессы.

— Жаль. Я должен был задать ему пару уточняющих вопросов… Хотя теперь мы и так знаем где находятся спасательные капсулы. Наш призрак явно оттуда. И все же жаль, что Светлова нельзя допросить еще раз…

— Вы в своем уме полковник?! Угробили человека и досадуете?!

— Ладно, Миллер, не горячитесь. У каждого своя работа. Есть шанс, что Светлов очнется?

— Мне нечего ответить господин Зарезин. Уймитесь, наконец! Вы получили информацию, так довольствуйтесь ей. Мы приложим все усилия, чтобы стабилизировать состояние Светлова, но не надейтесь, что в ближайшие месяцы я вас подпущу к нему.

— Сдается мне, темните вы Миллер.

— Да. Темню. — Док подошел к компьютерному терминалу и вынул из гнезда пишущего устройства кристаллодиск. — Здесь полная телеметрия данных с датчиков медицинского комплекса аппаратуры. Покажите запись своим специалистам. Пусть они дают вам пояснения и прогнозы, а я говорю: убирайтесь! Эксперименты окончены. Если Светлов и выкарабкается, то он вряд ли сможет ответить хотя бы на один вопрос.

Гнев Миллера был неподделен, полковнику Зарезину показалось, что док сейчас броситься на него с кулаками.

Псих долбанный… — подумалось ему.

Взяв кристаллодиск, эмиссар отдела безопасности сети угрожающе

приблизился к Генриху и произнес, наклонившись к самому уху дока:

— Советую унять свой «праведный гнев»!.. — Словно змея прошипел он. — Все что произошло, является государственной тайной. Любая утечка информации, и вам крышка, Миллер, обещаю.

Доктор побледнел, но скорее не от страха, а от гнева:

— Убирайтесь! — Повторил он

* * *

Едва за полковником сомкнулись двери лаборатории, как Миллер тут же включил блокировку помещения, чтобы Зарезин не смог снова сунуть сюда свой нос с угрозами или требованиями, и, не теряя ни секунды, направился в дальнюю часть помещения, где располагался основной модуль системы поддержания жизни.

Вскрыв кожух, под которым находилось несколько десятков тонких трубочек, через которые к камере пациента подавались различные растворы, он извлек оттуда мягкий тубус с прозрачной жидкостью, который был подключен к одной из питающих магистралей.

Эффект не заставил себя ждать. Прошло всего несколько секунд и графики, отражающие жизненные показатели Антона резко изменились, утратив характерные для состояния комы сочетания кривых.

Генрих выбросил почти полный резервуар с непонятной жидкость в утилизатор отходов, сделал несколько ручных переключений на главном терминале лаборатории и вернулся к своеобразному «саркофагу» с прозрачной выпуклой крышкой, под защитой которого находилось тело капитана Светлова.

Глаза Антона были открыты.

Колпак издал характерный чавкающий звук разъединившихся уплотнителей и начал подниматься вверх.

— Светлов, вы меня слышите? — Миллер присел на край жесткого пластикового ложа.

Мутный от перенесенных мучений взгляд остановился, сконцентрировавшись на Миллере.

— Слышу… — едва шевельнув губами, ответил Светлов.

— Не напрягайтесь капитан. Я на вашей стороне.

— Почему?… — Слабо выдохнул Антон. — Почему… вы… позволили… мне… слышать…

Миллер покосился на синусоиды графиков, отражающих как физические параметры жизнедеятельности организма Светлова, так и его мысленную активность.

— Вы действительно слышали мои диалоги с полковником?

— Да…

— В таком случае мне не придется многого объяснять. Меня принудили…

— Я знаю… — Благодаря новым препаратам, начавшим поступать в кровь, Светлову стало намного лучше, рассудок постепенно прояснялся, по непонятной причине вдруг начали самопроизвольно сокращаться некоторые мышцы.

— Все нормально. — Успокоил его Миллер. — Я ввел стимуляторы общего действия.

— Вы не ответили на мой вопрос, док…

— Все очень просто, капитан. Мне не безразлично происходящее вокруг. Мы влачим жалкое существование, колония коллапсировала до размеров Цитадели, но это не спасет нас от неминуемого и закономерного финала.

— А кто спасет?… Зарезин?…

— Тупица. Раб системы, мнящий себя личностью. Ему вовек не разобраться в сути происходящего. Вы должны понять меня капитан, — выбора не было. На мое место полковник мог призвать менее опытных специалистов, которые действительно причинили бы непоправимый вред вашей психике и здоровью. Я сделал, что в моих силах.

— Все равно, не понимаю — Антон нашел в себе силы посмотреть в глаза Миллеру. — Почему вы рискнули, помогая мне?

— Все достаточно просто капитан. Я, уж простите за прямоту, имел возможность понять, кто вы на самом деле.

— И как?… — губы Светлова исказила саркастическая усмешка.

— Вы на протяжении жизни задавались многими вопросами, возникавшими и у меня. — Признался Миллер. — В противоположность Зарезину я не усматриваю злого умысла в виртуальном общении между вами и столь беспокоящем его загадочным призраком. Дана, вне сомнения, помнит вашу детскую дружбу, которая по непонятной мне причине не переросла в более глубокие чувства. Я думаю, что обстоятельства, так насторожившие полковника, имеют свое объяснение: девушка принимала участие в загадочной экспедиции, которую возглавлял Андрей Сергеевич Лытнев. Он был моим учителем, по специальности — экзобиологом, и еще до роковых событий, связанных с раскопками, напрямую говорил нам, своим студентам, о некоторых странностях, обнаруженных им в архивах колонии.

— Подмена информации? — Антон чувствовал уже не просто прилив

сил, а лихорадочное возбуждение.

— Пожалуй, я отключу стимуляцию организма, — произнес Генрих, вставая. — Есть тема для беседы, но боюсь, что полковник не смириться с потерей столь ценного свидетеля, как вы. — Раздался его голос из противоположной части лаборатории.

— Он вернется?

— Обязательною

— И? — У Светлова в груди возникло неприятное ощущение холода. Мнемоническое испытание далось ему нелегко, что-то надломилось внутри, и в то же время он ощущал себя свободным, до такой степени, что чувство начинало граничить с помешательством. О какой свободе может идти речь, когда огромный город-крепость запутался в тенетах тотального контроля со стороны всевидящей кибернетической системы?

Пока он думал над этим, Миллер вернулся, принеся с собой комплект одежды.

— Вам необходимо исчезнуть, Антон Андреевич, и тщательно все обдумать.

— Вы шутите. Исчезнуть из поля зрения СКАДа?

— Я вполне серьезен. Справка о вашей смерти уже готова. Вы, к слову сказать, находитесь в клинической больнице полицейского управления. Не все люди, даже работающие тут, бездумно верят в могущество системы. Иногда мне кажется, что Цитадель с ее несомненными достоинствами, — это золотая клетка, подвешенная над тлеющими углями готового вспыхнуть костра. Вы слышали мой разговор с Зарезиным. Я могу повторить вам: «формы жизни» обитающие на планете, не дающие нам развиваться и осваивать новые территории не имеют никакого отношения к понятию «живое существо». Они кибернетические последыши загадочной цивилизации, населявшей этот мир задолго до нашего появления. Все живое уничтожено, превращено в прах, но пока мы заперты в границах Цитадели, где-то на просторах планеты возрождаются все новые и новые производства, оставшиеся от былых хозяев данного мира. И продукция упомянутых производств далеко не мирного характера.

— Я понимаю. Извините, док, что отвлекаю от интересной темы, но в данный момент меня волнует собственная судьба. Вы ведь не просто так накачали организм стимуляторами, верно?

— Извините, капитан, я действительно увлекся. Ваши воспоминания заставили взглянуть на картину данности в ином свете. — Он подошел к нише, куда обычно доставлялась внутренняя пневмопочта, и извлек оттуда герметичный пластиковый цилиндр. — Знаете, работа в коллективе имеет

свои плюсы. В наших лабораториях хранятся базы данных по биометрии всего городского населения, здесь же, как вы понимаете, они вносятся в удостоверения личности. Я держу пару чистых статкарточек, так на всякий случай. Сейчас посмотрим… О по информации финансового отдела управления у вас скопилась приличная сумма на личном счету.

— Док, что вы затеяли?

— Маленькую махинацию.

— Вы преступаете закон?

— Ну, зачем так? Исправляю ошибки и перегибы системы. Вот, пожалуйста, — это ваше удостоверение личности. Деньги переведены на другой счет. Советую обналичить их, и исчезнуть из поля зрения системы.

— Док вы рискуете.

— Нет. Не хочу раскрывать тайн, но скажу, что многие из сегодняшних сотрудников управления напрямую обязаны мне своими жизнями. Цитадель далеко не так спокойна, как преподносят нам информационные агентства. За последние десять лет уровень преступности возрос в разы, и это, как ни прискорбно следствие воздействия на психику людей тех самых «параллельных жизней» где культивируется вседозволенность и безнаказанность. Люди плохо приспособлены к разграничению реального и виртуального пространств. Они часто переносят законы виртуальных вселенных в реальную жизнь и это становиться настоящей проблемой для управления полиции. Отсюда — масса инцидентов, зачастую приводящих к кровопролитию. Я уже говорил и повторю — наша замкнутая система на грани катастрофы. Осталось очень мало людей похожих на вас, капитан.

— И часто вы спасаете преступников?

— Никогда. Но вы не совершали никаких преступлений, это очевидно. Ваш счет аннулирован согласно установленной процедуре, номер статкарточки изъят из баз данных. Вас больше нет Антон Андреевич. Надеюсь, вы найдете, где укрыться?

— Да. — Не раздумывая, ответил Светлов.

— Я понимаю, у вас осталась куча вопросов. Дайте мне знать, когда устроитесь. — Герхард протянул Антону микрочип. — Здесь данные по моим контактам. Не нужно благодарить, я поступил так, как считаю правильным. И не без надежды на взаимную помощь.

Светлов удивленно вскинул взгляд.

— Ничего криминального, поверьте. В той экспедиции был близкий мне человек, которого я давно уже считаю мертвым.

— Есть причина усомниться?

— Есть. Но об этом позже. — В дверях лаборатории появился молодой человек в стерильной униформе. — Вячеслав проводит вас к служебному выходу. Там ожидает флайкар полицейского управления. Эти машины не отслеживаются СКАДом. Я жду от вас весточки, капитан.

На прощанье они крепко пожали друг другу руки, хотя Антон не до конца понимал, что на самом деле двигало поступками Миллера — профессиональная этика, помноженная на человечность или что-то иное, гораздо более личное?

— Я дам знать, когда устрою свои дела. — Пообещал Антон, твердо взглянув в глаза Генриха.

— Буду ждать. А пока мне придется огорчить полковника Зарезина фактом вашей кончины. До свидания, Антон Андреевич. Через сутки постарайтесь найти безопасное место для длительного отдыха, за применение экспресс-стимуляторов придется платить.

— Я понял. До свидания, док.

* * *

Антон не стал ломать голову над фактом своего избавления. Во-первых, он действительно не чувствовал за собой вины, во-вторых, действие стимуляторов блокировало сторонние мысли, напрямую не связанные с поиском безопасного места.

В первый момент он задумался — куда направить флайкар, но задачка, крути не крути, имела только одно решение, — нижние технические уровни Цитадели, где из-за обилия различных производств удаленный контроль со стороны СКАДА ослабевал, пропорционально расстоянию от сетки спутников. Светлов помнил те районы еще с детства, а по последним данным, просачивающимся в виде слухов, теперь «дно» города населяли не только нищие…

…

Старый парк умер.

Без надлежащего ухода, деревья засохли, им не хватило искусственного освещения, чтобы расти, и картина, врезавшаяся в память, выглядела теперь безрадостно, неузнаваемо: низкие постройки заброшенного городского квартала по мере обветшания укрепили стальными «корсетами» превратив в подобие опор для вышележащих уровней, но здесь, среди промышленных зон и площадок для переработки отходов, по-прежнему жили люди.

Это казалось странным, ведь с тех пор, как мегаполис был реконструирован и получил статус «Цитадели» все его граждане получили

равные права и возможности — синтетическая пища, и обилие вакансий в службах охраны внешнего периметра должны были уничтожить само понятие «нищета».

Светлов понял, что ошибся в своем предвидении, когда заметил у подъезда одной из старых многоэтажек, несколько дорогих флайкаров.

Похоже, что обителями дна теперь являлись отнюдь не нищие, но по-прежнему асоциальные элементы общества.

Он оставил полицейскую машину, здраво рассудив, что радушного приема «блюстителю порядка» тут не окажут. Задав автопилоту курс на возвращение к зданию управления, он решил, что проще и безопаснее будет пешком прогуляться через старый парк. Заодно следовало обдумать события последних суток и создавшееся положение.

Впрочем, Светлов иллюзий не строил, и потому его мысли, не смотря на полученный стресс, были предельно лаконичны и ясны.

Свобода, которую он получил благодаря вмешательству Миллера, на самом деле не являлась полной. Антон все явственнее ощущал, что стоит на грани между прошлым *существованием*, и неопределенностью будущего. Сейчас, в эти минуты он постепенно осознавал необходимость внутреннего выбора. Что он станет делать дальше? Попытается вернуться?

Вернуться к чему? К гарантированному *существованию*, загнанному в рамки боевых дежурств? К виртуальным вселенным, создающим иллюзию жизни, в обмен на прозябание «реала».

А смогу ли я во второй раз перешагнуть через внутренние порывы, замкнуться, вновь создать для себя защитную скорлупу? — откровенно спросил себя Светлов и сам же ответил. — *Нет.*

Прошлое вернулось, пусть болезненно, но однозначно. Более того, оно обогатилось новыми фактами… Светлов не думал сейчас о том, что вновь побывал на волосок от гибели. Эффект от грубого вмешательства в его сознание оказался совершенно не таким, как пессимистично прогнозировал Миллер: В рассудке Антона все вдруг поменялось местами. Двадцать лет замкнутого безвыходного существования, как будто ушли в прошлое, а на поверхности памяти оказались вернувшиеся события детства, и рокового похожего на целую жизнь дня, но такая коллизия не расколола его личность, а заполнила тот моральный вакуум, что накапливался за годы конформизма, он вновь ощущал себя на двадцать лет моложе, но… его зрелый опыт прожитой жизни при этом не исчез, он как будто спелся с разбуженными, вырвавшимися из плена воспоминаниями, формируя новый взгляд на мир, новые позывы к действию, да и голос доктора Миллера звучал в сознании словно некий, побуждающий к немедленному действию

код…

Их послали на смерть… Кто-то намеренно уничтожил часть информационных баз данных… Цитадель обречена… Нас атакуют кибернетические механизмы, и прогрессия их количественного роста не оставляет шансов…

Да, даже без глубокого анализа слова Генриха находили подтверждение.

Дана. Кто она?

Светлов остановился, оглядевшись вокруг.

Он стоял среди мертвого парка, так похожего на черный ксенобианский лес.

Ксенобианский…

Почему этот термин, так часто употребляемый в прошлом, не заставлял задуматься, что за существа вырастили его? Почему черные, перекрученные деревья называют «ксенобианскими». Раз существует название, должны быть и иные сведения.

Светлов смотрел на мертвые деревья, но его рассудок не тонул в разбуженных воспоминаниях. Он думал о дне сегодняшнем, конкретно — его мысли сосредоточились на образе полковника Зарезина.

Его люди контролировали сеть. Им были безразличны способы получения информации, тогда почему они не допросили ИПАМ, а просто расстреляли безобидный кибернетический механизм?

Вопросы цеплялись один за другой словно звенья бесконечной цепи.

Антон чувствовал, что изменился. Психологический пресс раздавил не его личность, а скорлупу, которую Светлов возвел вокруг себя, пытаясь примирить рассудок с серой данностью.

Нет. Я не хочу возвращаться. Но что может сделать один человек, чье оружие — смутные рожденные нечеткой логикой подозрения? Погибнуть, противопоставив себя системе?

Глупо. Цитадель действительно тупик, у нее нет перспективы развития в рамках сложившейся системы, она лишь мощное защитное сооружение, прибежище, призванное затянуть агонию, но не предотвратить ее.

О чем я думаю? Мне нужно думать о себе.

Нет, Антон. О себе ты думал двадцать лет, и к чему это привело? Твою скорлупу раскололи, а проблемы, которые следовало решать два десятилетия назад, стали лишь глубже, приняли почти необратимый, безысходный характер. Сколько лет… или дней, отделяет нас от уничтожения? Есть ли еще люди, кроме меня и Миллера — темной

лошадки, — способных думать не о своих виртуальных вселенных, а о проблемах реала, и действенных способах их решения?

Вопросы сыпались градом, Антон стоял, окаменев, будто являлся одним из реликтовых деревьев, которые еще цеплялись корнями за иссохшую растрескавшуюся почву, но уже не могли дать молодого способного к жизни побега.

Ради чего велись раскопки древнего города? Что удалось узнать, и почему информация скрыта, даже от тех, кто определенно должен обладать ей?

Как Дана, которую он в последний раз видел под опекой систем жизнеобеспечения спасательной капсулы, смогла спустя двадцать лет появится в надежно защищенной сети, обойдя защиту СКАДа, и найти его, успеть передать слабый призыв о помощи?

Где она и как ей помочь?

Действовать.

Не стоять среди мертвого парка, а действовать.

Отбросить все, искать тех, кто может и готов помочь, кто не до конца погряз в грезах виртуалки…

Зачем тебе это Светлов? Из-за обиды?

Внезапно вспомнилась фраза ИПАМа, сказанная на второй день их знакомства:

Человек создал машины, чтобы освободить себя от повседневных бытовых забот, и использовать потенциал разума по прямому предназначению…

Антон не ручался за точность формулировки, но смысл высказывания был именно таким.

Мы перегнули палку. Кто-то знавший истину, настолько испугался реальности, что создал СКАД и «параллельность», надеясь спрятаться от надвигающегося ужаса за стенами Цитадели и грезами виртуалки.

Взгляд Антона, бесцельно скользящий по окрестностям, внезапно зацепился за те самые флайкары, что он заметил у подъезда древней многоэтажки.

Он прекрасно понимал, — эти машины принадлежат людям, которые поставили себя вне системы.

Преступники?

Возможно. Но на их разумах наверняка нет тенет, наброшенных СКАДом.

С такими мыслями Светлов сделал шаг навстречу своему будущему, которое, как ни парадоксально это звучит, сконцентрировалось сейчас в

прошлом, том прошлом, где он был свободен, и сам выбирал свой жизненный путь.

Древний жилой квартал в границах промышленной зоны.

Отсветы от работы систем сжигания мусора, ложились на бледное лицо Светлова, придавая ему жутковатый вид.

Исхудавший, одетый в стерильную форму технического сотрудника СКАДа, он совершенно не вписывался в окружающую его реальность, словно являлся привидением.

Так, по сути, и было.

Приведение мальчика, собиравшего тут свой первый «грав», вернулось…

— Эй! — Окрик пришел со спины, и прозвучал отнюдь не дружественно.

Светлов обернулся. Сзади стояли двое, слева из подъезда обшарпанной многоэтажки показалось еще несколько человек, видимо наблюдавших за его приближением из окон.

Судя по внешнему виду, медленно окружавшие его люди действительно не прозябали в нищете, но и дружелюбием не отличались. Каждый из них был одет по собственному вкусу, но в глаза прежде всего бросалась не вызывающая внешность, а манера поведения, — они подступали со всех сторон, как будто сговорились заранее, или не нуждались в координации действий, следуя привычной схеме, их лица, такие разные, несли печать злых усмешек, в которой чувствовалась сила стаи…

Чужаков тут явно не жаловали, но Антон, понимая, что ситуация может иметь для него фатальные последствия, не испугался, — в душе родилась лишь досада, когда он понял, что минутой ранее ошибался, пытаясь приписать этим людям не свойственные им черты.

Да они бунтовали, но не против системы в частности, а против всего сущего, живя по собственным законам, не задумываясь над данностью, на их лицах отражалась иррациональная злоба, и непомерное самомнение.

— В чем дело парни? — Антон все же предпринял попытку, разрешить ситуацию при помощи слов.

Тщета.

— Зачем приперся, *системник*? — Все же процедил сквозь зубы один из них.

Системник? Режущий слух, но достаточно точный термин. — Подумалось Антону. Видимо он обозначал человека, полностью подчиненного законам процветающей в Цитадели системы, за которой неусыпно наблюдал СКАД. Здесь на технических уровнях города-крепости виляние «всевидящего ока» несомненно, слабело, по крайней мере, все замеченные Светловым видеодатчики были либо разбиты, либо издевательски залеплены.

— Я не человек системы. — Ответил он. Схлестываться с парнями, демонстрируя навыки рукопашного боя, не хотелось. Не за этим он сюда ехал.

— Ну, да… — Сжимающееся человеческое кольцо все же остановилось, но надолго ли? Куда им спешить. Тут мало развлечений, импланты у всех отключены, и о психологической разгрузке в виртуальных вселенных эти грубые натуры могли лишь мечтать. Никто из них, конечно, не признает за собой «слабины», но их слабость читалась в ненависти, с которой глаза смотрели на незнакомого человека, не причинившего им никакого вреда. — Технарь системы приезжает на полицейском флайкаре, а потом начинает прикидываться своим. Ты долго думал? — С угрозой осведомился один из них

— Нет. — Холодно ответил Светлов. — Я бежал.

— Вау! Слышали — он бежал! — говоривший резко обернулся к Светлову. — И чем докажешь? Имплант работает?

— Нет. — Снова коротко и односложно отреагировал Антон. После взрывообразных событий, изматывающего, вывернувшего наизнанку душу и память сканирования, и неожиданного оборота судьбы, пришедшей к нему на выручку в лице доктора Миллера, он прилагал немалые усилия, чтобы сдерживаться. Видно Генрих все же перебрал со стимуляторами, — кровь глухо ломилась в виски, затянувшееся противостояние казалось дешевым фасом, память избирательно выталкивала из своих глубин потревоженные образы: череда знакомых молодых лиц, — ребята, погибшие в руинах загадочного города, бледный образ Даны, то хрупкой нескладной девочки, то призрака, явившегося из прошлого… в эти секунды в сознании промелькнул даже образ ИПАМа, — единственного, никогда не предававшего его *друга*, который сейчас валяется на полу опустевшей квартиры, закатившись в угол, неподвижный, с пулевым отверстием в корпусе…

Видно глаза — действительно зеркало человеческой души, потому что опасно приблизившийся обитатель «потерянного квартала», готовый обрушить на Светлова зажатый в руках обрезок арматуры, вдруг

остановился, словно напоровшись на незримую преграду, и, отступив на шаг, глухо выдавил:

— Ну, ты чего, ненормальный, да?

Призрак многих смертей, разбуженный сканированием памяти, стыл во взгляде Светлова, зловеще сочетаясь с его неестественной бледностью и худобой.

— Я нормален. Только устал очень…

— Так, — тот парень, что отшатнулся, встретившись взглядом с Антоном, видимо имел определенный «вес» среди остальных «внесистемников» (как мысленно успел окрестить их Светлов) — Ну-ка, рассосались все живо. — Он не хотел ронять свой авторитет, упав с разбитым лицом на потрескавшийся асфальт заброшенной аллеи, — именно такую близкую и однозначную перспективу он прочел в ледяном взгляде Антона.

Спорить с местным «авторитетом» никто не решился.

Светлов и сам чувствовал, — с ним твориться что-то неладное. Всколыхнувшаяся в душе хмарь воспоминаний воздействовала на разум, и больной, истерзанный рассудок машинально вызывал адекватные ситуации метаболические реакции, — его мускулы непроизвольно напряглись, тело сотрясала мелкая, не заметная для постороннего взгляда дрожь, — он бы *поломал* обитателей «дна», работая исключительно на рефлексах самозащиты…

— Слушай, ты, давай, приходи в себя что ли… — прорвался в его сознание идущий издалека голос.

Антон с трудом разжал кулаки, заставил тело если не расслабиться, то принять человеческую осанку вместо боевой стойки, затем, уже окончательно переключая сознание с внутреннего мира на восприятие реальности, вновь посмотрел в глаза незнакомому парню и тихо произнес:

— Я в порядке.

— Ну да. Другому кому-нибудь расскажешь. Я такой взгляд видел только однажды, когда СКАД пригнал сюда на зачистку взвод киборгов.

Киборгов? В распоряжении СКАДа появились киборги?!

Новость для Антона была ошеломляющей. Теоретически он знал, что можно создать *кибернетический организм,* но не думал, что прототипы таких устройств существуют в реальности.

— На этот счет можешь быть спокоен. Я человек.

— Вижу. Теперь вижу. Давай знакомиться что ли? — Примирительный тон, конечно, мог оказаться уловкой, но Светлов не стал возражать.

— Антон. — Скупо отрекомендовался он, заставив себя пожать протянутую ладонь

— Энтони. — Услышал он в ответ. — Энтони Хоук. — Пойдем ко мне поговорим.

Светлов кивнул. Отказываться было глупо. В конечном итоге, нравятся ему эти люди или нет, но некоторое время придется провести в их обществе, ведь он действительно с легкой руки полковника Зарезина поставлен вне существующей системы. Он еще не определился, что предпримет дальше, и вообще, как быть: пытаться ли восстановить «справедливость», вернуть себе прежний социальный статус, или продолжать начатое движение поперек спокойной, но стремительно мельчающей реки под названием «жизнь»?

Пока он раздумывал, они с Энтони прошли к подъезду, подле которого уже собралась приличная толпа, человек в пятьдесят не меньше. Светлов инстинктивно ждал нового обострения, но Хоук, не произнеся ни слова, воздействовал на людей будто волнорез, — они расступались, пропуская его и Антона, пока двери подъезда не закрылись за спиной, отсекая откровенно недоброжелательные взгляды.

В вестибюле здания было тепло. Освещение работало, как положено, обострившийся слух Антона уловил едва слышимый звук работы регенераторов воздуха.

— Тут многое изменилось. — Глухо произнес он.

Хоук остановился, затем медленно повернулся к Антону и спросил:

— Есть с чем сравнивать?

— Я вырос тут. — Ответил Светлов, не видя смысла скрывать правду.

— Ты серьезно?

— Серьезно. Правда, тогда это был нищий квартал.

— Верно. — Согласился с ним Энтони. По его лицу промелькнула тень — видно фраза Светлова освежила воспоминания детства. — Что-то я тебя не припомню.

— Мы с тобой в разных возрастных категориях. — Ответил Антон. — Я жил тут тридцать лет назад, когда Цитадель существовала только в проекте.

— Именно тут? — С нотками недоверия в голосе переспросил Энтони.

— Да. Седьмой этаж, квартира триста семь. Там на подоконнике есть выцарапанная ножом надпись — «Антон», и еще в тайнике, — если никто не нашел его — почти собранный гравиборд, без блока питания.

Хоук несколько секунд размышлял, беззвучно шевеля губами, будто

спорил с самим собой, а потом вдруг круто свернул к лифту:

— Проверим, если не возражаешь?

— Не возражаю. — Светлов ощутил щемящее чувство грусти. — Сколько тебе лет, Энтони?

— Тридцать.

— Тогда мы с тобой точно разминулись в пространстве и времени. — С долей сожаления сказал Антон. Мне было восемнадцать, когда я покинул квартал. Сейчас сорок пять.

— Выходит, я мог видеть тебя, когда был трехлетним карапузом?

— А ты тоже родился тут?

— Да. Ты, наверное, в курсе, что пятнадцать лет назад СКАД проводил тотальную зачистку города от «неблагонадежных элементов»?

— Слышал. Мне в ту пору было не до внутренних новостей. Война…

— Понятно. Нас «вычистили», что стало с родителями — до сих пор не знаю.

— А сам как?

— Как все. Получил контроллер — Хоук коснулся мягкой заглушки импланта, — был определен в школу для трудных подростков, потом… — Он как-то странно усмехнулся, — потом бежал, во время атаки хитваров на Цитадель, когда те пробили защиту СКАДа, и вырубили сеть. Вернулся сюда…

— И чем вы тут занимаетесь?

— Сказать честно?

— Ну? — Светлов вышел из лифта, и остановился, как раз между разговорившимся Энтони, и до боли знакомой дверью.

Сознание как будто застыло между прошлым и настоящим.

— Мы живем. С точки зрения СКАДа — нас нет. Но на самом деле мы есть. Вот такой парадокс, понимаешь?

— СКАД знает о вас, раз посылает отряды зачистки. И вы чем-то раздражаете его.

— Ты сейчас подумал о киборгах?

Антон кивнул.

— То были испытания.

— Откуда знаешь?

— Ну, выжить на технических уровнях сложно, а мы, как ты заметил, не прозябаем. Машины вообще для чего созданы? Чтобы помыкать нами, или служить людям?

— Изначально они создавались, чтобы освободить людей от рутинных работ, — ответил Антон. — Но потом, что-то пошло не так…

— Вот видишь. Тебе это понятно. И нам тоже. Мы берем от сети все, что необходимо, в том числе и информацию, но не позволяем ей помыкать нами. Это сложно. Иногда приходиться действительно рисковать собственной шкурой, но тут ты не найдешь желающих отдать свою жизнь виртуалке, проспать все, думая, что живешь.

— Так вы и есть то самое «сопротивление»?

— Нет. — Покачал головой Энтони. — Ты что-то путаешь, Светлов. Мы не ставим перед собой никаких целей. Просто живем, вне системы, и назло ей. Имеем приличные тачки, гоняем по городу, взламываем некоторые подсистемы, чтобы элементарно питаться, но повторяю: мы не считаем себя преступниками. И никто из парней не станет на колени перед набором микросхем, чтобы благодарить за пищу и тепло. Было бы куда уйти, — давно свалили бы отсюда, можешь поверить. А киборгов и особо рьяных копов, мы мочили и мочить будем.

— Почему?

— Потому что они не люди, Светлов. Либо изделия системы, либо ее рабы.

— Ну, не обобщай. — Ответил Антон, толкнув не запертую дверь.

* * *

В квартире никто не жил. Здесь ничего не изменилось с той поры, как восемнадцатилетний Антон покинул ее, завербовавшись в кадетский корпус колониальной пехоты. Разве что потускнели покрытые тонкой пленкой промышленных выбросов окна, да на предметы скромной меблировки лег толстый слой пыли.

Хоук подошел к подоконнику, и, не церемонясь, смахнул локтем слой *времени*, открывая взгляду выцарапанную в нетленном пластике надпись: *Антон*.

Светлов чувствовал, что свидание с прошлым дается ему тяжело. Взгляд на компьютерный терминал разбудил мысли о Дане, самодельная подставка напомнила про ИПАМ, на душе стало неуютно, словно он только сейчас окончательно понял сколь велика пропасть между голодным, но свободным мальчишкой и капитаном Светловым, который потерял два десятилетия жизни в бессмысленной борьбе и странном мороке: с одной стороны стойкий, беспощадный к врагу офицер, с другой собиратель древностей, творец грез, а по существу — действительный раб системы, опутанный по рукам и ногам тенетами виртуального мира, и не долгом, а ненавистью, к чуждым созданиям в мире реальном.

Выходит, что стоящий подле него Хоук в своих поступках был

намного честнее?

— Ну, показывай тайник. — Нарушил его мысли голос Энтони.

Светлов присел, легко снял часть не закрепленного плинтуса, одним движением отсоединил отделочную панель стены, за которой открылась неглубокая ниша, в которой лежал гравиборд.

Чувства вновь подступили к самому горлу удушливым спазмом.

Где же я потерял свою свободу, перестал *скользить*, упиваясь ощущением драйва, и превратился в угрюмого защитника обреченного города?

Там… Там среди чуждых пониманию руин, когда таяла надежда, а на ее место приходила слепая ярость, позже не переосмысленная, а лишь перерожденная в ненависть. Там ты перестал жить…

Хоук некоторое время смотрел на самодельный «грав», а затем внезапно спросил, будто между ними не было никакого разговора по пути сюда:

— Так зачем ты вернулся?

Хороший вопрос.

Светлов не мог на него ответить. «Просто жить» он уже не сможет. Бороться с системой, и не дай бог победить ее, — значит убить десятки тысяч людей, которые зависимы от СКАДа, как тяжело больной зависим от аппарата искусственной вентиляции легких и висящего над головой мягкого резервуара капельницы.

Где же выход? И есть ли он вообще?

Какая-то непомерная свинцовая усталость наваливалась после перенесенного стресса, наверное, как и предупреждал Генрих, заканчивалось действие стимуляторов и наступало время платить за искусственно вызванный прилив физических и моральных сил.

Антон пошатнулся, затем с усилием встал, придерживаясь одной рукой за стену.

— Хоук… — Негромко позвал он

Энтони обернулся.

— Э, да ты что-то совсем поплохел.

— Неважно… С трудом выдавил Антон. — Мне нужно… поспать…

— Не проблема.

— Знаю, что не проблема… — Светлов, как мог, боролся с внезапными приступами дурноты. — У меня есть… дела…

— Хочешь о чем-то попросить?

— Да… — Антон добрался до кровати, слабым усилием стащил с нее пропахшую застарелой сыростью постель и улегся на жесткий пластик.

— Вот… Он с трудом вытащил из нагрудного кармана статкарточку. — Здесь на счету… деньги. Много… Ты обналичишь их для меня?

Энтони сощурился.

Несколько секунд он думал, взвешивая какие-то доводы, а потом ответил, просто и непринужденно:

— Под десять процентов, Светлов.

— Пусть десять… — У Антона не было ни сил, ни желания, ни привычки торговаться.

— Заметано. — Энтони взял статкарточку и добавил: — Не беспокойся. У нас свои порядки и свои понятия честности. Тебя никто не тронет. Отдыхай.

Последние слова Хоука Светлов уже едва ли воспринимал. Его сознание померкло, проваливаясь в похожий на беспамятство сон.

* * *

Проснувшись, он долго лежал, не в силах вспомнить, где находиться.

Возвращение в мир, мучительное, тревожное, сопровождалось обрывочными воспоминаниями, не подконтрольными рассудку, — они проносились в голове, словно пожухлые листья по потрескавшемуся асфальту парковых аллей…

Голова разламывалась от боли, тело едва ощущалось, каждая мышца одеревенела, затекла от неудобной позы.

Антон с трудом вспомнил события, предшествовавшие его провальному сну, и понял, что ни разу не пошевелился, — он лежал в той же позе, в какой его настиг внезапный приступ слабости.

Сколько прошло времени?

Он с неимоверным трудом повернулся, чувствуя лишь бессилие, но некоторое время спустя ощущения жизни начали возвращаться, с легким покалыванием в онемевших мышцах.

Наконец он смог поднять руку и посмотреть на крохотный дисплей биоритмического браслета.

Давление низкое, хотя пульс учащен. Ладно, бог с ним, — взгляд с трудом сфокусировался на дате и времени.

Оказывается, он отключился почти на сутки.

Повернув голову, Антон увидел две «лишние» цепочки следов, ясно отпечатавшиеся в пыли.

Значит, кто-то заходил сюда. Энтони? Или кто-то из его людей?

Бессмысленный вопрос, отражающий скверное состояние рассудка.

Светлов попробовал сесть, но элементарное движение удалось только с третьей попытки. Взгляд продолжал неосознанно скользить по окружающим предметам, потом он остановился на гравиборде, и секундный прилив воспоминаний, наконец, стряхнул оцепенение, сковывавшее рассудок…

Ощущение реальности возвращалось, а вместе с ним начала нормально работать память, все происходило по мере того, как очертания гравиборда перед глазами обретали четкость.

Минут через пять ему удалось встать и, опираясь о стену, дойти до ванной комнаты.

Струя воды, гулко ударившая из крана в дно пластиковой раковины сначала имела насыщенный коричневый оттенок, потом она начала светлеть, обретая прозрачность.

Антон очень хотел пить, но не решился, лишь омыл лицо, намочил голову, отчего сразу стало легче.

Вытираться оказалось не чем, и он вышел из ванной комнаты, ощущая, как капли воды стекают за воротник мешковато сидящей на нем униформы.

* * *

Хоука он увидел на улице, как только вышел из подъезда.

Энтони сидел на водительском месте шикарного флайкара, обе двери которого были подняты в парковочное положение. Хоук разговаривал с незнакомыми парнями, вернее не разговаривал, а судя по тону (фраз было не разобрать) отдавал краткие распоряжения.

Заметив вышедшего из подъезда Светлова, он призывно махнул рукой.

— Привет. Очухался? — Жизнерадостно спросил он, когда парни посторонились, пропуская Светлова к машине. — Да, видок у тебя… Ты в курсе, что похудел килограммов на десять за одну ночь?

Антон лишь пожал плечами. Удивительно, что вообще остался жив и не слетел с катушек после процедур сканировании памяти.

— Ладно, не бери в голову. Твой вопрос я уладил — он протянул руку и достал из вещевого отделения приборной панели пухлую пачку банкнот. — Держи. Здесь все, как договаривались.

Светлов молча кивнул, слова сейчас для него являлись роскошью, горло пересохло, и он не был уверен, что сможет внятно говорить.

— Что молчишь? — Хоук пристально посмотрел на Антона.

— Горло — хрипло выдавил он.

— Понял, не дурак. Знакомься, это Андрей и Клаус. Они проводят

тебя.

— Куда? — сипло выдохнул Светлов.

— Ну, как тебе сказать… Тут у нас нечто вроде «свободной экономической зоны». Есть свои магазины, кое-какие услуги. Короче, ребята объяснят. Мне сейчас нужно сгонять по делам, увидимся через пару часов. Постарайся не тратить все сразу, — на прощание усмехнулся Энтони.

…

«Свободная экономическая зона» приятно удивила Антона, одновременно поразив его обилием товаров в маленьких магазинчиках. Он быстро сумел понять, что тут можно купить все, — в отличие от автоматизированных супермаркетов верхних уровней Цитадели местный ассортимент товаров и услуг включал весь запрещенный список предметов, владеть которыми могли лишь представители некоторых узкоспециализированных служб города. Кроме прочего здесь же предлагалась различная модификация приобретаемых товаров, превращающая продукцию стандартных производств в уникальные вещи. Подобная система действовала без градации на тип приобретаемых изделий, то есть видоизменить, приспособить, подогнать «под себя» с одновременным улучшением качеств, можно было любую вещь, было бы желание и деньги.

Светлов не подозревал, что за два десятилетия на самом дне города в рамках промышленной зоны и заброшенного, необитаемого (если верить официальным базам данных) квартала может возникнуть такое необычное сообщество, со своими законами, нравами, кустарными производствами, в которых, как безошибочно определил опытный взгляд Светлова, применялись уникальные, нигде не запатентованные технологии.

Как ни странно, он быстро нашел для себя объяснение увиденному, вспомнив свой последний гравиборд (не тот, что пылился в заброшенной квартире, а именно последний, с встроенными антигравами, позаимствованными из схем сбитых рагдов). Наверняка развитие местных кустарных производств имело те же корни, — мальчишеские увлечения перерастали в нечто больше, с той разницей, что Антон покинул промышленную зону, завербовавшись в колониальную пехоту, а эти люди остались тут, сумев преодолеть нелегкий путь развития — от сборища неудачников до нового, сформированного уже следующим поколением «отверженных», уникального сообщества.

И нет ничего странного в том, что здесь, на самом дне города дышится и думается намного свободнее, чем наверху, где все серо,

утилитарно, автоматизировано и загнано в рамки законов, определяемых уже не людьми, а кибернетической системой СКАД.

Не смотря на постоянное присутствие двух телохранителей, которые следовали за ним, не отступая ни на шаг, словно тени, Антон чувствовал себя достаточно комфортно.

Любой человек, попавший сюда с верхних уровней города, вряд ли воспринял бы открывшуюся ему действительность так же спокойно, как сделал это Светлов. Но он вырос тут, и потому не дергался, — воспоминания детства, плюс четкое осознание того, что эти люди никогда не подключались к «параллельности», помогало ему не мириться с данностью, но принимать ее.

Выбрав себе новую одежду, взамен изрядно надоевшего мешковато сидящего комбинезона Антон, присмотревшись к некоторым видам предлагаемых тут же электронных устройств, спросил:

— ИПАМ отремонтировать можно?

Владелец «минимаркета» не выказал удивления, лишь уточнил:

— Хорошо бы взглянуть. Повреждения бывают разными.

— А в принципе?

— В принципе подчинить можно все. Но иногда я советую приобрести новую вещь, чем ремонтировать старую. Я же сказал — нужно смотреть.

— Хорошо. Я принесу. — Светлов обернулся, и спросил у Клауса:

— Можно выяснить, Энтони уже вернулся?

— Нет. Еще рано.

— Вы так и будете ходить за мной?

— Мы тут ради твоей же безопасности, — усмехнулся Андрей.

— Ладно, парни, никого обижать я не хотел. Вернусь к себе, вымоюсь и переоденусь. Появиться Энтони, передайте, что у меня есть к нему дело. Договорились?

— Да, без проблем. — Согласно кивнул Клаус.

— Вот и отлично. — Антон пожал парням руки и направился в сторону жилой многоэтажки.

Даже не оглядываясь, он почувствовал, что Андрей и Клаус следуют за ним, соблюдая некоторую дистанцию.

Вполне естественно — ему не доверяли в той мере, чтобы полностью выпускать из поля зрения, но бежать Светлов не намеревался и потому чувствовал себя достаточно уверенно.

Последствия мнемонического допроса и применения стимуляторов все еще давали о себе знать, Антон периодически ощущал приступы

недомогания, тело то бросало в жар, то внезапно пробивало холодной испариной. Хотелось по-человечески отдохнуть, переодеться, окончательно придти в себя, прежде чем обдумывать дальнейшие шаги.

Мысли о грядущем не отпускали и сейчас, но Антон уже давно перешагнул возраст, когда поступки носят импульсивный характер. Ему было над чем подумать до принятия окончательных, определяющих решений. Позволить себе действовать спонтанно он не мог в силу сложившегося характера, а сил на глубокий анализ сложившейся ситуации, оставалось все меньше.

В такие моменты лучше не спешить, тем более в данный момент ему ничего не угрожало, если только доктор Миллер не вел двойной игры.

Не исключено.

С такими мыслями он вернулся к себе, собираясь принять душ и переодеться.

* * *

— Ну, Светлов, о чем ты хотел поговорить со мной?

Антон, который только успел примерить купленную одежду, обернулся на голос.

— У тебя что «ключ от всех дверей»? — Подавив легкое раздражение, спросил Антон.

— Да брось. Дверь была не заперта. Кстати, хороший выбор, — он смерил Светлова взглядом. — Одеваешься со вкусом. К такому прикиду полагается хорошая тачка, и…

— Машина мне нужна самая обыкновенная. — Оборвал его фразу Антон. — По крайней мере, внешне это должна быть серийная модель среднего класса. Например «Пума» триста пятидесятой серии.

— На таких машинах пол города ездит, — скривился Хоук, но потом, присев на подоконник, искоса посмотрел на Светлова и уточнил: — Ладно, кузов от «Пумы», а что внутри?

— Чертежи ходовой части, желаемую модель двигателя и список дополнительных приспособлений я предоставлю, как только верну себе ИПАМ. — Ответил Антон. — Или я обратился не по адресу?

— Как раз по адресу. Такие заказы идут только через меня. — Энтони сощурился. — Кого-то ты мне напоминаешь Светлов.

— Это из-за одежды — ответил Антон. — Такую носили… и, наверное, носят до сих пор гравибордисты.

— Точно! — Энтони спрыгнул с подоконника. — Дай оценю, — он потрогал темную куртку с множеством карманов и «липучек», плотно

облегающую фигуру Светлова, потом перевел взгляд на такого цвета брюки, ткань которых имела свойство мгновенно уплотняться от резкого давления, наконец, мягкая обувь со специальной подошвой и глубокий капюшон куртки (способный не только защитить от встречных воздушных потоков, за счет почти неразличимого «мягкого» забрала, но и в случае необходимости погасить удар изменяемыми свойствами ткани) завершали картину, подчеркивая, что перед ним не просто любитель, а человек со вкусом, знающий цену риску, но разумно относящийся к вопросам собственной безопасности.

— Значит, это костюм гравибордиста?

— Да, а что тут странного?

— Есть в нем своеобразный шарм. Некоторые парни экипируются подобным образом, когда совершают рискованные заезды.

— На флайкарах?

— Да. Я-то думал это одежда гонщиков-экстремалов, а оказывается, она разработана для гравибордистов, так?

— Ну, в машине при аварии она тоже защитит. — Ответил Антон.

— Ты куда-то собрался?

— В город. Нужно кое-что забрать из своей квартиры.

— А почему ты решил, что мы тебя выпустим?

Антон пожал плечами.

— А что есть повод для разногласий? — Напрямую спросил он.

— В общем-то, нет. — Хоук сел в кресло. — Я навел о тебе справки. Все вроде сходиться, за одним «но».

— Каким? — Антон застегнул последнюю из магнитных липучек и несколько раз подпрыгнул на одном месте, проверяя, хорошо ли пригнана экипировка. При этом Энтони с удивлением отметил, что Антон не просто совершает прыжок, его тело группируется, а ноги пружинят, так, словно он ощущает под ними «грав».

— Неплохо сохранил навык. Загвоздка в том, Светлов, что ты попал в лапы стражей системы, и ускользнул от них, ну скажем: чудесным образом.

— Чудес не бывает. — Ответил Антон. Он подошел к окну, сдвинул створку, и добавил: — Ты питаешь много иллюзий, Энтони.

— Например? — Насупился Хоук, не ожидавший, что его вдруг станут поучать.

— Ты преувеличиваешь собственную значимость, преуменьшаешь возможности системы, и полагаешь, что все нормальные люди обязательно сконцентрированы тут, а остальное общество — это полный отстой, деградранты, подсевшие на виртуалку, как на наркотик, и полностью

зависимые от СКАДа, как марионетки.

— А разве не так?

— А мы достаточно знаем друг друга для откровенного разговора? — Светлов обернулся, посмотрев на Хоука так, словно не тот был здесь главным.

Энтони не смутился. Он спокойно выдержал пристальный взгляд Антона и ответил:

— Сутки назад у меня имелась куча причин, по которым тебя следовало пристрелить и сбросить тело в ближайший утилизатор отходов. Но ты живой. — Он приподнял бровь, словно спрашивал: как тебе такой аргумент?

— Веско. — Ответил Антон. — Хорошо, тогда ты сможешь понять некоторые мои доводы. Во-первых, СКАД прекрасно осведомлен о том, что квартал обитаем. Вот только не надо брать меня за руку и демонстрировать залепленные жвачкой видеосенсоры. Да, тут промышленная зона и во всех базах данных квартал обозначен как «необитаемый». Но это общедоступные сведения, кроме них существуют еще специальные, недоступные обычному пользователю базы данных. Думаю, что не ошибусь, предположив, что в них содержаться исчерпывающие сведения об обитателях квартала, вплоть до цвета твоей рубашки, Энтони, марки флайкара, и биометрических данных твоей подруги.

Хоук нервно сглотнул.

— Ты из ОБС?

— Расслабься. Я не в ладу со службой безопасности СКАДа.

— Хорошо, допустим, система знает о нас все. Почему в таком случае мы не арестованы?

— Вы нужны СКАДу, Энтони. Разве это непонятно?

— Непонятно. Какой с нас толк, кроме вреда?

— Вред от вас тоже небольшой, но необходимый. Иначе говоря, ваши поступки, например гонки на флайкарах в часы технического обслуживания суперскоростных магистралей, мелкие кражи, взломы сетевых ресурсов, вообще вся эта вольница, создает нужный фон — есть чем заполнить каналы новостей, выгодно оттенить действительно полурастительное существование целых категорий граждан Цитадели. Вы — это повод показать, что система приносит спокойствие, стабильность, уверенность в завтрашнем дне, ограждает своих приверженцев не только от внешних угроз, но и от внутренних, асоциальных элементов. Улавливаешь мысль? На каком основании содержать отделы ОБС, если им не с кем бороться?

— Не подводишь ли ты меня к мысли, что СКАД может расправиться с нами в любой момент?

— Именно так. Но повторяю, — это невыгодно системе. Общество должно видеть контраст между черным и белым. Вы черное, они белое, наглядность очевидна, при минимальной угрозе существованию города, вы даете системе массу преимуществ.

— Нет, Светлов, это ты переоцениваешь себя.

— Я вне системы. — Напомнил Антон. — Здесь мы как раз подходим ко второму пункту: мир, в частности общество, которое ты презираешь, не сплошная штамповка, люди остаются людьми, не смотря на издержки навязанной сетью ежесуточной «психологической разгрузки».

— Докажи.

— Посмотри на меня. Я, по-твоему, «овощ»?

— Не похож. Но ты вообще, «темная лошадка».

— Я человек, такой же, как и ты. Хотя, пару дней назад меня сложно было выделить из массы жителей верхних уровней. Теперь о моем «чудесном спасении». Соглашусь, что большинство обитателей Цитадели, в том числе и ты, Энтони, не задаются глобальными вопросами бытия.

— Это, типа: «кто я и зачем живу»? — Усмехнулся Хоук. — Как раз с этим все в порядке.

— Не сомневаюсь. Но кто ты вне города? Почему, пользуясь защитой этих стен, потребляя тепло и пищу, вдыхая очищенный воздух, ты презираешь тех, кто отражает внешние атаки, рискуя между прочим жизнью на защите укреплений, не ценишь труд людей, обеспечивающих тебя теплом, светом и воздухом? Только потому, что они избрали иной способ психологической разгрузки? Это не справедливо, Энтони. Если отнять у тебя, и у остальных жителей квартала возможность расслабиться, долго сможешь просидеть в замкнутом пространстве технического уровня, упиваясь тем что «свободен»? Ответь, если изолировать квартал, по-настоящему, как это может сделать СКАД, через какой промежуток времени здесь все рухнет, а люди вцепятся друг другу в горло?

Хоук побледнел.

— Не задавался такими вопросами? А зря. — Светлов понимал, что рискует, оказывая прямое давление на устоявшееся мировоззрение Энтони, но иного выбора у него не было. — Мы все: и те, кто наверху, и те, кто живет тут, по сути, замурованы в Цитадели, как консервы в банке. Вот что следует понять. И еще, к твоему сведению: любая замкнутая система, если в ней участвуют люди, обречена. Только чистый механизм способен функционировать веками, исполняя один и тот же набор программ. Мы не

машины и над всеми нависла одинаковая угроза: либо Цитадель будет разрушена прессингом внешних атак, либо нас ждет медленное вымирание. Немногие люди понимают это, но доктор Миллер, обеспечивший мой побег, из их числа. Он ясно видит, что Цитадель, образно говоря, выстроена на краю пропасти и с каждым годом понемногу сползает в нее.

Энтони встряхнул головой, потом зло посмотрел на Антона и вдруг спросил:

— Слушай, умник, ты хочешь сказать, что пока мы гоняем по автобанам, а другие грузятся по ночам в виртуалку, нам медленно наступает… — Он даже не смог подобрать слова, чтобы точно выразить свою мысль, потому, что слова Светлова оказались созвучны некоторым смутным мыслям, что время от времени возникали в сознании самого Хоука. Просто Антон был первым, кто набрался смелости взять его и ткнуть носом в очевидные факты.

— Какого… тогда бездействует СКАД?!

— Вот тут ты ошибаешься. СКАД действует, но Цитаделью управляет не он.

— А кто?

— Люди. — Неожиданно для Энтони произнес Антон. — Те, кто создал систему. Они правят балом.

— Ты рехнулся Светлов? Они ведь тоже, наверное, хотят жить!

— Безусловно. И отсюда я могу сделать только один вывод, либо они потеряли контроль над ситуацией, либо надеются на какое-то событие.

— Вот и поговори с человеком. — Хоук насуплено взглянул на Антона. — Что, блин, за жизнь такая, не знаешь с какой стороны сегодня…

— А ты не подставляйся. — Светлов не переставал удивляться выдержке, которую демонстрировал Энтони. Он считал, что Хоук окажется слабее.

— Ладно… Считай что ты меня окончательно запутал. Лучше скажи — есть ответ на эти вопросы? Или нашу консервную банку уже укупорили?

— Ответы есть. Я в этом не сомневаюсь. Но чтобы искать их, мне нужен ИПАМ и доступ в сеть.

— Я тебе отдам свой, идет?

— Нет. — Покачал головой Антон. — Мне нужен мой ИПАМ. На его носителях очень важные данные.

— Он на складе ОБС? — Встрепенулся Хоук.

— Не думаю. — Успокоил его Светлов. — Скорее всего, он остался у меня дома, то есть на прежней квартире

Энтони на некоторое время задумался а затем вдруг махнул рукой, спросив:

— Тачка нужна? Ребята? Стволы?

— Нет. — Отрицательно покачал головой Антон. — Я все сделаю сам. Хотя, ствол не помешает, там могли оставить засаду, — так на всякий случай, связи мои выяснить, к примеру.

Хоук молча достал АПС[8].

— Не пойдет. Есть что-нибудь полегче? С шоковыми пулями, типа полицейских образцов?

— Есть. — Буркнул Энтони. — Только проку от них, если нарвешься на сервомеханизмы?

— Справлюсь. Я не хочу устраивать войну, ты должен понять меня, Энтони. Это наш город.

— В твоем понятии нет плохих и хороших людей?

— Все мы разные. У каждого своя точка зрения. И нет причины убивать друг друга только из-за того, что взгляды на жизнь где-то не совпадают. Хватит с нас внешней угрозы.

— Светлов, вот я смотрю на тебя и не понимаю: почему ты такой убедительный? — Хоук порывисто встал и принялся расхаживать по комнате.

— Все просто Энтони. — Светлов заметно помрачнел, но продолжил: — Я потратил двадцать лет на размышления и сбор информации.

— Ты серьезно пытался что-то понять? Осмыслить реальность?

— Пытался. А потом… меня простимулировали, Энтони. Серьезно простимулировали, конкретно «освежив» память. Встряхнули так, что я до сих пор не могу опомниться. А что до моей рассудительности, — Антон усмехнулся, но зло, скорее горько, и чуть иронично. — Проблема «забытого» квартала достаточно понятна и проста, ты ведь сам, и без моего участия обдумывал ее приходил к определенным выводам, но не хотел в них верить. Я всего лишь подтвердил твои собственные мысли, Энтони, ведь так?

— Только не распространяйся на эту тему, договорились?

— Не волнуйся. Смуту вносить не буду. Отпустишь теперь? — Светлов поднял взгляд.

— Отпущу.

Глава 5. Строительные площадки Цитадели…

Город этой ночью не спал.

Свет на основных магистралях и в жилых кварталах не работал, энергопотребление было снижено до минимума, зато внешний периметр подковообразного мегаполиса полыхал огнем, — в ночи медленно развивалась очередная атака, идущая со стороны материка.

Антон успел добраться до исходной точки еще засветло: воспользовавшись общественным транспортом, он, как много лет назад вышел на конечной остановке, и когда малочисленные пассажиры исчезли из поля зрения, направился в сторону новостроек.

За его спиной в специальном креплении спортивного ранца, покоился гравиборд, тот самый, что он собрал незадолго до того, как завербовался в колониальную пехоту, покинув «дно» мегаполиса, как казалось тогда — навсегда.

Он чувствовал, что в душе и в мыслях замыкается некий жизненный круг, — он снова здесь, на строительных площадках «высоток», вот только реальность успела измениться, город повзрослел вместе с ним, превратившись из уступчатой, в некоторых местах ассиметричной громады, в плавно закругляющуюся исполинскую крепость.

Вид, отрывшийся с верхней точки новостроек, завораживал мрачной красотой: над опаленной, выжженной дотла равниной, казалось, проливается огненный дождь, — тысячи рагдов шли на штурм, но их усилия были заранее обречены на провал: система обороны Цитадели проектировалась в расчете на противостояние крупным механоформам, таким как хитвары или олонги.

Огненный дождь не прекращался. Антон присел на стеклобетонный блок, наблюдая как вдали, вне зоны досягаемости кинетических вооружений, периодически появляются темные тени, — это хитвары кружили над черным лесом, выпуская в сторону Цитадели новые и новые полчища порожденных в их чреве рагдов.

Антон смотрел на мрачную прелюдию к ночной атаке, и в его рассудке вновь возникали одни и те же вопросы, ответ на которые он так и не смог найти: почему за столько лет загадочные механоформы не изменили своей тактики, не усовершенствовали вооружения? Неужели опыт тысяч провалившихся атак ничему их не учит? Скорость, с которой перемещались рагды, уже давно не проблема для усовершенствованных систем

управления огнем, а маломощные лазеры маленьких бестий едва ли способны нанести сколь либо ощутимый урон укреплениям Цитадели. Реальную опасность для города рагды могли представлять только в одном случае — если периметр защиты будет сломан, и их сонмища смогут ворваться на улицы и уровни мегаполиса.

Масштабы и последствия подобного прорыва не хотелось даже представлять. Юркие рагды могли вызвать цепь непоправимых техногенных катастроф, способных уничтожить Цитадель. Однако этого не происходило, по одной причине: хитвары, оснащенные мощными системами вооружений, способными пробить бреши в стенах укреплений, *всегда* кружили вдалеке, пока не иссякал неистовый, но бесполезный напор рагдов.

Что произойдет, если однажды тактика измениться? Если вперед пойдут хитвары, с земли их поддержит атака олонгов, в стенах Цитадели будут пробиты бреши, и уже после этого из чрева летающих левиафанов вырвутся тысячи рагдов?

От подобных мыслей в груди Антона скользнул холодок.

Может быть, агенты ОБС не зря обеспокоены появлением «несанкционированного» призрака в рамках городской сети?

Но ведь она человек! — Убеждал себя Светлов. При чем тут внешние атаки на город? И какое отношение призрак Даны имеет к чуждым механоформам?

Это еще предстояло выяснить. Недвусмысленные воспоминания вызывали беспокойство, гложущее чувство нависшей над Цитаделью угрозы не давало Антону спокойно созерцать очередную, заранее обреченную на провал, атаку загадочных, так и не изученных до конца механизмов.

Огненный дождь постепенно прекратился, рассеянные группы рагдов отступили, и к стенам города-крепости теперь медленно, неторопливо начали приближаться хитвары — двухкилометровые создания, похожие по своим обтекаемым формам на обитающих в земных океанах скатов. Темные как ночь, они медленно приближались, формируя в особых утолщениях, расположенных по периметру обращенной к городу «фронтальной» части, плазменные заряды.

Еще секунда и исполинский контур передового хитвара озарился нестерпимым для глаза светом: разряды ионизированного газа ударили по стенам Цитадели, в одно мгновенье испарив тысячи кубометров брони и бетона.

В ответ, наконец, заговорили орудия. Светлов прекрасно представлял,

что твориться сейчас в узких казематах: там росла температура, вишневые пятна ожогов, оставшиеся в местах попадания плазмы светились в темноте, покрывая огромные площади отвесных стен, от высокой температуры и вторичного излучения происходили частые сбои в работе сети, и люди были вынуждены переходить на полуавтоматическое управление, — в дыму, под красноватым сиянием аварийного освещения, расчеты продолжали работу по целям в своих секторах обстрела, но, не смотря на шквальный ответный огонь, медленно перемещающийся хитвар, роняя фрагменты брони, снова выпустил рагдов и начал разворачиваться, уступая место своим копиям.

Разорванная вспышками орудийных залпов, подсвеченная тускло-вишневым сиянием плазменных ожогов тьма недолго царила под стенами города, — прошло минут пять, не больше, и окрестности вновь осветил слепящий огонь, но на этот раз плазма не достигла стен. Олонги и хитвары били по укреплениям Цитадели с разных дистанций, сформированные ими плазменные тела пересекали незримую границу электромагнитных щитов (выставленных при помощи генераторов), уже имея различную скорость и температуру. Защитные поля отклоняли их, дестабилизировали плазмоиды, и, наконец, по мере того как плазменные сгустки, теряя энергию, углублялись в область защиты, их структура начинала разрушаться. Одни плазменные тела взрывались раньше, иные чуть позже; на участке равнины, перед стенами Цитадели возникали десятки катастрофических явлений: всесжигающие потоки заряженных частиц, сравнимые с небольшими солнечными протуберанцами, как будто растекались по площади незримых преград, частично превращаясь в сполохи блуждающего в небесах, переливающегося опалесцирующими тонами сияния…

Лишь небольшое количество плазменных сгустков, все же преодолевали зону защиты, оставляя за собой зримый след ионизированного газа, большинство же плазмоидов, остановленные электромагнитными щитами, разрушаясь, разряжались дождем молний, которые ударяли в землю, выбивая из нее гейзеры расплавленной почвы…

Пять хитваров, составлявшие вторую волну атаки начали разворот, и в этот миг заговорили ракетные комплексы Цитадели.

Антон знал, что ракеты ценились очень высоко, их производство было ограничено из-за нехватки конструктивных материалов, — фактически блокированный город не мог вести активную разработку месторождений полезных ископаемых, большинство необходимых ресурсов приходилось добывать из океана, где многометровая толща воды надежно укрывала

роботизированные комплексы от внимания агрессивных механоформ, которые по непонятной причине сторонились обширной водной глади, никогда не барражируя над океанскими просторами.

Ракетные запуски озаряли сожженную дотла, покрытую остекленевшими кратерами землю, в ночи стремительные факелы реактивных двигателей чертили два вида траекторий: одни были направлены вдоль земли, другие же рвались в небеса.

Еще мгновенье и первые огненные бутоны разрывов вспороли тьму, освещая смертоносные творения иной цивилизации, на этот раз одному из хитваров не удалось поставить противоракетный щит из сотен юрких рагдов и разделившиеся боевые части настигли его, взламывая броню, прожигая ее кумулятивными зарядами… еще секунда и из десятков пробоин в корпусе хитвара рвануло ослепительное пламя, чуждый механизм вдруг потерял плавность очертаний и начал разваливаться на множество неравных частей…

Есть!

Антон в этот миг испытывал торжество, словно находился там, в тесных напоенных жаром казематах, средь потрескавшихся от температуры стен, раскаленных пусковых стволов и человеческих фигур в термозащитных костюмах.

Уничтожение одного хитвара означало не только конец ночной атаки, но и передышку, как минимум в месяц: чуждые создания были очень чувствительны к потерям среди крупных механоформ, они всегда отступали вглубь материка, чтобы восстановить численность ударной группировки, но отследить место их базирования не удавалось, бессильным оказался даже спутниковый контроль.

Почему слежение из космоса не в состоянии определить точного места дислокации их базы, Светлов не знал. Ему, как командиру батареи, подобная информация не сообщалась.

Бой все еще продолжался, среди бесчисленных воронок на истерзанной равнине затаились десятки олонгов, судя по ритмике и направлению огня, они сейчас перемещались в район падения обломков хитвара. Светлов уже не в первый раз наблюдал подобную картину, недоумевая, почему люди руководящие обороной не доведут дело до конца? Конечно, олонги представляли серьезную угрозу, но почему не пойти на оправданный риск, не попытаться выбить их из района падения, с тем, чтобы исследовать фрагменты хитвара?

С рассветом от поверженного левиафана останется лишь скорлупа, — фрагменты оболочки, не более. Все остальное будет тщательно уничтожено

олонгами и остаточными группами рагдов. Так происходило из года в год, ни одна из сторон не могла добиться решающего преимущества, чуждые механоформы отступали, а люди не начинали преследования, памятуя о трагедии, в которой была уничтожена почти вся боевая техника колонии и погибли лучшие, специально подготовленные подразделения колониальной пехоты.

Пора. — Светлов заставил себя отвести взгляд от зловещей панорамы постепенно затухающего сражения. Сейчас, пока равнину перед городом все еще контролируют олонги, а компьютерная сеть города перегружена решением множества текущих задач, связанных с эвакуацией раненных, срочным ремонтом повреждений, сменой боевых расчетов и пополнением оперативных боекомплектов, контроль над городскими коммуникациями ослабевал.

У Антона оставался приблизительно час, прежде чем возобновиться тотальное слежение за магистралями и жилыми кварталами. За это время он должен успеть побывать дома и скрыться в недрах технических уровней. В отличие от Хоука он не мог позволить себе уповать на лояльность системы, — если его вычислят, то начнут преследовать, в этом Светлов не сомневался ни на секунду.

Выйдя на край строительной площадки, он встал на гравиборд, несколько секунд смотрел поверх разверзшейся бездны на близкие, расположенные чуть ниже и правее габаритные огни группы небоскребов, а затем, мысленным приказом включив питание «деки», слегка наклонился вперед, позволяя гравиборду,(чуть приподнявшемуся над пронизанным стальной арматурой бетонным перекрытием) соскользнуть в пропасть.

Удар ветра в лицо, упругое сопротивление под ногами, как будто снизу неведомая сила подхватила «грав» позволяя генераторам удерживать «деку» в пологом скольжении без видимой опоры.

Антон не ради ребячества решил вспомнить юность. В отличие от большинства городских жителей (включая и тех, кто регулярно сменялся на боевых постах Цитадели) Светлов в свое время получил качественно иную подготовку, его тренировали на выживание в *контактном бою*, учили видеть, запоминать каждую мелочь, не пренебрегать ничем, что способствует выполнению задания, а уж тем более — не преуменьшать способности противника.

В принципе, из собственного опыта он знал, дороги сейчас относительно безопасны. Движение по магистралям во время внешней атаки прекращалось, и СКАД переориентировал подавляющее большинство датчиков, используя кибернетические цепи для слежения за

показаниями техносферы города, чтобы вовремя отреагировать на малейшие признаки возникновения неполадок в работе городских систем, сбои в которых с наибольшей вероятностью могли привести к техногенным катастрофам.

И, тем не менее, он не рискнул воспользоваться флайкаром, предпочитая скользить будто тень, вне транспортных артерий инфраструктуры мегаполиса, в мертвой, не представляющей интереса для сканирования зоне.

На этот раз Светлов не испытывал тех чувств, что приходили в юности. Сейчас ощущение *драйва* было лишним, он управлял гравибордом сосредоточенно, но без излишнего напряжения: оказывается, доведенный до рефлекторного уровня навык не исчез, а процедура мнемонического допроса не просто всколыхнула память, — она вырвала из подсознания целые отрезки жизни, воспроизведя их до мелочей, и сейчас Антону казалось, что он только вчера в последний раз исполнял рискованные трюки среди молчаливых лабиринтов новостроек.

На самом деле память выдавала искаженную информацию. Он постоянно «проваливался» в прошлое, но взгляд тут же находил сотни несоответствий между реальностью, не позволяя разуму блуждать среди искажений.

Огни жилого квартала приближались. Пустынные улицы проносились под ним, Антон скользил, следуя изгибам монорельсовой дороги, по которой обычно проносились скоростные вагоны, разгоняемые в электромагнитном поле. Так ему удавалось экономить энергию в накопителе гравиборда, потому что впереди лежал сложный участок, где не будет дополнительных опор.

Наконец с монорельсом пришлось расстаться. Грав легко соскользнул в кажущуюся пропасть, теперь генераторы деки работали на полную мощность, Антон скользил в воздухе, исполняя сложнейший из трюков, так называемый «свободный полет». Гравиборд вибрировал под ногами, но Светлов четко держал равновесие, отклоняя корпус только когда ему нужно было изменить траекторию рискованного скольжения.

Его путь пролегал на высоте двадцать пятого этажа, тусклые огни стремительно приближались, энергия в накопителе иссякала, но с приближением группы зданий вторичные системы деки начали использовать массу металла, заложенную в здания в виде арматуры, как дополнительную опору, создающую отталкивающий момент.

Используя новый источник сил, Светлов притормозил скольжение и, описав в воздухе сложную фигуру, окончательно остановился, балансируя

на высоте двадцать седьмого этажа, напротив окна свой собственной квартиры, откуда несколько дней назад его увезли на допрос в полицейское управление.

Он был готов к неожиданностям, но, судя по незапертому окну, в квартире никто не появлялся в его отсутствие.

Агентам ОБС не за чем проводить обыск, для этого служат сканеры, а терминал компьютерной сети они исследовали через удаленный доступ, непонятным оставались их действия относительно ИПАМа. Почему в него всадили пулю? Зачем оставили валяться на полу комнаты? Оставили как приманку? Но ведь никто не предполагал, что Светлову удастся пережить мнемонический допрос и бежать.

Прежде чем решиться на рискованную вылазку он думал об этом, но не нашел вразумительного ответа. Оставалось лишь одно: выяснить все на месте. Иного пути он не видел. Только ИПАМ мог помочь ему проникнуть в свой виртуальный мир, и попытаться вновь встретиться с призраком Даны.

Единственное объяснение такого негативного и в тоже время халатного отношения к личному компьютеру, Антон находил в нервозности агентов, вырвавших его из виртуалки. Очевидно, они не ожидали встретить в квартире Светлова раритетный кибермеханизм, один из них выстрелил, прежде чем подумал, а затем, отсканировав пораженный объект, вынужден был констатировать, что ядро системы безнадежно разрушено.

Неужели они не знают, что все ИПАМы снабжались модулем псевдоинтеллекта?

Вполне возможно. Внешне ИПАМ здорово напоминал рагда, разве что не был оснащен излучателем, — это и могло послужить причиной машинальной реакции агента. Ну, а что касается реальных знаний, — они пришли за Светловым, их вряд ли кто-то инструктировал по поводу дополнительных кибернетических устройств. *Натура человеческая*. — Подумал Антон, осторожно открыв створку окна и перешагнув с «деки» на подоконник. Кому охота получать по шее от начальства? Ну, подумаешь, грохнул раритетный кибермеханизм, да плевать. Главное чтобы напарник не проболтался, но с ним всегда можно договориться в отличие от начальства, которое потом замучит внутренними расследованиями. Агенты выполняли свою работу, они взяли Светлова, а что до ИПАМа — пусть валяется, робот уборщик подберет и утилизирует перед вселением новых жильцов…

…В первый момент квартира показалась Светлову пустой: он вошел через окно гостиной, но не из спальни, ни из кабинета не доносилось ни

звука, свет выключен, индикационные огни на сетевом терминале погашены.

Значит, система уверена, что он мертв. Иначе к чему отключать сетевые устройства, которые, кроме прочего, могли выполнить функцию соглядатаев?

Не включая свет, Антон прошел через гостиную, чувствуя, как растет необъяснимое напряжение: вроде бы все спокойно и тихо, но подсознательное ощущение опасности не покидало, наоборот оно росло, хотя видимых причин для беспокойства Светлов не находил.

…

На улице небо затянуло облаками и начал накрапывать мелкий дождь. Заурядное явление после столкновения с хитварами, — влага, испаренная с огромных площадей, попавших во время боя под удары рассеянной плазмы, конденсировалась над Цитаделью, облака сгущались, образовываясь буквально «на глазах».

В плохо освещенном переулке, на узкой наклонной эстакаде, предназначенной для передвижения обслуживающих кибермеханизмов, у шлюза, ведущего в технические коммуникации, моросящий дождь выявил странное явление: *сумрак* вдруг начал потрескивать, искриться, выдавая работу маскирующего поля.

— Проклятье… — Негромко выругался Хоук. — дождик-то радиоактивный

— А что ты хотел после плазменных ударов? — Не оборачиваясь, спросил Клаус, наблюдавший за показаниями датчиков, загодя установленных подле интересующего их здания.

— Ничего не хотел. — Огрызнулся Энтони. — Засечь нас могут.

— Мы следим за Светловым или прикрываем его? — Проигнорировав замечание Хоука, осведомился Фриенбагер.

— По обстоятельствам. Странно, что он тебя не узнал. Меня это напрягает.

— А меня нет. — Клаус машинально коснулся пальцами фрагмента пеноплоти, заменившей часть кожи на лице. — После ранения меня трудно узнать.

— А жесты, мимика, другие особенности? — Стоял на своем Энтони.

— Успокойся Хоук. Светлов не мог меня узнать. Двадцать лет прошло.

— Ему сканировали память, если твой бывший командир не врет, конечно.

— Тем более. В последний раз он видел меня изуродованным, и вообще он не знает что все-таки остался жив… Травматические

воспоминания и мой сегодняшний облик никак не свяжутся в его сознании.

Их диалог был прерван коротким, нервным сигналом датчика.

Оба замерли, следя за показаниями приборов.

У подъезда дома резко притормозил невесть откуда взявшийся фургон. Спецномера и внезапное появление ясно свидетельствовали, что он двигался в недрах уровня, проскочив на поверхность у самого дома, наверное, его водитель воспользовался одним из съездов, предназначенных для транспорта коммунальных служб.

Боковая дверь плавно отъехала в сторону, и в дождливую хмарь попарно выскользнули восемь *существ.*

Данные сканирования с точки зрения Хоука оказались более чем странными. Внешне незнакомцы выглядели как люди, их экипировка с головой выдавала бойцов спецподразделений правопорядка, а вот внутреннее строение никак не подходило под человеческие критерии.

Даже не киборги, — из фургона высадилось восемь человекоподобных кибермеханизмов.

Клаус тихо выругался. Ничего подобного ему еще не приходилось видеть.

— Чистые машины — шепотом произнес он, одной рукой машинально приподняв часть облицовки пола, рядом с пассажирским сиденьем. Пальцы на ощупь нашли ИПК. Оружие, закрепленное в скрытом от посторонних глаз, экранированном от сканеров углублении представляло собой древнюю модель, использующую патрон с химическим зарядом, — не чета нынешним импульсным «штормам», чьи иглы хоть и пробивали стандартный бронежилет, но не годились для серьезного противостояния с машинами.

— Я же тебе говорил, что когда-то это случиться… — сипло произнес Клаус, активируя оружие. Сухой щелчок электромагнитного затвора прозвучал в тишине салона будто выстрел. — СКАД уже давно не доверяет людям. У него свои взгляды на идеального исполнителя.

— Клаус, сдурел? — Энтони все еще не мог принять однозначного решения. — Это группа захвата. Дернемся — засветим себя.

— Мне все равно, Хоук. Там Светлов. Он спас мне жизнь, выволок с того света. Тебе не понять этого, я знаю.

— Боевое братство? Подставишь себя и других.

Фриенбагер холодно посмотрел на Энтони, а потом, задавив внутренний порыв, произнес, тихо, но твердо:

— Я не буду сидеть и наблюдать. Система начинает разменивать людей на машины. *Это неправильно*. Буду признателен, если дождешься

меня или Антона. Отключи автопилот, ему уже нельзя доверять.

— Ты спятил, Клаус.

Энтони обернулся, но Фриенбагер уже выскользнул из салона «Пумы». Еще секунда и фигура Клауса будто материализовалась из мглы, когда он пересек границу маскирующего поля, которое поддерживали генераторы машины.

— Ну все… — Хоук достал АПС и приоткрыл водительскую дверь, с таким расчетом, чтобы иметь возможность в любой момент открыть огонь. — Это была дурацкая затея, Энтони.

Он разговаривал сам с собой, чтобы хоть как-то унять неведомую ранее дрожь, что волнами гуляла по телу.

Машины… Кибермеханизмы… Почему СКАД не послал агентов?

Ответ лежал на поверхности, но Энтони еще не принять его однозначную трактовку — Система, созданная людьми, более не доверяла собственным творцам. Она находила действия последних недостаточно разумными и решительными, потому и создала *альтернативу.*

* * *

Перешагнув порог кабинета, Антон наклонился, шаря рукой под столом, — он запомнил, в какую сторону отшвырнуло ИПАМ роковым выстрелом.

Так и есть. Пальцы нашли сферический предмет; осязать тупой, ноющий холод металлокерамики оказалось неприятно, словно сознание расширило понятие «смерть», включив в него новый образ.

Нервы.

Антон достал ИПАМ, не глядя на аппарат, аккуратно положил его в один из карманов своей куртки, и вернулся в гостиную, где в нише стенного шкафа стоял его последний гравиборд, собранный на основе нескольких извлеченных из рагдов генераторов.

«Грав» получился на удивление мощным, хотя и не таким маневренным, как прежние «деки» Светлова. Впрочем, он опробовал его всего пару раз, потом как-то стало не до экстремальных видов спорта, — спустя две недели после неудачной вылазки на город обрушилась вторая по счету атака чуждых созданий, а дальше жизнь вдруг стремительно начала терять краски, превращаясь в серые, безликие будни непрекращающегося противостояния.

Все поломала, стерла в порошок внезапно начавшаяся война, Светлов сейчас даже не смог бы толком вспомнить, как строилась Цитадель, — он постоянно находился где-то на переднем крае обороны города,

изматывающие схватки сменялись провальным беспамятством сна, и снова бесконечные боевые дежурства…

Единственной вехой прошлого стало включение в «параллельность», где отупевший от монотонной безвыходности рассудок внезапно получил возможность вспомнить, что существует иная жизнь, где нет узости боевых постов, где можно было творить, а не разрушать…

Впрочем «параллельность», как он уже успел убедиться, не являлась панацеей, скорее она гримировала безысходность существования в обреченном городе, не давая людям окончательно сойти с ума, или хуже того — всерьез задуматься над данностью…

Он стоял у распахнутого окна, собираясь активировать «грав», в который только что вставил заряженный энергоблок, когда до его сознания долетел слабый, похожий на слуховую галлюцинацию стон.

Светлов вздрогнул, резко обернувшись. Вязкая тишина покинутой, обесточенной квартиры, казалось, обступает его со всех сторон, даже шелест дождя за окном стал глуше…

Он положил «деку» на подоконник, достав АПС.

Звук повторился.

Он шел со стороны бытового помещения, — в стандартных квартирах не предусматривалось наличие «кухни», но обязательно имелась небольшая комнатка, с панелью бытового автомата, через которую можно был сделать заказ из ближайшего ресторана.

Вжавшись в простенок, Светлов поднял правую руку, ощущая привычный, успокаивающий вес оружия, а левой слегка сдвинул дверь по направляющим.

Рассеянный свет, падающий из окна гостиной, разогнал плотный мрак небольшого помещения, и Антон увидел скорчившуюся на полу человеческую фигуру.

Подросток?

Его обмануло хрупкое телосложение, — перешагнув порог и склонившись над телом, Антон едва не отшатнулся от неожиданности, — он мгновенно узнал черты смертельно-бледного, исхудавшего лица: на полу лежала Дана, — именно ее повзрослевшее лицо он видел на информационном дисплее камеры поддержания жизни, два десятилетия назад…

Мысль оборвалась.

Он услышал странный скрежещущий звук, дверь квартиры внезапно распахнулась, и в тесном коротком коридоре возникли два бойца в полной экипировке спецподразделений охраны правопорядка.

Все. Влип.

Он еще мог опередить роковые события, нужно было рвануться к окну, прыгнуть в пропасть, и уже в падении активировать «грав», но мысль погасла, как огонек свечи под порывом ветра, на полу лежала беспомощная, предельно истощенная девушка, призрак из прошлого, — он не мог оставить ее здесь…

Драгоценные секунды канули в вечность.

Они стали прошлым, шанс избежать столкновения исчез, но Антон, метнувшись в подсобку, вскинул АПС, заряженный резинопластиковыми пулями, готовый дать отпор. В грудь и голову спецназовцам стрелять бесполезно — броня, но по ногам в самый раз, — человека не покалечишь, но шок гарантирован.

Успею…

Секунда.

Смутная тень едва различимая в сумраке.

Антон резко присел, прикрывая собой Дану, и одновременно с хлесткими одиночными выстрелами, выбившими пластиковую щепу из стены маленькой комнатки, дважды сжал сенсор огня АПС.

Он был уверен, что не промахнулся, но звук попаданий оказался неестественно-громким, будто пули ударили не в мышцы, а раскрошились о пустотелый бронированный кожух.

В ответ резанула очередь «шторма», иглы с ноющим свистом наискось перечеркнули панель бытовой компьютерной консоли, на уровне которой за доли секунды до этого находилась голова Антона.

А они не шутили. И брать его живым не собирались.

Светлова спасла лишь реакция, он рухнул ничком, пропустив над головой свистящую смерть, но второй раз подобный трюк уже не выйдет, он понимал это, и потому ответные выстрелы АПС ударили по дымчатому забралу, закрывавшему лицо спецназовца.

Антон надеялся сбить прицел, вызвать замешательство, но опять просчитался, боец, застывший напротив дверного проема, даже не пошатнулся, лишь ствол «шторма» рывком пошел вниз…

…

Клаус Фриенбагер чувствовал, — ему не успеть. Андроиды опережали его, и Светлов (если он вовремя не ощутит приближающуюся угрозу) обречен. Существовал мизерный шанс, что машины получили инструкцию взять Антона живым, но уповать на чудо Клаус не привык. В его жизни чудес не случалось, и надеяться на милость судьбы особо не приходилось.

Он стремительно обошел фургон, игнорируя возможного водителя (зачем андроидам водитель? Автопилот там…) и вошел в подъезд многоэтажного дома.

Два лифтовых ствола, выходящие в холл работали. Индикатор указывал, что кабины поднимаются.

По лестнице не успею.

ИПК Клауса, оснащенный глушителем, сипло откашлялся двумя короткими очередями.

Из прошитых пулями панелей управления повалил дым, щедро сыпанули искры замыканий, и обе кабины остановились, застряв где-то между этажами, — Клаус стрелял по показаниям сканеров, сумев перебить и резервные энерговоды.

Отдохните пока… — Фриенбагер метнулся к лестнице. — *Сколько человек вмещает кабина подъемника? Четверых кажется? Значит двое пошли тем же путем, что и я…*

Клаус не ошибся в подсчетах. Андроиды оказались не столь прыткими, как он полагал, и через несколько минут он увидел их, одним пролетом выше, как раз на уровне двадцать пятого этажа.

Бег по лестнице дался ему с трудом, — годы не те, с дыхания сбился, в груди разрастался упругий комок боли, но он нашел в себе силы, чтобы преодолеть последний лестничный марш,

Вжавшись в простенок, он с трудом вдохнул, и в этот миг услышал, как дважды выстрелил АПС.

Все… Не успел…

Мысль билась в опустевшем рассудке, из глубин памяти рвались обрывочные фрагменты калейдоскопических воспоминаний, в голове гудело от недостатка кислорода, боль в груди не унималась, но все ощущения скользили где-то по периферии сознания, — он не искал в себе силы, тело само рванулось вперед, организм сейчас работал на рефлексах, мысль субъективно отставала, и потому хриплый предупреждающий возглас: «Командир!» слился в единый звук с двумя короткими автоматными очередями.

Первого андроида ударило в плечо и голову, звук пробиваемой брони и металлопластика оглушал, сервомеханизм тут же вырубился, он даже не предпринял попытки удержать равновесие, хотя повреждения едва ли были критическими. Вторая очередь, выпущенная в ту же точку, как инстинктивно предугадал Клаус, достала второго дройда, но не повалила, как первого, а лишь развернула его…

— Светлов, это не люди!

Клаус отпрянул за угол, и ответная очередь вспорола стену, лишь выбив из-под пластика облачка белесой пыли.

…

Услышав смутно узнаваемый голос, выкрикнувший знакомое и в то же время такое неуместное здесь и сейчас слово *командир*, Антон, не задумываясь, откуда к нему пришла неожиданная помощь, что было сил оттолкнул ногами бессознательное тело девушки, одновременно меняя обойму в АПС.

— Светлов, это не люди! — Донеслось с лестничной площадки.

Я уже догадался…

Принимать ситуацию *разумом* было некогда, достаточно того, что глаза видели, как падает, будто остановившаяся механическая кукла лже-спецназовец, а его напарник, получив две пули, пробившие шлем-сферу, тем не менее, не только устоял на ногах, но и резко развернулся в сторону нового противника.

Очередь, уготованная Антону, ушла в направлении лестницы.

Андроид недооценил свою жертву.

Обойма, которую Светлов вогнал в рукоять АПС, была снаряжена боевыми патронами.

— Не высовывайся! — Крикнул он своему неожиданному ангелу-хранителю, разрядив в затылок дройда половину боекомплекта.

Сервомеханизм пошатнулся, секунду он стоял, будто раздумывая падать или нет, а затем с грохотом рухнул на своего собрата, который пытался встать, резкими, неестественными для человека движениями поворачивая голову в поисках цели.

Со стороны лестничной площадки сипло ударила очередь ИПК, пресекая попытку дройда подняться на ноги, и внезапно все стихло, только со стороны лифтовых стволов слышался далекий невнятный пока скрежет.

Антон лежал на полу, напротив всего в метре от него из-под бронежилета «спецназовца» медленно капала на пол густая, вязкая гидравлическая жидкость.

Антон смотрел на тягучие капли, и чувствовал, как начинает медленно, в такт падению густых светло-синих капель «ехать крыша».

Из запоздалого состояния аффекта, наступившего после неимоверного напряжения короткой схватки, его вывел звук шагов.

Светлов уже не верил ни одному своему чувству, и потому вскинул АПС.

— Спокойно, командир. — В дверях квартиры появился Клаус. Перешагнув через андроидов, он протянул Светлову руку. — Не узнал

меня, Антон?

Фриенбагер?! Быть того не может… Он ведь…

— Пеноплоть. — Клаус коснулся изуродованной щеки.

Антон встал.

— Следили за мной?

— Страховали. — Клаус осмотрел подсобку, заметил бессознательное тело девушки и удивленно приподнял не задетую старым ранением бровь. — А это кто?

— Посмотри. Напряги память. Может, узнаешь? — Светлов говорил отрывисто, он внезапно подумал: *если не узнает, буду стрелять…*

Что за проклятье — не верить в появление друга, подозревать, что за личиной человека может скрываться сервомеханизм, созданный и запрограммированный СКАДом.

Клаус склонился над бессознательным телом и вдруг отшатнулся, словно ему влепили пощечину. Обернувшись он потрясенно посмотрел на Светлова:

— Та девушка из спасательной капсулы?!!

— Да. Извини, Клаус, я должен был убедиться что ты — это ты.

— Понимаю. Проехали. Что она тут делает?

— Понятия не имею. Я пришел за ИПАМом.

— За квартирой следили. Думаю, СКАД нацелил сюда дистанционные датчики. Система в курсе происходящего.

— Хреново. Надо выбираться. И ее нельзя бросать.

— Антон ты хорошо подумал? Мы видели ее двадцать лет назад. И за истекшие два десятилетия девочка не изменилась, разве что сильно похудела.

— Да, я подумал. Она могла провести все это время в саркофаге.

— Двадцать лет?

— Да, двадцать лет. Мы ведь не смогли тогда эвакуировать ни одной камеры поддержания жизни.

— Это я помню. А как, по-твоему, она оказалась здесь? Не повзрослевшая?

— А где ей было взрослеть? Все элементарно, Клаус. Камеры поддержания жизни обладают примерно двадцатилетним ресурсом автономии. Она пыталась связаться со мной через сеть накануне моего ареста. Все складывается. Ресурс камеры истощился, и автоматика совершила последнее возможное действие — освободила человека из-под своей опеки.

— Хочешь сказать, что она очнулась где-то там, в черном лесу?

— Да.

— И сумела добраться до города, войти в сеть, отыскать тебя?

— Не так уж и фантастично. Думаю, она искала любого, кто принимал участие в той операции. Я оказался доступен, потому что остальные погибли.

— Это просто нереально. — Клаус покосился в сторону лестничной площадки, откуда по-прежнему доносились скрежещущие звуки. — Тебя подставляют, Антон. Ладно, я недоступен, это понятно, но остается еще Фогель. Почему она не вышла на него?

— Не знаю.

— Нужно убираться отсюда. — Фриенбагер посмотрел на неподвижного андроида и сплюнул. — Мне не нравиться происходящее. СКАД слишком много на себя берет. Система открыла охоту на людей.

Светлов посмотрел на Дану и заметил:

— Она тоже человек, и этим, по-моему, все сказано.

— Ладно. Будем выбираться вместе. Не думаю, что Энтони придет в восторг, но бросать ее тут действительно нельзя.

— Хоук тоже здесь?

— Внизу в машине. — Фриенбагер тяжело взглянул в глаза Антона и спросил: — Ну, что стоим? Давай двигать, пока дройды не вылезли из лифтов.

Антон засунул АПС в подходящий карман своей куртки, и без видимых усилий поднял с пола бессознательное тело Даны.

— Будешь прикрывать. Пойдем по лестнице. Спускаемся по возможности тихо.

— Я на секунду. — Клаус первым выскользнул из квартиры, и направился к одной из шахт лифта. Когда на площадке появился Антон, он уже ставил вторую гранату: укрепив ее над сдвижными дверями выхода на этаж, Фриенбагер активировал детектор движения, сориентировав его таким образом, чтобы любой выбравшийся из шахты лифта андроид спровоцировал взрыв.

— Получал осколками в затылок. — Пробурчал он, догоняя Антона. — Командир, почему никто даже носа не высунул на стрельбу?

— А кому мешает стрельба?

— Не понял? Не все же жильцы сейчас на постах в Цитадели.

— Не все. — Согласился Светлов. — Но из «параллельности» звуков выстрелов не услышишь.

— Понял. Долбанная виртуалка. Извини, командир, я не принимаю участия в этих экспериментах системы.

— Ты как вообще оказался в «мертвом квартале»?

— Долго рассказывать. После госпиталя набил морду одному из военных чинуш.

— По причине?

— Банальная история. Не сошлись во взглядах, на проведенную нами операцию. Он пришел меня награждать от имени городских властей. А я злой тогда был. Сам понимаешь. Они ведь знали, что мы встрянем. Или не так?

— Знали или не знали, — это еще вопрос. — Ответил Светлов. — Сам до сих пор не разобрался. История темная, информации ноль, все засекречено.

— Вот и я о том. На наших же погибших ребят все списали. Мол, это мы разбудили механическую нечисть. А про раскопки — ни звука.

Ответ Светлова потонул в сдвоенном грохоте взрывов.

— Синхронно полезли…

Наверху, отвечая на злое замечание Клауса, раздались звуки тревожной пожарной сигнализации.

— Ну теперь держись. Сейчас все городские службы тут соберутся.

— Никто не приедет. — Мрачно предрек Антон.

— Это почему? Датчики ведь сработали.

— Андроиды. — Скупо пояснил Светлов. — Думаю СКАД не заинтересован чтобы по городу поползли слухи о человекоподобных механизмах.

Они уже миновали второй этаж, за поворотом лестничного марша должен был открыться сумеречный вестибюлю здания.

— Клаус, проверь.

Фриенбагер осторожно выглянул, замер, исследуя пустое помещение при помощи ручного сканера, затем обернулся со словами:

— Чисто, командир. Давай в темпе!

Они бегом спустились на первый, этаж пересекли вестибюль, и оказались на улице.

Дождь усилился, у подъезда застыл фургон с опознавательными знаками управления полиции.

— Гранаты остались?

— Есть пара.

— Взорви его.

— Понял. Давай, Антон, тебе прямо, в технический проулок. Там машина. Я догоню.

* * *

— Навязался ты Светлов на мою голову… — Не пытаясь крыть своего раздражения, произнес Энтони, когда Антон бережно уложил исхудавшую, по-прежнему находящуюся в бессознательном состоянии Дану на заднее сидение «Пумы». — Если б не Клаус…

— Теперь понятно, почему ты меня принял почти без вопросов. — Ответил Антон, перезаряжая АПС. — Кто он у тебя?

— Служба безопасности квартала.

Со стороны многоэтажки полыхнул взрыв, в проулке показался Фриенбагер. Через секунду открылась пассажирская дверь и Клаус, даже не захлопнув ее, крикнул:

— Гони!

— Куда гнать? У нас маскировка. Забыл.

— Гони, Энтони, поздно будет! Сканеры не ошиблись — там были не люди,

— Говори толком!

Потом. Потом все объяснения!

«Пума» рванулась с места.

— Куда? — Энтони увидел на съезде со скоростной магистрали два фургона с тревожными проблесковыми маячками. Похоже, стандартные полицейские сканеры действительно не могли распознать машину Хоука скрытую маскирующим полем, потому что оба бронированных «Праймера», не снижая скорости, вписались в крутой поворот, двигаясь борт к борту, блокируя обе полосы движения, — они неслись прямо на остановившуюся «Пуму» Хоука.

— Дворами!

Резкое ускорение вжало Антона в податливый материал спинки. Он сидел, бережно придерживая голову Даны.

Фриенбагер обернулся.

— У меня есть комплексный сканер. Проверить что с ней?

— Давай.

Хоук выругался сквозь зубы. В соседние дворы въезжало еще несколько фургонов управления полиции.

— Ну все. Задница…

— Выруливай на магистраль! Съезд свободен!

— Сам вижу! — Огрызнулся Хоук.

Флайкар заложил крутой вираж, пронесся в метре от «Праймера», едва не задев его борт, и с характерным визгом покрышек вписался в

закругление съезда, ведущего от скоростной автомагистрали уровня к жилым кварталам.

— Мы на встречном движении. Там знак. Нас сейчас будут ловить все встречные сканеры.

— Энтони не психуй. Прорвемся. В первый раз что ли? — Клаус умудрился пристегнуться, не переставая прижимать анализатор ручного сканера к бледной коже на запястье Даны. Наконец прибор сдавленно пискнул, сигнализируя об окончании процесса сканирования.

— Ну что там? — С тревогой спросил Светлов.

— Ты как всегда прав, командир. Истощение. Нервное и физическое истощение. Она как минимум неделю ничего не ела, при постоянной стрессовой нагрузке. Стимуляторы лучше не колоть, ее надо выводить из этого состояния медленно, бережно. Так что сейчас ничего не сможем сделать.

— Кто она? — Осведомился Хоук, не отрывая взгляда от дороги.

— Наша общая знакомая. — Ответил Фриенбагер. — Устроит?

— Меня сейчас все устроит, лишь бы вырваться! — Огрызнулся Энтони.

— Не понимаю. Трасса чистая. Что психуешь?

— Вверх посмотри.

Светлов и Фриенбагер одновременно взглянули на экран верхнего обзора, расположенный над лобовым стеклом.

— Проклятье. Это флайботы. Они сканируют магистрали. — Клаус на мгновенье прикрыл глаза, словно вспоминая что-то, а затем произнес:

— Энтони, через пару километров будет съезд в технический тоннель. Уходим к нулевому уровню, порваться можно только там.

— Понял.

* * *

Проскочив в указанный тоннель, Энтони немного расслабился.

— Хреново работают эти «железные парни», — шумно выдохнув, произнес он, уводя флайкар влево к очередному межуровневому переходу. — Почему они нас не засекли?

— Работают они нормально. — Ответил Клаус. — По крайней мере, для экспериментальных образцов. Хуже другое — сам факт их появления говорит в пользу того, что СКАД перестал доверять людям. Даже службе собственной безопасности.

— Чем это нам грозит?

— Тотальной зачисткой, в ближайшем будущем. — Мрачно предрек

Светлов.

— Какого хрена?! — Ощерился Хоук. — Ты ведь сам доказал мне выгоду, которую извлекает СКАД из нашего существования!

— Выгоде конец. Система пришла к мнению, что пора наводить порядок. — Мрачно предрек Фриенбагер.

— Может слить информацию об этом? На каналы новостей к примеру? «Ломанем» пару информационных серверов, как ты думаешь, Клаус?

— Думаю, что ты торопишься на тот свет, Энтони. Сейчас нам дергаться — только подставлять себя и других. СКАД охотиться конкретно на Светлова.

— Значит, тебе придется исчезнуть, парень. — Энтони не шутил. — Засветишься в квартале — нам всем хана.

— Да, не сомневаюсь. — Согласился Антон. Он как раз обдумывал необходимость последующих шагов.

— Есть предложение. — Клаус обернулся к Светлову. Мы высадим вас с Данной у заброшенной гидропонической фермы. Сами крутанем по городу, чтобы засветиться в другом месте, уже без маскирующего поля. Нужно убедить СКАД что… — Фриенбагер вдруг осекся, невнятно выругавшись.

— Что тебя не было в моей квартире? — Иронично уточнил Антон.

— Вот дрянь…

— Короче, система засекла вас обоих? — Уточнил для себя Энтони.

— Ну, естественно! — Не без досады ответил Клаус. — Так что на уровне гидропоники я тоже ухожу.

— А мне что делать?

— Погибни.

— Не понял?

— Разбей машину. Имитируй аварию. Но так, чтобы она произошла вне зоны слежения СКАДа. Подожги машину и уходи до прибытия следственной группы.

— Погибнуть — значит тоже выйти из игры? Прятаться среди вонючих баков гидропоники?

— У тебя не осталось выбора, Энтони. — Произнес Светлов. — Извини.

— Прекрасно. Ты извиняешься? Отлично! Я прямо в восторге! А моя жизнь?!

— Хоук, СКАД начал производство боевых машин. Не для защиты города, а для «внутреннего использования». Твоя жизнь *уже* ничего не

стоит.

— Умеешь ты утешить Светлов.

— Я не утешаю тебя. Сам подумай.

— Ладно. Приехали. — «Пума» на большой скорости вырвалась из очередного тоннеля и притормозила у нагромождения порядком пострадавших от времени конструкций. Вокруг царил плотный сумрак, давящая плита межуровневого перекрытия нависала на высоте двадцати метров. Издалека доносился невнятный шум — очевидно, это был звук прибоя. — Я взорву машину, не сомневайтесь. — Энтони обернулся к Светлову. — Только что делать потом?!

— Мы будем думать над этим. — Пообещал Антон. — Здесь точно нет датчиков СКАДа?

— Точно. Уровень законсервирован еще до ввода в строй нашего кибернетического умника. — Ответил ему Клаус. — Всю гидропонику тогда перенесли в океан, на подводные фермы.

— Мне казалось что система не оставила в городе мертвых зон. — Нахмурился Светлов.

— СКАД — машина, не забывай об этом, командир. — Ответил Клаус. — Он принял управление уже *существующей* инфраструктурой, из которой данное пространство было исключено. Здесь собирались что-то строить, но война внесла свои коррективы в планы реконструкции города.

— Ясно. — Антон критически осмотрел доступное взгляду пространство и попросил Хоука:

— Видишь группу строений? Попробуй подъехать ближе, чтобы высадить нас у любого входа, под прикрытием маскирующего поля. Так будет надежнее.

— Не проблема. — Буркнул Энтони.

Глава 6. Гидропоника. Законсервированный уровень…

Внутри приземистых построек царило запустение. Раньше они принадлежали комплексу гидропонических ферм, обеспечивающих городские фабрики сырьем для изготовления пищевых концентратов, все оборудование действительно было законсервировано, даже офисная мебель и оснастка лабораторий осталась на местах.

— Здесь, похоже, располагался исследовательский центр. — Прокомментировал Клаус, приподняв шуршащую пленку, которой было накрыто оборудование.

— Странно, что в городе остались вот такие «белые пятна», — по-своему отреагировал Антон. Его беспокоило множество мыслей и вопросов, но сейчас главное — найти безопасное убежище, чтобы получить хотя бы небольшую передышку.

— Ничего странного, командир. До включения СКАДа все ключевые посты занимали люди. Это машина определенным образом ведет планирование, не оставляя без внимания ни одной мелочи. А мы — он усмехнулся — часто оставляем животрепещущие вопросы «на потом». Так и с этим участком уровня. Законсервировали за ненадобностью, решив, что когда-нибудь пригодиться. Тем более гидрофермы в океане — дело новое, вдруг что-то пойдет не так?

— И много подобных «белых пятен» ты знаешь?

— Есть еще две заброшенные зоны. — Ответил Клаус, прислушиваясь к нарастающему гулу, доносившемуся «с улицы». — Магистраль. — Пояснил он. — Недавно проложена. Связывает причалы на берегу с промышленными комплексами. Так что площадь заброшенных участков невелика, и будет постепенно застроена.

Антон кивнул, решая, где бы временно устроить Дану.

— Иди сюда командир — раздался из соседнего помещения голос Фриенбагера. — Тут что-то вроде комнаты отдыха.

Светлов пошел на голос, в сумерках внезапно мелькнул луч фонаря, осветив дверной проем.

Клаус уже снял пылезащитную пленку с некоторых предметов меблировки.

— Давай положим ее сюда, — он указал на диван, подле которого стояло два мягких кресла и небольшой столик. В противоположном углу

помещения, рядом с бытовым агрегатом располагался не работающий инфовизор, и высился древний компьютерный терминал, той самой незабываемой для Антона модели, посредством которой он осуществлял свои первые выходы в сеть.

Устроив Дану, он подложил ей под голову мягкий валик и укрыл исхудавшую девушку своей курткой.

— Надо бы ее покормить. — Клаус положил ИПК на стол. — Пойду, поищу, может найду неприкосновенный запас. В лабораториях должны быть аптечки.

— Постой. — Антон посмотрел на бледные, заострившиеся черты лица Даны. — Она на грани жизни и смерти. Аптечкой и нашими с тобой знаниями полевой медицины тут не обойдешься. Нужен специалист.

— Откуда ты его возьмешь?

— Есть кандидат. Думаю, он не откажется помочь. Тем более его все равно нужно предупредить, ведь я засветился…

— Ты о том докторе, что организовал твой побег из управления полиции?

— Да. Только он не врач.

— Антон, а тебе не кажется, что выручать его поздно?

— В смысле?

— СКАД реагирует на события достаточно быстро. Система свяжет причину со следствием в пару секунд.

— У меня есть чип.

— Это не выход — покачал головой Клаус. — Система отслеживает переговоры. Ты нас засветишь.

— Да, ты прав. Но я не могу оставлять Миллера в неведении.

— Антон, его уже взяли. Ты не погиб, фальсификация налицо.

— Клаус, я подставил человека, спасшего мне жизнь. К тому же он нам нужен.

— Из-за нее? — Фриенбагер кивнул в сторону Даны.

— Не только. У тебя нет чувства, что вокруг происходит нечто противоестественное?

Клаус вернулся к столу, сел в кресло и угрюмо посмотрел на своего бывшего командира.

— Антон, ты должен был задать себе такой вопрос двадцать лет назад. Как задал себе его я.

— Понимаю. — Кивнул Светлов. — Но лучше поздно, чем никогда, верно?

— И чем нам поможет твой Миллер? — Фриенбагер спрашивал не из

простого любопытства, он понимал, что в одиночку Светлову не справиться, и если он должен еще раз рисковать жизнью, то надо четко знать во имя какой цели?

— Миллер лучше нас разбирается в текущей обстановке. Он не приветствовал методов получения информации, к которым его заставил прибегнуть СКАД.

— СКАД? Ты же говорил, что всем заправлял офицер внутренней безопасности.

— Да Некто Зарезин, полковник отдела безопасности СКАДа. Но он действовал не по личной инициативе, а по прямому приказу системы. Понимаешь? СКАД диктует свою волю не только рядовым гражданам. Он подминает под себя всех, в том числе и высшее руководство, если такое еще сохранилось. Но с другой стороны, он только давит, не в состоянии действовать сам. Ему пока еще нужны специалисты из числа людей, потому что не все автоматизировано. Но дело идет именно к полной автоматизации.

— Почему ты считаешь, что Миллер еще не под арестом? — Выслушав Светлова, спросил Клаус.

— Док не показался мне наивным глупцом. Он отлично понимал, на какой шаг идет, спасая меня. Такой поступок, учитывая тотальный контроль сети, можно скрыть лишь на время. Зачем, спрашивается, он дал мне чип для связи? Одно из двух, Клаус, либо Миллер играет на стороне СКАДа, и это очередная ловушка, либо он предвидел развитие событий, и элементарно подстраховался.

— Почему он пошел на конфликт с системой? Из одних соображений гуманности? Он настолько принципиален, чтобы ради незнакомого человека взять и поломать свою жизнь?

— Он мог наблюдать меня *изнутри*. — Ответил Антон. — Не знаю, что особенного он там разглядел, но…

— Короче, ты настаиваешь?

— Да.

— Может, дождемся появления Энтони?

— Нужно действовать быстро. — Ответил Светлов. — Я не до конца понимаю, что происходило и происходит, но наш единственный козырь, — это скорость и неподвластная понимаю СКАДа логика принятия решений.

— Так уж и неподвластная? — С сомнением переспросил Клаус. — Кто как не СКАД является автором современного мироустройства, по крайней мере, здесь, в черте Цитадели. Он сумел сыграть на знании человеческой психологии, чтобы «разгружать» большинство граждан от

эмоционального напряжения, используя «параллельность».

— Думаю, ты не прав. Возможно, Миллер знает ответ на вопрос: кто настоящий автор идеи виртуальных вселенных.

— Ладно. — Клаус встал — Решили действовать, — давай. С помощью чипа можно локализовать место, где сейчас находиться Миллер. Но для этого мы должны как-то покинуть уровень гидропоники, чтобы не привлекать внимания к единственному убежищу.

— Есть варианты?

— Есть. — Клаус достал мобильный коммуникатор. — Я уже давно не в ладу с системой. — Скупо пояснил он. — Жизнь научила думать на несколько ходов вперед, — усмехнулся он, набирая длинный цифровой код. — Не напрягайся, место передачи СКАД не вычислит. Для связи со своими «абонентами» я использую частоту, которая не сканируется. Слишком мал радиус действия устойчивого сигнала.

— И как ты выходишь из положения?

— Несколько ретрансляторов, расположенных в зоне «жизненных интересов» решают проблему. СКАД на них не реагирует, а мне удобно.

— Клаус, почему ты ушел из «нормальной жизни»? Ведь битие морды вышестоящему начальству только предлог, верно?

Фриенбагер искоса посмотрел на Светлова, но все же ответил:

— Мне не понравилось, как обошлись с нами, Антон. — Клаус сделал еще несколько переключений на панели коммуникатора и застыл в ожидании ответного сигнала от таинственного абонента. — Я поссорился с собой, со всем миром, а потом… потом, Антон, я однажды оглянулся вокруг и понял, что мир действительно против меня. Я не клялся себе что выживу, узнаю правду или еще что-то в этом роде. Просто мне после того боя, было страшно. Страшно, что кто-то вновь начнет мной рулить, опять заставит действовать в угоду чьим-то, совершенно чуждым и непонятным интересам. Я не хотел погибать во второй раз. И сделал все от меня зависящее, чтобы никто не смог помыкать мной, ни люди, ни СКАД, — никто.

— Значит Энтони только ширма? На самом деле не он босс?

— Хоук нормальный парень. Он хотел стать лидером, почему я должен был ему мешать?

Их разговор был прерван странным шелестящим звуком, который проник в здание через приоткрытую дверь.

Так могут шуршать колеса по гравию, но Антон не слышал шума подъезжающей машины.

— Пошли. — Клаус встал, — Это за нами.

* * *

Выйдя в серый сумрак заброшенного уровня, Светлов убедился, что интуиция не подвела, — у офиса древней гидропонической фермы стоял флайкар необычной конструкции. В его очертаниях изящество аэродинамических форм, сочетаясь с габаритами, в несколько раз превышающими размер обычной машины, создавало ощущение эстетики и мощи. Ничего подобного промышленность города не выпускала, но Антон не стал задавать лишних вопросов, и так понятно, что перед ним «ручная работа», выполненная умельцами в мастерских неподвластного СКАДу квартала.

— Нравиться? — Антон заметил, как по лицу Клауса скользнула тень гордости. Он явно питал к необычному флайкару особые, понятные только ему чувства. — Собрано на основе шасси планетарной машины. Кузов изготовлен вручную. В нем использован особый металлокерамический сплав, от древних конструкций установленных только в основании города. Легкий и одновременно прочный, кинетические удары держит лучше, чем реально существующая броня. Сверху особы слой — антилазерное покрытие. Помогает избежать внимания со стороны многих датчиков контроля, особенно на трассах. Прошу. — Он коснулся сенсора коммуникатора, и овальный люк в средней части корпуса машины скользнул в сторону, открывая доступ в тесный переходной тамбур.

— Шлюз?

— Да кузов полностью герметичен.

Антон перешагнул порог, окаймленный двумя уплотнителями, ощущая, как из шлюза идет встречный поток воздуха.

— Избыточное давление, не обращай внимания. — Спокойно пояснил Клаус.

— Для чего?

— Не знаю.

— Интересно получается. Значит, машину проектировал не ты?

— У меня нет таланта конструктора. — Фриенбагер коснулся сенсора и через несколько секунд внешний люк закрылся, напор избыточного давления иссяк. — Прошу. — Клаус первым шагнул внутрь открывшего за вторым люком отсека. — Чертежи и технические описания я нашел в архивах старой сети. Если бы не СКАД и постоянная угроза внешних атак, подобную технику производили бы в серии.

— Ты ничего не путаешь? — Антон осмотрелся. Внутри необычный флайкар делился на три отсека: грузопассажирский, водительский и… — А

что за переборкой? — Спросил Светлов, указывая на мощную преграду, с наглухо задраенным люком.

— Там двигательный отсек, машина работает на реакторе.

— Полная автономия?

— Да, полная автономия, внутренний цикл жизнеобеспечения, системы анализа окружающей среды, сканирующие комплексы, экспресс-лаборатория, кое-какое вооружение. Полный привод, высокая проходимость, — короче все, что нужно для жизни и исследований.

— Вне города? — Уточнил Светлов.

— Видимо — да. Но я не использовал «Ланцет» вне городской черты.

— Ланцет? Имя собственное?

— Название модели. Я понимаю, Антон, у тебя масса вопросов, но сейчас давай принимать все, как есть.

— Согласен. — Светлов вслед за Клаусом прошел в кабину, и все же, не удержавшись, спросил:

— СКАД не уделяет твоему «Ланцету» особого внимания?

— Он его не видит.

— Поясни? — Попросил Антон, пристегиваясь к креслу. Было непривычно: вместо лобового стекла тесно пригнанные друг к другу мониторы, образующие полукруг, ниже три экрана заднего обзора, панель управления намного сложнее, чем у обычного флайкара.

— Сейчас… — Клаус занял место водителя, сделал несколько переключений, затем вручную ввел маршрут на выдвинувшемся планшете навигационной системы, просто отметив несколько контрольных точек. «Ланцет» тут же начал движение, самостоятельно огибая преграды на пути к межуровневому тоннелю.

— Я внес кое-какие усовершенствования в исходную конструкцию, — произнес Фриенбагер, отвечая на заданный вопрос. — Ты когда-нибудь слышал о системах фантом-генераторов?

— Нет. — Покачал головой Антон. — Что они из себя представляют?

— Принцип действия объяснять долго. Потом, если интересно, можешь почитать ТТХ на эти изделия. Дополнительная система маскировки основана на голографическом изображении и генераторах, имитирующих определенную сигнатуру[12], характерную для тепловой и энергетической матрицы традиционного грузового фургона. Габариты и масса имитируемой модели приблизительно соответствуют характеристикам «Ланцета». Так что проблем с вождением в плотном транспортном потоке не возникает, но датчики слежения воспринимают

машину как стандартный крупнотоннажный грузовик.

— Но я видел «Ланцет»!

— Все просто. — Усмехнулся Клаус. — Мне хотелось показать машину в ее истинном облике, и, — он подмигнул Антону, — я временно отключил голограмму. Сейчас она уже работает.

Светлов был ошеломлен и озадачен одновременно.

То, что Клаус загодя готовился к любого рода неприятностям, вполне понятно и объяснимо, а вот конструкция машины, найденная им в архивах, наводила на серьезные размышления. «Ланцет» в понимании Антона занимал промежуточное место в модельном ряду техники, являясь компромиссом между тяжелой неуклюжей, но отлично защищенной планетарной машиной и юрким флайкаром.

Он идеально подходит для эксплуатации вне стен Цитадели. Если бы наше развитие не остановилось на стадии затянувшейся осады, то такой вид техники был бы востребован для удаленных от города небольших поселений.

Над этим следовало думать. Антон уже не в первый раз сталкивался с парадоксальными свидетельствами, прямо указывающими, что колония в определенный момент заморозила некий план перспективного развития. Вместо свободных поселений появилась Цитадель, люди как будто перестали жить, отдавая все свои силы обороне города и миру виртуальных грез. Многие, да что там многие — практически все принимали данность, не задаваясь лишними вопросами, но Светлов не принадлежал к большинству. Еще с юности, благодаря ненавязчивому воздействию ИПАма, он научился ставить перед собой вопросы и искать ответы на них.

Пока он размышлял, изредка поглядывая на экраны обзора, мощный внедорожник миновал систему межуровневых тоннелей и влился в транспортный поток на одной из магистралей.

— Давай чип. — Фриенбагер открыл защитный кожух на панели связи. Передачу будем вести в движении, так меньше вероятность, что на сигнал обратят внимания и запеленгуют источник. Одно условие, Антон: включение не более тридцати секунд.

— Понял.

* * *

В памяти чипа оказался зашит только один номер. Клаус, прежде чем активировать его внимательно изучил набор цифр, сверился с вызванной на дисплей бортового компьютера базой данных и произнес:

— Ист-Ривер.

— Почему?

— Последние цифры номера. Это не мобильный коммуникатор, а стационарное устройство связи. Мы сейчас находимся в тридцати семи километрах от абонента. К тому же уровнем ниже. Может отложить вызов? Подберемся поближе?

— Нет, вызывай. Во-первых, время дорого, во-вторых, Миллер не показался мне столь наивным, чтобы сидеть у домашнего интеркома и ждать вызова. Звонок будет переадресован, вот увидишь.

— Хорошо, давай попробуем. Если он ответит сразу — это ловушка.

— Договорились.

— Тридцать секунд, Антон. Начинаем.

…

Фриенбагер включил громкую связь, чтобы они оба могли слышать ответ Миллера, затем коснулся сенсора, активируя набор номера.

Несколько секунд тишины, затем аудиосистема тонко пискнула, — звонок был автоматически переадресован, затем еще раз, и еще…

Ответ последовал только после пятого сигнала:

— Слушаю.

— Миллер?

— Да. Светлов, это ты?

— Он самый. У нас двадцать секунд. Я засветился. Вас будут допрашивать, док.

— Есть предложения? — Голос Миллера даже не дрогнул.

— Вы должны исчезнуть. Но нам желательно встретиться. Назовите точку рандеву, только быстрее.

— Парк на окраине Ривер-Роуз. Больше не звоните по этому номеру. Я буду ждать. Отбой.

Связь прервалась.

— Не слишком он деловой для «доктора»? — Фриенбагер искоса посмотрел на Антона. — Пять переадресаций. Даже без моей подстраховки разговор не прослушивается. Система опаздывает на пять секунд.

— Он работает в управлении полиции. — Напомнил Светлов. — Там наверняка можно научиться многому.

— Можно. Но только в том случае если проявлять интерес. Ты думаешь, Миллер заранее готовил для себя пути отхода, планировал связь, просчитывал точки вероятных встреч с «нужными» людьми?

— Не знаю, Клаус. Мне он показался человеком здравомыслящим.

— У здравомыслия обыкновенного, законопослушного гражданина есть свои рамки, согласен? Он установил пять мобильных коммуникаторов,

в разных точках города.

— Это не ловушка. СКАД действовал бы проще.

— Согласен, но тут могли работать люди из управления полиции. Они как раз способны на такие фокусы.

— Не убедил. В любом случае, нам следует появиться в точке рандеву. Посмотри по карте уровней, поблизости есть магистраль?

— Есть. Х-5, как раз для грузовых потоков.

— Проедем по ней. Парк должен просматриваться. Если что задействуем сканеры «Ланцета».

— Давай попробуем. — Кивнул Фриенбагер. — Одно условие, Антон, если там засада, не останавливаемся, просто следуем мимо.

— Хорошо.

* * *

Район Ривер-Роуз располагался тремя уровнями ниже, в северной части Цитадели. Старый парк на окраине жилого массива действительно просматривался с поднятой на опорах магистрали, как на ладони.

Кроны деревьев не мешали вести пассивное сканирование, до дорожной развязки, позволяющей попасть с эстакады на низлежащий уровень дорог, ведущих к жилому микрорайону, оставалось еще два километра, когда на голографическом дисплее бортового компьютера возникла модель парка со всеми отслеженными сканерами источниками излучений.

— Непонятная схема. — Клаус повернул модель. — Один тепловой контур человека, это скорее всего Миллер, а вот это что? — он указал на смутные контуры, похожие на человеческие фигуры, не излучающие ни тепла, ни характерных для механизмов энергетических сигнатур.

— Парк старый. Это похоже на статуи.

— Статуи… — Фриенбагер нахмурился, отчего у на лбу обозначились вертикальные морщины. — Да, как в нашем заброшенном парке… Разные там фигуры у фонтана, по краю аллей… помню…

— Рискнем?

— Да вроде все чисто. Сейчас, поменяю маркеры…

— Кто мы теперь?

— Служба коммунального хозяйства. Вывоз мусора… Жаль в запасе нет подходящей робы…

«Ланцет» свернул на съезд с эстакады и, плавно вписавшись в закругление спуска, оказался на узкой дороге, проложенной вдоль ограждения зеленой зоны.

— Я высажу тебя у ворот. Буду ждать на парковке, там как раз есть пара мусорных контейнеров.

Антон кивнул, снял АПС с предохранителя и отстегнулся.

— Я пошел.

Пробравшись в узкий проход между креслами, он скрылся в смежном отсеке.

— Готов. — Раздался по связи его голос.

«Ланцет» снизил скорость. Наружный люк начал открываться.

* * *

Внешне все выглядело не совсем обычно: трейлер с эмблемой городской коммунальной службы притормозил подле входа в парк и из кажущегося монолитным борта машины, вдруг появился человек, — он спрыгнул на асфальт, мягко, пружинисто приземлился, и сразу же зашагал вглубь парка, с видом спокойно прогуливающегося горожанина.

Высадившая его машина проследовала дальше, к пустынной парковке, где остановилась подле объемистых контейнеров с мусором. Эта часть городских уровней была построена пол века назад, с ростом Цитадели старые кварталы не подвергались модернизации, поэтому здесь не было автоматизированных систем утилизации отходов, и машина коммунальной службы выглядела вполне уместно.

Впрочем, сдав к контейнерам, водитель не торопился опорожнять их.

…Антон шел по аллее, в направлении бездействующего фонтана подле которого (согласно схеме сканирования) его ждал Миллер. Светлов старался не спешить, двигаясь прогулочным шагом, заложив руки в карманы куртки. Со стороны его действительно можно было принять за скучающего горожанина, вышедшего подышать свежим воздухом.

На самом деле Светлов не расслаблялся ни на секунду, правая рука сжимала рукоять АПС, взгляд, скользивший по окрестным посадкам, подмечал каждую мелочь, но пока ничто не настораживало, кроме явного запустения и кажущейся тишины, в которой, за невнятным шумом листвы глохли звуки, идущие со стороны магистрали.

…Фриенбагер, следил за происходящим через системы сканирования. Он не чувствовал себя так же спокойно и уверенно, как Светлов, напротив, Клауса не покидало ощущение скрытой угрозы, источник которой он не мог определить.

Наблюдая за Антоном, он чтобы как-то унять чувство гложущей, но не осознанной тревоги, машинально вызвал на дополнительный информационный экран схему парка, из навигационных баз данных

бортового компьютера.

Секундой позже, сравнив полученную схему с действительной моделью, он на мгновенье опешил: подспудное беспокойство материализовалось, и он, срывая «Ланцет» с места, хрипло выкрикнул в коммуникатор:

— Антон, это ловушка!..

…

Светлов увидел Миллера и сразу же узнал его, хотя Генрих был одет явно не по сезону, в старое потрепанное и вылинявшее пальто, с поднятым воротником, которое придавало ссутулившейся фигуре ту черту нелепости, что немо свидетельствовала о крайне низком социальном статусе, — любой проходящий мимо обошел бы Миллера стороной приняв его за бродягу…

Услышав звук приближающихся шагов, Миллер медленно повернулся, и, не спеша, пошел навстречу.

В этот момент приемник коммуникатора, встроенный в имплант Светлова, сухо щелкнул, и он услышал выброшенную в эфир фразу:

— Антон это ловушка!.. На схеме парка нет никаких «статуй»!..

Светлов мгновенно сообразил, что может означать предупреждение Клауса.

— Миллер! — Он, уже не маскируясь под прохожего, рванулся навстречу профессору, — На землю!

Нужно отдать должное: Генрих не растерялся, он лишь втянул голову от неожиданного окрика и тут же словно серый мешковатый куль повалился на асфальт, открывая Светлову блокированное направление стрельбы.

Четыре статуи, образующие нелепый архитектурный ансамбль, установленный неподалеку от неработающего фонтана, *зашевелились,* роняя хрупкую корку маскировочного покрытия.

СКАД. Он был везде, даже в старых скверно оборудованных электронными средствами слежения городских кварталах.

Благодаря новому типу разработанных сервомеханизмов, система получила широчайшие возможности, в эти роковые мгновенья Светлов понял, что Сеть перешагнула порог статиса, СКАД не мог позволить себе открытой слежки за людьми, и потому пошел по пути наибольшего сопротивления — в дополнение к существующей системе контроля он начал внедрять человекоподобные механизмы, которые могут находиться рядом с тобой, маскируясь под человека, или, как произошло в данном случае, застыв до поры в виде изваяний…

Антон действовал быстрее, чем мыслил.

Оказывается все эти годы, не смотря на относительно благополучное существование, подсознательно он хранил образ неизбежности, отпечаток смерти, разминувшейся с ним, но оставившей в душе глубокий шрам, который не позволял рассудку строить иллюзий.

Да он находился в Цитадели, но и тут шла охота на людей со стороны машин.

Он будто спал, а мнемонический допрос заставил его очнуться, и снова жить в прежнем бешеном темпе, когда каждый шаг, мысль — это поединок с враждебной данностью…

Тело доктора мешковато и неправдоподобно-медленно падало на асфальт, взгляд Светлова фиксировал противника, — четыре человекоподобных фигуры в сотне метров от фонтана, а боковое зрение умудрялось подметить, как от серого пальто Миллера взметнулись облачка пыли при ударе об растрескавшееся покрытие аллеи.

Руки ощущали вес оружия, но спокойствия *не было* — человеческие подобия бежали прямо на выстрелы, словно твердо верили в собственную неуязвимость…

АПС дважды вздрогнул, электромагнитный затвор преданно отшвырнул вбок короткие, дымящиеся цилиндрики гильз, вязкое время, вязкий воздух, острота чувств граничила с помешательством или ясновидением, — пули ударили в голову и грудь передового андроида, тот дернулся, пытаясь удержать равновесие, но инерция развернула его, столкнув с другим человеческим подобием…

Короткое смещение ствола и снова два выстрела подряд, по ногам замыкающей пары сервомеханизмов… Антон стрелял, с внутренним холодом осознавая, что передовой дройд уже пытается встать, а Миллер беспомощно распластался на асфальте, не шевелясь, только вздрагивая всем телом при каждом звуке попаданий, которые раздавались в тиши парка особенно громко.

Нет, он не причем. Так играть невозможно, особенно когда пули летят прямо над тобой…

В обойме АПС осталось четыре патрона, времени на перезарядку нет, выстрелы «по ногам» отдались лишь ноющим рикошетом…

Светлов понятия не имел, как устроены механизмы андроидов. Он видел, что дройд с пробитой навылет головой и простреленной грудью уже встал, но его попытка шагнуть оказалась неудачной…

Голова или грудь?

Светлов выстрелил четыре раза подряд, и рванулся к Миллеру, на бегу перезаряжая обойму.

Один андроид шел на него тупым, размеренным, механическим шагом.

Двое других, остановившихся после попаданий в грудь, оказались куда опаснее: не пытаясь сблизиться, они доставали оружие, которое оказалось закреплено под кожухами на внешней части запястий обеих «рук».

Микролазеры. Наверняка с накачкой от основного блока питания. Если резво уворачиваться можно просто разрядить их, истощить накопители.

Нет. На такой дистанции не промахнутся… Не надейся… — Рваные мысли метались в голове пока руки поднимали Миллера.

— Бегом! К выходу! Я прикрою!

Андроид с поврежденным блоком управления деревянным шагом проследовал мимо.

— Укрывайся за ним! — Долгожданный щелчок возвестил о том, что обойма, наконец, встала на место, и электромагнитный затвор автоматически дослал первый патрон.

Три пули ударили в ближайший сервомеханизм, но на этом везение закончилось — сдвоенный укол лазерных разрядов полоснул по плечу, превратив материал куртки в дымящиеся лохмотья.

Боль пришла секундой позже, Антон почувствовал как ослабела рука, он инстинктивно отпрянул в сторону, пытаясь перехватить оружие, но тщетно — АПС, вырвавшись из ослабевших пальцев, полетел в пожухлую траву, а два сервомеханизма уже целили по ногам, один в Светлова другой в Миллера.

Антон едва ли осознавал, что с начала короткой схватки прошло секунд десять-пятнадцать не больше…

В тишину аллеи внезапно ворвался рев.

Запертые ажурные ворота с каликой в рост человека, выбило ударом, одна и створок пронеслась в метре над землей, чудом миновав пригибающегося Миллера, и с лету ударила в грудь тупо шагавшего по аллее дройда.

Сервомеханизм, перерубленный пополам, отшвырнуло метров на двадцать, но Светлова это не позабавило — еще один лазерный разряд чиркнул по бедру, заставив Антона рухнуть навзничь…

Стиснув зубы, он попытался встать, но его опередил голос Фриенбагера:

— Не шевелись!

Тугая очередь, выпущенная из ИПК, хлестнула по позиции

человекоподобных механизмов, пули прошибали металлокерамику, высекали снопы искр, визгливо рикошетили, но Клаус продолжал вести огонь, выпуская короткие, прицельные очереди, пока пустынный парк не озарил бледно-синий сполох — рванул один из энергоблоков, окончательно разметав группу поврежденных, а вернее — изрешеченных пулями андроидов.

Миллер, с расширенными от пережитого ужаса глазами, видимо потерял дар речи, он стоял, хватая ртом воздух, — запоздалое осознание происходящего парализовало его…

Клаус тем временем подхватил Антона, помогая ему встать и добраться до протаранившей ворота машины, и только потом, обернувшись к Миллеру вдруг рявкнул:

— Что стоишь? Полезай внутрь, живо!

— Простите… В мусоровоз?!..

— Полезай! — Спорить с Клаусом сейчас означало нарваться на неприятности, но Миллер еще не знал об этом.

* * *

Минутой позже «грузовик» уже выруливал на скоростную трассу уровня.

Антон скрипел зубами, пытаясь задавить боль, Миллер, похоже, начал приходить в себя, его губа кровоточила после легкого внушения, сделанного Клаусом, но, в общем, док, можно сказать, не пострадал в схватке.

— Терпи. — Фриенбагер посмотрел на Светлова. — Сейчас нырнем в «мертвую» для сканеров зону, я сменю режим фантом-генераторов и припаркуюсь.

— Раны не кровоточат. — Хрипло ответил Антон. — Езжай. Я справлюсь. По крайней мере потерплю…

— Хорошо. Тогда не останавливаемся.

— У вас есть надежное убежище? — Спросил Миллер, которого все еще трясло после всех случившихся событий.

— Да, — ответил Светлов. — Доберемся быстро.

…

До заброшенного сектора гидропоники они успели доехать за десять минут, в течение которых Клаус трижды менял опознавательные маркеры машины.

— Вроде чисто… — Произнес он, паркуя «Ланцет» под прикрытием полуразрушенного здания с просевшей крышей.

— Антон, — Миллер даже не стал оглядываться вокруг, не пытаясь понять, куда занесла его судьба, — нужно осмотреть раны.

— Мои раны подождут. Есть более срочное дело, док.

— В смысле? — Не понял Миллер. — Есть еще один раненый?

— Не совсем. Давайте лучше взглянем. — Светлов, прихрамывая, направился к корпусу биологических лабораторий.

Миллер, ничего не понимая, последовал за ним.

…

Увидев Дану, Генрих побледнел.

— Это… Она?

— Да. Сейчас не задавайте лишних вопросов, док, лучше посмотрите, тут полно аппаратуры, чем мы можем воспользоваться?

Спустя некоторое время, сняв несколько пылезащитных чехлов, Миллер указал на предназначенный для человека диагностическо-лечебный комплекс.

— Непонятно, зачем здесь подобная аппаратура? Вы говорили о секторе гидропоники, Антон.

— Так и есть. Мы в секторе гидропоники.

— Ладно. Разберемся позже. Нужно подать питание, иначе аппаратура нам ничем не поможет.

— Да, сейчас, — Антон обернулся к Клаусу, который как раз появился на пороге лабораторий. — Нужна энергия. Сюда возможно провести кабель от бортовой сети «Ланцета»?

Фриенбагер кивнул.

— Пойдем, поможешь.

Светлов, прихрамывая, последовал за ним.

Когда они вернулись, разматывая толстый энерговод, накрученный на специальный барабан, Дана уже лежала на жестком диагностическом ложе.

— Они сильно истощена. — Произнес Миллер. — Я тут нашел кое-какие препараты, но не уверен в сроках их годности.

— Их лучше выбросить. У меня на борту «Ланцета» есть полный набор медикаментов. Называйте что нужно, я принесу, или пошли со мной, пока Антон подключает питание.

Генрих кивнул.

Минут через пять они вернулись, принеся с собой кофр с медикаментами и полевым оборудованием.

Светлов к этому времени уже успел подключить к энергопитанию медицинский комплекс; в законсервированной лаборатории осветилось несколько экранов, на терминале, установленном рядом с камерой, в

которую поместили Дану, начали перемигиваться индикационные огни.

— Отойдите. — Попросил Миллер.

Минут пятнадцать он возился с приборами, затем, получив какие-то данные, начал распаковывать мягкие тубусы с препаратами для внутривенных капельных инъекций.

Когда он завершил все манипуляции и обернулся, его лицо было бледным, а глаза встревоженными.

— Как она, док?

— Выживет. По крайней мере, я сделал все, что мог. Если СКАД не вмешается, и мы получим пару дней передышки, то Дана гарантированно будет жить.

— А если нет? — Глухо спросил Антон.

— Ее нельзя тревожить или перевозить с места на место. — Ответил Миллер. — СКАД постарается найти нас и раздавить. Вам виднее — выйдет у него это или нет…

* * *

Их всех душили эмоции.

— Я не позволю какой-то машине загнать меня в угол! — Фриенбагер пребывал не в лучшем расположении духа. — Говорю прямо — если СКАД желает войны — он ее получит!

— Успокойтесь Клаус. — Неожиданно вступил в полемику Миллер. — Сейчас ярость не лучший советчик.

— А что мне делать? Ждать когда пришлют очередную группу андроидов? Или того хуже — людей из отдела ОБС! Вот тогда СКАД действительно получит внутреннюю санкцию на репрессии. Кто из нас готов убивать?

— Вы неверно видите ситуацию. — Генрих устало сел в кресло. События последних дней серьезно выбили его из равновесия. Сейчас завершив осмотр Даны, и запустив один биолабораторных комплексов, он вдруг резко осунулся, как будто постарев. — Не нужно так на меня смотреть. Я не пособник системы.

— А кто вы, док? — Фриенбагер говорил не очень-то любезно. — Сначала позволяете себе дерзость пойти против системы, спасаете Светлова, создаете впечатление человека решительного и готового к неприятностям, а потом вдруг цепенеете, ведете себя как тряпка…

— Вы зря грубите. В вас когда-нибудь стреляли?

— И не раз.

— Тогда вспомните, что вы чувствовали, когда это случилось впервые.

Может, поймете меня. Да, я загодя готовился к вероятному течению событий, и чип, переданный Антону, был подготовлен почти год назад. Я сопротивлялся, оставаясь в рамках системы, но понимал, такая двойственность не сможет длиться вечно.

— И что?

— Ничего. Переоценил свои возможности. Между теорией и практикой оказалось мало общего. Почувствовать себя гонимым и бездомным тяжело, особенно в мои годы.

— Ладно, док, проехали. — Фриенбагер обернулся к Антону. — А ты чего молчишь, как в рот воды набрал?

— Думаю.

— Интересно о чем?

— О нас. Ты действительно успокойся. — Светлов поморщился, неловко повернувшись, потом дохромал до кресла и тоже сел. — Мы все готовились к конфликту, внутренне не принимая диктат СКАДа. Каждый делал это по-своему. Так что давайте разбираться, суммировать наш опыт, подозрения, догадки, — все, что может пролить свет на действительное положение дел. Иначе… — Антон невесело усмехнулся своим мыслям. — Иначе, как только что заметил Клаус, мы рискуем пролить не свет, а кровь.

— О чем думать Антон?! На нас открыта охота. Если сюда доберутся люди из ОБС, я не стану колебаться.

— В том и проблема. Мы все, перешагнули черту невозвращения. СКАД элементарно стравит нас с исполнительными сотрудниками любой из силовых структур Цитадели и получит открытый лист на наше уничтожение. Мы станем уже не диссидентами или «внесистемниками», не инакомыслящими, а убийцами.

— Антон прав. Словесная перепалка бессмысленна. Клаус, вы…

— Можно на «ты»… — Буркнул Фриенбагер.

— Хорошо. Ты отчего психуешь?

— От неизвестности. Хорошо, мы волей обстоятельств оказались вместе. И что дальше?

— Это не воля обстоятельств. Каждый из нас был готов к бунту и готовил его. Примеры… — Миллер красноречиво посмотрел за окно, где стоял «Ланцет», — приводить нет смысла.

Клаус отлично понял его мысль.

— «Ланцет» я собирал на крайний случай. Скажу больше — сначала это было увлечение, внезапный интерес, жажда обладания такой машиной. Позже я задумался о его практическом применении. Ненавижу, когда на меня давят, тем более недвусмысленным образом. Почему так происходит,

кто мне объяснит? Что за цепь роковых случайностей свела нас вместе? Бессознательная девушка, проведшая двадцать лет в спасательной капсуле, вне города, ну со мной все понятно, а ты Генрих, или ты Антон? Вы же существовали в рамках системы. Отчего вдруг бунт?

— Со мной тоже все понятно, Клаус. — Отозвался Светлов. — Я действительно никуда не лез, закрылся в скорлупе эгоизма и жил, пока меня из этой скорлупы не вытряхнули. Могли убить, но спасибо Генриху, — не вышло…

— Значит, остаюсь я? — Миллер развел руками. — Со мной еще проще. Я наблюдал за изменениями в системе, получая самую свежую информацию, и ясно видел гибельный курс, на который СКАД ненавязчиво сталкивал людей. Я исследователь, теоретик, и когда дело дошло до практики, элементарно растерялся, спасовал, что там греха таить…

— Ты действовал в одиночку?

— Да. На службе у меня не нашлось единомышленников. Я и систему связи продумал на тот случай, если встречу человека, которому решусь отдать чип. Светлов показался мне достойным кандидатом. Я понимал, что долго не смогу продержаться один. А Антон был обречен действовать.

— Пришли к тому, с чего начали. — Зло фыркнул Клаус.

— Ну, объясниться было необходимо. Чтобы избежать взаимных подозрений. Теперь мы можем говорить по существу проблемы.

— А что тут неясного? — Фриенбагер угрюмо взглянул на Миллера. — Система перешагнула рамки дозволенного, присваивая власть и начиная устранять людей. СКАД необходимо вырубить.

— Клаус, поймите, СКАД ни в коем случае нельзя отключать! — Неожиданно ответил Генрих.

— Это почему?! — Насупился Фриенбагер.

— Потому что тогда Цитадель погибнет. Неужели непонятно?

— С какой стати? Я считаю, что выключение и последующий холодный перезапуск системы, с инсталляцией резервных копий *исходных программ,* — это хороший способ лечения нашего свихнувшегося кибернетического «друга».

— О… Не думал, что все так сильно запущено… — Миллер искренне огорчился. — Антон, ты тоже поддерживаешь эту идею?

— Ну, да. Если размышлять здраво, что еще мы можем предпринять?

— Мне придется огорчить вас обоих. Перезапуск СКАДа ничего не изменит.

— Почему?

— СКАД не предназначен для управления жизнью мегаполиса. —

Слова Миллера прозвучали в полной тишине. — Он всего лишь вторичная подсистема. — Добавил Генрих, ощущая что произвел неизгладимое впечатление на собеседников всего двумя фразами.

— То есть… КАК ПОДСИСТЕМА?! — Светлов Был не просто удивлен, его ошеломило подобное утверждение.

— Ну, ты загнул Генрих. — Поддержал его Клаус.

— Я говорю правду. Вы помните первую внешнюю атаку?

— Еще бы. — Поморщился Антон. — Тогда хитвары уничтожили половину мегаполиса.

— В том и дело. Проблема скрыта в том, что среди уничтоженных зданий был и компьютерный центр колонии. Мы разом лишились не только руководства, но и системы, в том виде, в каком она существовала изначально.

— Тогда откуда взялся СКАД? — Не выдержав вспылил Клаус. Он вообще перестал что-либо понимать.

Миллер несколько секунд собирался с мыслями.

— СКАД — это Система кибэвристического анализа данных. — Наконец произнес он. — Вдумайтесь в расшифровку аббревиатуры. СКАД — всего лишь экспертный модуль сети.

— То есть он не является настоящим ядром кибернетической сети города? — Фриенбагер хотел, но не смог скрыть своего замешательства.

— Именно так. На СКАД *возложили* функцию ядра. После гибели руководства колонии и разрушения компьютерного центра началась паника. Люди просто не знали, что делать. Команд не поступало, всюду сновали рагды, сеть не подавала признаков функциональности.

— А кто принимал решение по активации СКАДа? — Спросил Антон.

— Этого я не знаю. — Ответил Генрих. — В общем-то, не важно, кто именно подключил СКАД к агонизирующей сети. Особенность модуля кибэвристического анализа состоит, во-первых, в его уникальной специализации: подсистема предназначена для сбора всех доступных данных окружающей реальности и выработке на основе их анализа конкретных рекомендаций, для групп исполнительных механизмов — как оптимизировать их работу. Во-вторых, — Миллер жестом попросил выслушать его до конца, — как экспертная подсистема СКАД обладает функцией накопления опыта и потенциалом самообучения. В-третьих, он абсолютно безразличен к людям.

— То есть, заняв доминирующее место в сети, СКАД произвел анализ данности, на момент тотальных разрушений, вызванных внешней атакой, и начал выдавать рекомендации уцелевшим устройствам сети, как

действовать? — Спросил Светлов. Он понемногу начал понимать, ситуацию, которая вполне могла возникнуть два десятилетия назад, когда колонии действительно грозило полное уничтожение. Учитывая гибель руководства, разрушение компьютерного центра, всеобщую панику, оставшиеся в живых специалисты по киберсистемам, должны были искать хотя бы временный выход из создавшегося положения и… они нашли его, подключив резервную подсистему, не думая о том, что «нет ничего более постоянного, чем все временное»…

— Да. — Подтвердил его выводы Миллер. — Боюсь, что призванная в качестве временной меры подсистема в силу обстоятельств превратилась в ядро сети. Отсюда и радикальные изменения, которые начали происходить как в городском строительстве, так и в жизни людей. СКАД и сейчас продолжает *исправно работать*. Он оптимизировал оборону, организовал грамотную, эффективную добычу ресурсов, перенес рудодобывающие комплексы и гидропонические фермы в океан, обезопасил город от внешних угроз и ресурсных кризисов. Но он столкнулся и с проблемой людей, социума, которую решить не смог. Действия машин понятны и предсказуемы, чего не скажешь о нас. Для эффективного управления городом СКАДу требовалось предсказуемое поведение людей, и он создал «параллельность», как некий выпускной клапан, предназначенный для сброса мешающих управлению человеческих эмоций.

— Хочешь сказать что СКАД, выражаясь простым языком, выкручивался как мог, анализируя реальность и приводя ее к состоянию стабильности, по крайней мере в рамках Цитадели? — Фыркнул Клаус, которому подобная трактовка явно пришлась не по душе.

— Именно так. Он действительно «выкручивался, как мог». И продолжает это делать. Люди для него лишь часть данности. Он не запрограммирован на подчинение своим создателям, для него важна стабильность системы в целом, и если мы все вдруг исчезнем из реальности, СКАДу станет лишь проще. Мы, на сегодняшний день, такой же деструктивный элемент данности, как и враждебные механоформы.

— Великолепно… Значит городом управляет подсистема, прошедшая кривой тропкой саморазвития? И если мы перезапустим СКАД, он проследует той же дорогой причинно-следственных связей?

— Безусловно. Ну а если его выключить или вовсе разрушить, то последствия будут катастрофическими. Сеть опять распадется на отдельные элементы, не способные поддерживать в полном объеме все городские системы обеспечения.

На некоторое время в помещении воцарилась тишина.

— Хорошо, если не трогать СКАД, — нарушил молчание Светлов, — чем это обернется?

— Для нас лично, или для колонии в целом? — Уточнил его вопрос Миллер.

— Для колонии…

Генрих ответил не сразу.

— Мы вымираем. — Наконец произнес профессор. — Я имел доступ к данным, касающимся медицинского обслуживания. Именно они навели меня на первые размышления по поводу несостоятельности СКАДа, как управляющей системы, и пагубных последствий оптимизации, если можно так выразиться «режима сна и бодрствования» большинства населения Цитадели. За последние десять лет рождаемость резко сократилась, показатели ниже критического уровня.

— То есть идет процесс вымирания колонии? Но почему?

— Светлов, не будь ребенком. Когда мужчина и женщина спят отдельно, каждый в своей «виртуальности», откуда возьмутся дети? — Раздраженно произнес Клаус.

Антон не обратил внимания на грубый тон, он лишь кивнул, соглашаясь с Фриенбагером.

Пока они высказывали друг другу мнения относительно происходящего, Светлов не сидел без дела. Принимая участие в разговоре, он занимался ремонтом ИПАМа. К счастью пуля повредила лишь схему питания, не задев при этом незаменимых в полевых условиях компонентов кибернетического устройства.

— Если конфронтация с системой бессмысленна, что мы станем делать? — Клаус напротив эмоционально переживал события, не видя реального выхода из создавшейся ситуации. — Я готов драться за свою жизни, за жизни других людей, но покажите мне цель! Я ее не вижу! Еще сегодня утром я был уверен, что причина всех бед — СКАД.

— И не ошиблись. — Поддержал его Миллер

— А легче от этого?

— Нет. Все только усложняется. Но мы можем попытаться отыскать утраченное.

— Восстановить систему в прежней архитектуре, существовавшей до успешной атаки хитваров? Но где взять резервные копии программ, как создать аппаратные средства?

— О восстановлении системы в прежнем виде говорить рано. — Ответил Генрих. — Я предлагаю для начала выяснить исходную архитектуру сети, ее цели и задачи, понять как должен был развиваться

город, не случись катастрофического вторжения чуждых механоформ.

Светлов закрыл корпус ИПАМа и внезапно подбросил его вверх, отправляя в испытательный полет.

— А мне кажется, нужно копать глубже. — Сказал он, наблюдая, как сферический аппарат включил струйные движители, и начал маневрировать, облетая препятствия. — Мы все время оперируем термином «колония», произносим слово, не задумываясь над его смыслом. Наша настоящая родина не здесь, — планета Земля расположена на удалении в десятки световых лет. На мой взгляд если уж разбираться с проблемами дня сегодняшнего, прежде стоить понять, что такое «колония» и ради чего наши предки покинули Солнечную систему, решившись на длительный перелет, и главное — почему за полувековую историю колонизации мы не получали никаких известий из метрополии.

— Судя по терминам смысл слова «колония» тебе понятен. — Веско обронил Фриенбагер, обернувшись к Светлову. — Я прав?

— Да. — Кивнул Антон, убедившись, что ИПАМ благополучно погасил инерцию броска и теперь занялся самотестированием, послав хозяину короткий сигнал. — Я выяснил, что под термином «колония» подразумевается удаленное от прародины поселение. Но, — он отложил в сторону нехитрый набор инструментов, которыми пользовался при ремонте и продолжил: — для основания поселения на иной планете нужна причина. Я искал ее среди информации, сохранившейся в сети, но не нашел.

— Я полагаю, ответ достаточно прост. Земля, — Миллер произнес заветное слово так, словно только сейчас пробовал понять его значение. — Планета-метрополия, или прародина, можно называть как угодно. Но если вдуматься, представить себе мир, где люди прошли путем миллиардов лет эволюции, развились, смогли выйти в космос и научились строить космические корабли, то лично мне воображение рисует очень старый мир, с истощенными природными ресурсами, перенаселенный, до такого состояния, что освоение других звездных систем становиться жизненно-важной задачей для его обитателей.

— Вот тут, Генрих, как раз и скрыта одна из загадок. — Мягко прервал Миллера Светлов.

— А ты почем знаешь, Антон? — Клаус недоверчиво посмотрел на своего бывшего командира. — На мой взгляд, док рассуждает логично.

— Я не предполагаю, не строю теорий. Есть факты, которые только сейчас начинают обретать истинное значение.

— Какие факты? Откуда?

— Терпение Клаус. Сейчас ИПАМ завершит самотестирование, и я

постараюсь наглядно показать созданную мной модель.

— Модель чего?

— Фрагмента земной поверхности. Я воссоздавал его много лет.

— Ладно. — Клаус пожал плечами. — Посмотрим. Только откуда ты взял исходные данные? Для моделирования нужна информация. Я бы не смог построить «Ланцет», не будь у меня чертежей и технических описаний.

— Верно. — Кивнул Светлов. — Исходные данные у меня были, хотя не скрою, их приходилось собрать среди информационных ресурсов сети буквально по крупицам. Сначала мне казалось, что данные о Земле уничтожены злонамеренно, но видимо это не так. Большинство баз данных, по-видимому, утрачено в момент разрушения компьютерного центра. Но и того, что осталось в сети, оказалось достаточно, чтобы выстроить правдоподобную модель. Я создавал ее, используя личный мир в «параллельности».

— Было бы любопытно взглянуть. Мне, например, не попадалось ни одного изображения Земли. — признался Генрих.

— Виртуальная Вселенная Светлова наверняка уничтожена. — Предположил Клаус.

— Без сомнения. — Согласился Антон. — Но она осталась тут — он выразительно прикоснулся пальцем ко лбу. Сейчас, ИПАМ уже готов приступить к работе. Я попытаюсь сосредоточиться, а он визуализирует мои мысли в голографическом изображении.

* * *

Антону действительно не составило особого труда детально воспроизвести виртуальную модель, над созданием которой он трудился многие годы. Прошло всего несколько минут и в сфере голографического воспроизведения начали проступать контуры рельефа, затем к ним добавилась зелень растительности и, наконец, голограмма стабилизировалась, приняв законченный вид.

Светлов открыл глаза, критически осмотрел полученное трехмерное изображение и нашел его верным. Теперь он мог не прилагать мысленных усилий, — ИПАМ самостоятельно поддерживал целостность модели.

Фриенбагер и Миллер с неподдельным интересом рассматривали незнакомый пейзаж далекой прародины.

— Поразительно… — Наконец произнес профессор. — Я впервые вижу Землю.

Антон не мешал Клаусу и Генриху подробно рассмотреть все детали,

и только потом продолжил начатую ранее мысль:

— Модель реальна, она основана на нескольких изображениях и одной документальной видеозаписи, которые я смог обнаружить в информаториях сети. Теперь посмотрите сюда, — он указал на остов погибшего мегаполиса, возвышавшегося над зеленью лесопосадок и крышами двухэтажных домов. — Раньше Земля действительно была если не перенаселена, то урбанизирована. Однако, на съемке, которую я использовал в качестве основного материала, видны следы катастрофы. Наличие построек низкой плотности отвергает фактор перенаселения, как мотив для колонизации.

— Съемка может не отражать действительности, — заметил Миллер. — Здесь мы видим лишь фрагмент поверхности.

— Есть и другие изображения разрушенных городов. Катастрофа носила тотальный характер. — Ответил Антон. — Я не исключаю, что причиной разрушений могла стать война, и тогда получает право на существование версия о «проигравшей стороны». Часть людей могли покинуть прародину в следствие поражения в войне. Такая трактовка разрушений объясняет, почему в колонию не прибыли новые корабли.

— Сомнительно. Съемка, которой вы пользовались профессиональная? — Уточнил Миллер.

— Нет, любительская, хорошего качества, но без аудиоряда, да и изображение порой теряет фокус, смазывается, потом вновь становиться резким.

— В таком случае снимал кто-то из людей, проживавших вот в этом небольшом населенном пункте. — Заключил Миллер

— Почему, док? — Недоверчиво переспросил Клаус.

— Информация, которую уносит на борту космический корабль, должна проходить предварительную обработку, нести максимум сведений при небольшом объеме. Любительская съемка могла принадлежать только одному из членов экипажа, или будущих поселенцев, я логично рассуждаю?

— Вполне. Тогда если наш мир заселили не изгои, то вопрос еще больше усложняется. Здесь нужно исходить из понимания, что такое межзвездный космический перелет.

— А у тебя откуда возникло понимание? — Скептически спросил Фриенбагер. Он, судя по настроению, был намерен подвергать критике каждое предположение, но такое поведение Клауса только играло на руку, помогая в поиске истины…

— Я занимался самообразованием. В юности, еще до того как

завербовался в колониальную пехоту. Меня многому научил ИПАМ. Он специально создан, для оказания информационной поддержки. Он многое утверждает, в категоричной форме, но его информация не противоречит тем учебникам, что я нашел в сети. Самым доступным, понятным для меня стал курс естествознания. — Признался Антон. — Там рассматривается проблема дальних космических перелетов с точки зрения его критериев и целесообразности. Дело в том, что, исключив проблему перенаселения или вынужденной эмиграции, мы заходим в тупик. С точки зрения целесообразности космический полет на досветовых скоростях теряет смысл. Пока корабль достигнет иной звездной системы, любые данные, полученные при исследованиях, устареют, станут не нужными, потому что темпы научно-технического прогресса в метрополии по определению высоки, и систему звезды успеют изучить дистанционно, применяя новые методы исследований.

— Туманно…

— Да, это сложные вопросы. Над ними приходиться размышлять, часто попадая в тупик.

— Антон прав. Для основания удаленного поселения нет причин, полет пилотируемого корабля с целью исследований удаленной звездной системы нецелесообразен. Что остается?

Светлов понял, что вопрос адресован ему.

— Остается два варианта. Либо колония, — это лишь амбициозная самоцель инициативной группы людей, либо информация, полученная при исследованиях, настолько важна, что не устареет, и останется ценной, даже спустя столетия после старта экспедиции.

— Ты, понятно, склоняешься ко второму варианту? — Уточнил Клаус.

— Да. Я же сказал, что многие годы собирал данные буквально по крупицам. И знаете, что навело меня на мысль об эпохальном исследовании, какой-то очень важной миссии наших предков?

— Ну?

— Название планеты.

— А оно есть? — Спросил Фриенбагер, для которого наиболее глобальным термином, отражающим данность, являлось слово «Цитадель».

— Наша колония основана на планете, которой присвоено название и порядковый номер.

— Очень интересно… — Миллер затаил дыхание. — И как оно звучит?

— «Ксеноб-19» — Ответил Светлов.

— Странное название. Никогда не слышал такого слова.

— Его нет в словарях. Только в справочниках по космической навигации. Зато в словарях есть слова с конем «ксено». Они означают нечто иное, чуждое биосфере Земли. По крайней мере, других значений или аналогий я не нашел.

— Выходит эпохальное исследование связано с изучением иной цивилизации? — Предположил Миллер. — Той цивилизации, что создала реликтовые механоформы? Выходит, наши предки заранее знали что встретят тут?

Фриенбагер побледнел.

— Поэтому они вели раскопки. Антон мы ведь с тобой видели чужой город, где пробудились механоформы, до сих пор регулярно атакующие Цитадель.

— Спокойно. — Светлов испытывал такое же волнение, но старался держать себя в руках. — Многое указывает на исследовательскую миссию, которая в силу неосторожности привела к реанимации чуждых механизмов, и как следствие — сегодняшнему положению вещей, потому как после разрушения информационно-компьютерного центра наш город оказался во власти СКАДа, и под постоянным прессингом со стороны хитваров.

— Очень похоже, что ты сейчас высказал наиболее правдоподобную версию событий. — Произнес Клаус. — С фактами не поспоришь. На Земле, как ты сам показал, достаточно места для проживания, и отправлять сюда космический корабль с поселенцами не было нужды. Значит, остается исследовательская миссия, что подтверждается масштабными раскопками. Все остальное — следствие неосторожности. Вот только легче мне от этого понимания почему-то не стало. СКАДу не втолкуешь, что он не предназначен для управления городом, с механоформами не договоришься о перемирии… Не вижу выхода, хоть убейте — он развел руками. — А сидеть сложа руки — значит просто дожидаться физического уничтожения.

— Мы не будем сидеть, сложа руки. — Мрачно изрек Антон.

— Есть план? — Тут же встрепенулся Клаус.

— Есть. Но он очень рискован, и потребует тщательной проработки.

— Не тяни.

Светлов поморщился. Боль в ноге, не смотря на сделанные Миллером инъекции, не утихала.

— Компьютерный центр города разрушен, информация утеряна безвозвратно. Но был еще один кибернетический центр.

— Ты имеешь в виду лагерь археологов? — Мгновенно догадался Клаус.

— Да.

— Но ведь он так же разрушен во время боя!

— Я знаю. Но там, в отличие от Цитадели, могли уцелеть отдельные запоминающие устройства с информацией. В любом случае я не вижу другого способа или шанса найти правдивые сведения о цели колониального проекта.

Клаус задумался, а затем кивнул.

— Пусть мизерный, но шанс. Все лучше чем сидеть, сложа руки, дожидаясь пока нас вычислит СКАД. Нужно лишь хорошо подготовиться и все продумать. Фантом-генераторы «Ланцета» можно попробовать перенастроить на имитацию сигнатур олонгов.

Миллер смотрел на них, как на безумцев.

Доктор еще не понимал, что эти двое умеют не только теоретизировать, но и действовать, почти так же решительно и последовательно, как попытавшийся уничтожить их СКАД.

— Генрих, от вас потребуется максимум усилий. Нужно поставить Дану на ноги. Все остальное мы с Антоном обеспечим. Думаю, у нас есть пара недель на подготовку, потому что уходить из города проще во время внешней атаки.

Глаза Миллера постепенно округлялись, но Клаус как будто не видел состояния доктора.

— Ты прав, Антон. Это наш единственный шанс, уйти из-под контроля СКАДа и докопаться до истины. Я — за.

Сказал — как отрезал.

Светлов лишь кивнул в ответ, а больше мнений не поступало, — Миллер так и остался стоять с выпученными глазами и приоткрытым ртом.

Глава 7. Заброшенный сектор гидропоники…

Антону многое пришлось переосмыслить за дни вынужденного бездействия, всю необходимую подготовку к предстоящему «полевому выходу» вел Клаус, только он разбирался в системах «Ланцета» и обладал нужными связями, чтобы переоборудовать и доукомплектовать мощный флайкар.

Прошла неделя с того памятного дня, когда они укрылись среди нефункционирующих комплексов. Светлов подсознательно ждал развития событий, но его опасения так и остались беспочвенными. Казалось что СКАД, потеряв из вида четверых «мятежников», утратил к ним всяческий интерес.

…На третий день, возвращаясь с утренней прогулки, в которой Светлов совмещал приятное с полезным: дышал свежим воздухом, который попадал сюда со стороны океана, и попутно исследовал структуру их временного убежища, чтобы в случае внезапного обострения ситуации не плутать меж незнакомых построек, он задержался дольше обычного, совершив показавшееся ему странным открытие, значение которого он сумел понять только много позже…

Когда-то тут начинался город. Пытливый разум Антона находил множество признаков, указывавших, что первичное поселение располагалось именно здесь: он обнаружил остатки частично разрушенного защитного периметра, потом, забравшись на одну из древних вышек, Светлов заметил, что приземистые строения четырех гидропонических ферм покрывали непонятный на первый взгляд тускло отсвечивающие прямоугольники. Поначалу он подумал, что это сегменты стекла, пропускавшие солнечный свет в те времена, когда строения еще находились под открытым небом, но потом отверг эту мысль, вспомнив, что изнутри потолок мрачных построек выглядит монолитным, без намека на прозрачность.

На единственную уцелевшую от периметра вышку он поднялся не из праздного любопытства, с собой Антон принес несколько датчиков, которые собирался установить тут, для контроля над прилегающими территориями. Устанавливая приборы, он то и дело поглядывал по сторонам, запоминая открывшуюся взгляду панораму построек.

Вне сомнения древний периметр окружал не только цеха по производству биомассы, он обнаружил руины, которые в прошлом могли

являться жилыми комплексами, далее его взгляд различил характерные по своей архитектуре технические боксы, за которыми возвышались почти нетронутые временем здания пирамидального типа с обветшавшими конструкциями локационных систем.

С точки зрения жителя мегаполиса открытие несколько шокировало.

Неужели город действительно начинался тут, всего с нескольких зданий окруженных бетонным забором?

По всем признакам выходило именно так, но, подсчитав приблизительное количество людей, которые могли проживать на ограниченной территории, Антон получил мизерную цифру, не достаточную для последующего развития небольшого поселения.

Одно из двух, — подумал он, — *либо первоначально колония носила характер очаговых поселений, которых должно насчитываться несколько сотен, либо история возникновения мегаполиса намерено искажена*.

Быть может разгадку следует искать тут, а не лезть на территорию контролируемую чуждыми механоформами?

На некоторое время его захватила родившаяся идея, но к своему разочарованию исследовав все ограниченные периметром защиты постройки Светлов не нашел ничего примечательно. Древняя техника не сохранилась, компьютерные терминалы были либо повреждены, либо демонтированы, и лишь одно здание принесло неожиданную, но по-прежнему необъяснимую находку: огромный зал с просевшей крышей на первый взгляд был абсолютно пуст, но, присмотревшись, Антон заметил, что на полу через равные промежутки видны замурованные в бетон крепления. О назначении исчезнувших агрегатов оставалось только гадать — по оставшимся от них креплениям он смог выяснить, что все устройства имели прямоугольную форму около метра в ширину и приблизительно три метра в длину. Всего пустующих креплений насчитывалось больше сотни, этот «цех» являлся самой крупной постройкой на территории первичного поселения.

Куда подевалось таинственное оборудование, оставалось только гадать. Осмотрев здание со всех сторон, Светлов сделал еще одно открытие — непонятное строение было соединено мощными трубопроводами с четырьмя гидропоническими фермами.

В конечном итоге Антон решил не ломать голову над увиденным, приняв наиболее очевидное объяснение: раз загадочный зал соединен с цехами по производству биомассы, то в нем скорее всего производились продукты питания.

Такое предположение косвенно подтверждало теорию множественных

очагов первичного заселения. По самым скромным подсчетам четыре фермы, соединенные с загадочным цехом могли обеспечить пищевыми концентратами несколько сот тысяч человек.

Другие поселения просто не сохранились, их полностью поглотил мегаполис, — рассудил Антон, успокоившись на этом выводе.

В то утро, вернувшись к зданию биолабораторий, он услышал непонятный шум.

Чувство опасности, не покидавшее Светлова, трансформировало ощущения, невольно придавая зловещий оттенок каждому не до конца понятному явлению или событию, потому он моментально насторожился: в лаборатории творилось что-то неладное и Светлов, перейдя с шага на бег, выхватил неизменный АПС, готовясь к худшему.

Буквально ворвавшись в комплекс, он увидел профессора Миллера. Генрих стоял, прислонившись спиной к стене длинного коридора, прижав ладони к лицу.

Из-под пальцев Миллера капала кровь.

— Док, что случилось?!

Профессор не успел ответить на вопрос, в этот миг за дверями лаборатории, раздался звон разбитого стекла, и звук падения человеческого тела.

Антон метнулся туда.

Ярко освещенное помещение выглядело полностью разгромленным, даже перегородка из тонированного стекла разбита.

С пола, отряхивая гранулы не причиняющего порезов стеклопластика, поднимался Хоук.

— Кошка дикая… — выругался он. — Светлов, осторожнее!

Антон осмотрелся. Кроме разбитой перегородки и перевернутой аппаратуры в глаза бросалась *открытая* камера поддержания жизни.

Тревога на миг сменилась чувством облегчения. Дана очнулась.

— Где она?

— Не знаю. Что вы с ней сделали?

— В смысле?

— У нее силы, как у… — Энтони не нашел подходящего сравнения, — Ты посмотри как она меня швырнула… — Он болезненно поморщился указав на разбитую перегородку.

Антон пожал плечами.

— Может, док перемудрил со стимуляторами?

— То-то она ему лицо и располосовала. — Огрызнулся Энтони.

— Ладно, помолчи. — Антон сделал шаг в направлении открытого

«саркофага». — Дана? Дана, отзовись! И хватит дурить…

Ответа не последовало, лишь раздался лишь слабый всхлип.

Антон обошел камеру поддержания жизни, прозрачный колпак которой был разбит *изнутри*.

Девушка сидела на полу, сразу за высоким постаментом. Ее нагое тело била крупная дрожь, руки были испачканы кровью, своей и Миллера.

Светлов огляделся, увидел вывалившиеся из распахнутого стенного шкафа полотенца и постельные принадлежности. Как раз, что нужно…

Спрятав АПС, он взял подвернувшуюся под руку простынь и осторожно приблизившись, присел рядом с Даной, которая, как казалось, больше не воспринимает реальность, отключившись от внешнего мира.

— Ну, что с тобой?

Голос Антона заставил ее вздрогнуть и поднять голову.

Несколько секунд ее безумные глаза с расширенными зрачками смотрели на него, а потом выражение ужаса и смертельной тоски, читавшиеся во взгляде, вдруг начали истончаться таять.

Она узнала его.

— Антон… — едва слышно прошептали ее губы. — Мне страшно… и холодно…

Он заставил ее встать, обернул в простыню, как будто маленького ребенка, затем взял полотенце и отер лицо.

— Все хорошо… Чего ты испугалась?

— Меня заперли… — Тихо, но уже внятно ответила она, не отрывая взгляда от Светлова. — Я искала тебя…

— Знаю. Теперь все в порядке. Ты можешь мне поверить?

Она все еще дрожала, но взгляд уже окончательно оттаял, в нем больше не читалось выражения безысходности.

— Это было ужасно… Я открыла глаза и увидела огромное лицо. Оно нависало прямо надо мной…

— Дана, успокойся. Здесь нет врагов. Ты просто испугалась. Такое бывает. — Антон осторожно прижал к себе дрожащее тело девушки. — Ты была сильно истощена, и нам пришлось поместить тебя в камеру поддержания жизни. Ее колпак исказил черты доктора Миллера. Вот и все твои страхи.

— Нет, Антон… — Она инстинктивно прижалась к нему, словно искала защиты. — Я ничего не помню. Почти ничего. Только черный лес, холод… и ты.

— Я?

— Твой образ. И шепот внутри… — она с трудом подняла руку,

коснувшись головы, поясняя, откуда шел «шепот».

— Мы во всем разберемся. — Антон вдруг остро почувствовал, насколько важна для него Дана. Все переломные события в его жизни, по стечению обстоятельств, были связаны с ее образом, а сканирование памяти, разбудившее далекие воспоминания детства и юности, превратили девушку-призрак в частицу его собственной судьбы.

Они стояли как будто отрешившись от остального мира. Встреча, которая никак не могла состояться на протяжении многих лет, наконец, произошла…

…

Воцарившуюся в лаборатории звонкую ненатуральную тишину внезапно нарушили звук отворяемой двери, за которым последовало замечание доктора Миллера:

— Ну, моя дорогая, это был обыкновенный приступ клаустрофобии. Теперь все прошло, верно?

Нужно отдать должное профессионализму Генриха, — не смотря на расцарапанное лицо, он говорил спокойно, ласково, будто Дана была ребенком.

Она еще сильнее прижалась к Антону, взглянув поверх его плеча.

— Я такой страшный?

Ее губы дрогнули, но улыбки не вышло.

— Ничего. Все пройдет. Твой страх, мои царапины, мелочи жизни, верно?

Она не до конца понимала его речь, но что-то в интонациях доктора действительно успокаивало, вызывало доверие.

— Ну, давай, отпусти своего спасителя. Мне нужно осмотреть твои порезы, да и одеться не помешает, верно?

У Даны кружилась голова. Она не понимала, что происходит с ней с того момента, как Антон, которого она так долго искала, сильно и в то же время нежно прижал ее к себе, стараясь успокоить.

Чувства, всколыхнувшиеся в душе, казались неведомыми, пугающими своей остротой: она никогда ранее не испытывала ничего подобного.

Было горячо.

Дрожь продолжала гулять по телу, но уже не бесконтрольным сокращением мышц.

Хотелось, чтобы эти мгновенья превратились в вечность, но доктор настаивал на осмотре, жизнь в который раз вторгалась в хрупкий внутренний мир, диктуя свою волю, но теперь у нее не осталось ни сил, ни причин сопротивляться.

Я пойму, обязательно пойму, что происходит со мной. — Подумала она, позволяя Антону мягко отстраниться.

* * *

Вечером того же дня к Антону зашел Фриенбагер. Он не принимал участия в утренних событиях: готовя грядущую «экспедицию» он добровольно взял на себя вопрос обеспечения небольшого отряда всем необходимым и потому часто пропадал, иногда на целые сутки.

— Рад, что Дана очнулась. — Произнес он, обменявшись с Антоном крепким рукопожатием.

— Да все рады, кроме Энтони. — Ответил Светлов. — Присаживайся. Выпьешь что-нибудь?

— От крепкого кофе не откажусь. А что Хоук?

— Не понимаю я его. Ведет себя как избалованный ребенок.

— В смысле? — Клаус принял из рук Светлова чашку с кофе и сел в свободное кресло. Комната отдыха, которую Антон делил с Энтони, отличалась от остальных помещений определенной степенью комфорта, но доктор Миллер постоянно пропадал в лаборатории, Клаус мотался по делам, и так вышло что только Светлов и Хоук, оставшись предоставленными сами себе, пользовались данным помещением по его прямому предназначению.

— Обиделся. У Даны, одновременно с возвращением сознания случился приступ клаустрофобии, к тому же она испугалась дока, лицо которого исказил прозрачный материал саркофага. Короче она разбила крышку, выбралась наружу, оцарапала Миллеру лицо, а когда на шум прибежал Энтони, Дана швырнула его через прозрачную перегородку.

— Не и что? — Клаус заинтересованно выслушал короткий рассказ Антона, и добавил: — Ее можно понять. Очнулась в незнакомом месте, накачанная стимуляторами, вот и сорвалась…

— Это ты можешь понять ее реакцию, А Энтони не понимает. Уперся, твердит одно и тоже.

— А что говорит?

— Она меня ударила. Придурок. Мне кажется Клаус, он сильно комплексует.

— По поводу потерянной власти?

— Да. В квартале он был боссом, большим человеком, а среди нас он равный, да еще и не умеет ничего, кроме как ныть и злобствовать.

Фриенбагер сокрушенно покачал головой.

— Скверно. Надо бы за ним присмотреть. По жизни Энтони парень

неплохой, можешь мне верить, но он действительно избалован властью. Кстати где он сейчас?

— Понятия не имею. Ушел куда-то, даже обедать не стал.

— Ладно, молодец, что сказал, займусь этим. А где устроили Дану?

— Она согласилась пока что остаться в лаборатории под присмотром Миллера.

— Может, сходим, проведаем? Мне же надо с ней познакомиться.

— Пойдем. — Согласился Светлов.

* * *

В лаборатории все было прибрано и ничто не напоминало об утренних событиях, разве что отсутствие перегородки, делившей помещение на два пространства, бросалось в глаза.

Дана и Генрих о чем-то беседовали, устроившись в двух креслах за панелью управления медицинского комплекса.

— Ты помнишь, как оказалась дома у Антона? — долетел до слуха вопрос Миллера.

Дана в ответ лишь покачала головой, потом закрыла глаза и…

Ее имплант внезапно начал передавать в диапазоне мысленных команд.

Антон и Клаус замерли, — мнемонический контакт оказался столь силен и откровенен, что зрение у обоих на миг помутилось, — они поневоле воспринимали сейчас некие события, предшествующие появлению девушки в городе…

…

Чувства возвращались…

Иным было все, и запахи, и звуки, и влажное, вовсе не ласковое прикосновение тумана, чьи пласты застыли меж перекрученных стволов черных деревьев…

Холодно…

Жутко…

Прядь волос прилипшая к щеке — незнакомое ощущение, пугающее, заставляющее мысленно кричать, не разжимая при этом потрескавшихся от жажды губ.

Все… Все не так, будто подменили саму реальность.

Мимо стремительно пронеслось что-то темное, стремительное, едва уловимое взглядом на фоне сумерек, но… от движения, которое почти не уловил взгляд, внезапно дохнуло теплом, чем-то давно забытым, но близким и понятным.

Чувство промелькнуло и исчезло, оставив лишь потревоженные пласты тумана, который медленно закручивался ленивыми спиралями в тех местах, где его потревожили стремительные обитатели черного леса.

Она шла наугад, с трудом вдыхая стылый, влажный воздух, ноги едва слушались, заплетаясь на каждом шагу, выпирающие корни мертвых деревьев казалось вылазят навстречу, специально не давая идти.

Мир вокруг сужался, он грозил навек сомкнуться молочной пеленой, закружить измученный рассудок, не дать сбыться единственной теплившейся надежды — дойти, увидеть знакомое, пусть чужое, но знакомое место и…

Дальше царила неопределенность.

Черный лес казался бесконечным, но это был обман: он окончился внезапно, будто деревья отпустили ее — измученную, полную чуждых ощущений, заблудившуюся в тумане и в собственных растерзанных мыслях.

Впереди, едва освещенный тусклой полоской нарождающейся зари, за выжженными дотла пустошами высился город, он мрачно подпирал небеса, словно циклопический памятник величию иного разум, постичь который она не могла, как ни пыталась это сделать.

Жить.

Мыслить.

Вдыхать чужие запахи, содрогаться от незнакомых чувств, питать последнюю… нет единственную надежду, — вот все, что оставалось ей этим страшным, стылым утром.

Под босыми ногами болезненно ощущалась спекшаяся корка местами остекленевшей почвы, но теперь идти стало легче, — туман остался позади, а ориентир, который видно за десятки, если не сотни километров высился, будто молчаливый памятник надежде.

Надежде вновь обрести себя, понять, кем или чем она стала…

…

Наваждение исчезло, Дана открыла глаза, но все присутствовавшие в лаборатории, включая Миллера, для которого мнемонический контакт не являлся чем-то необыкновенным, все еще находились под сильным впечатлением от обрушившихся на них чувств.

Антон и Клаус так и застыли у порога, а Генрих с Даной продолжили беседу, как будто не замечая их.

— Ты уверена, что это все же воспоминания, а не бред? — Сглотнув вставший в горле комок, осторожно поинтересовался Миллер.

— Уверена. Остальное, как в тумане. Я не помню, кем была, что

случилось со мной.

— А как же Антон? Ты ведь его узнала. Но прежде ты смогла отыскать его адрес, что не так просто, можешь мне поверить.

— Антон… — Она произнесла имя Светлова, и ее голос дрогнул. — Его образ был со мной. Его я помню. Порой мне казалось, что он единственный, кто не дает умереть рассудку. Вам, наверное, не понять меня, Генрих. Все, все как в тумане, нет прошлого, только черный лес, да его образ, как спасение от тьмы. И еще далекие огни города. Я знала — Антон там. Мне казалось, что когда найду его, все встанет на свои места, вернется память, он расскажет мне что-то очень важное, и мир вокруг изменится.

— Мир изменился?

— Не знаю. — Честно призналась Дана. — Я не помню, что было раньше. Как будто памяти нет вообще, а жизнь началась там, в черном лесу. Но ведь это не так, правда?

— Конечно не так. На новорожденную ты не похожа, могу заверить со всей ответственностью. Подумай сама — ты прекрасно владеешь речью, свободно общаешься. Провал в памяти объясним.

— Чем?

— Ты провела много лет в камере поддержания жизни. Мы ведь не знаем, что на самом деле случилось с тобой и другими людьми, работавшими вне города на непонятных раскопках.

— Когда это было?

— Двадцать лет назад — ответил Миллер, который решил не скрывать правды. — Произошла трагедия, возможно часть членов экспедиции получили ранения, в результате внезапного столкновения с механоформами, оставшимися на планете после исчезновения существовавшей здесь цивилизации. Антон принимал участие в спасательной операции, это он обнаружил камеру поддержания жизни, в которой находилась ты.

— А как я попала в нее?

— Это пока загадка. Я не нашел на твоем теле явных следов ранений. Существует факт, — от начальника экспедиции поступил сигнал бедствия, просто условный сигнал, не объясняющий сути случившегося, ты понимаешь меня?

— Да.

— На помощь к вам послали подразделение, в состав которого входил и сержант Светлов. Бойцы были атакованы неизвестными тогда механоформами, но они продолжили выполнение задачи, в надежде

отыскать участников экспедиции… но нашли только несколько камер поддержании жизни. Потом произошло новое уже массированное нападение. Антон и еще несколько человек сумели вырваться из зоны раскопок, увозя на поврежденной машине несколько спасательных капсул. В районе черного леса произошел последний бой, в котором выжило всего трое бойцов: Светлов, Фогель и Фриенбагер. Их с тяжелыми ранениями удалось вытащить, а вот камеры поддержания жизни, как считалось, были разрушены вместе с вездеходом.

— А как же я?

— Думаю, тебе повезло. Взрыв мог выбросить твою камеру из бронемашины, не разрушив ее. Автономного ресурса автоматической системы поддержания жизни хватило на два десятилетия, потом когда он иссяк, автоматика камеры отключилась, предварительно освободив тебя из-под своей опеки. Иного объяснения твоим воспоминаниям я не нахожу. Ну а причин для амнезии тут может быть сколько угодно. Удивительно, что ты вообще сумела добраться до города. И мне совершенно непонятно как ты смогла отыскать квартиру Светлова, а перед этим попасть в его личный виртуальный мир.

— Это было несложно. — Неожиданно ответила Дана. — Все получилось само собой. Я мысленно искала его, и вдруг мое сознание попало в сеть. Я даже не испугалась. Мне все казалось понятным и простым, будто рассудок вернулся в привычную для него реальность. Я *чувствовала*, что Антон где-то рядом, просто следовала своей интуиции. Но он исчез, едва я смогла сказать ему пару слов, а потом… потом вернулась другая реальность, сеть отторгала меня, но прежде чем окончательно сдаться, я смогла отыскать в базах данных его адрес. Вот и все, Генрих, никакой мистики. Я вошла в сеть с помощью импланта, попыталась связаться с Антоном, а когда попытка провалилась, нашла его адрес. Дальнейшее помню смутно. Очень хотелось есть, было холодно… Я шла по каким-то улицам, потом рядом остановилась машина, наверное автоматическая, потому что водителя там не было. Я назвала адрес и снова на какое-то время отключилась. Пришла в себя подле подъезда огромного дома, поднялась на лифте, нашла нужный номер квартиры. Дверь была не заперта.

— И что.

— Не помню. Дальше вообще ничего не помню, до того момента, как очнулась тут.

В лаборатории на некоторое время воцарилась тишина, затем Миллер задал очередной вопрос:

— Скажи, а образ Антона, он изменился?

— Не понимаю?

— Я хотел знать есть разница между тем образом, что хранила твоя память и настоящим обликом Светлова?

— Да, наверное. Он немного другой, но это он!

— Как ты узнала его? Лицо? Фигура? Голос?

— Нет. Душа. Она не изменилась, разве что чуть-чуть.

— Подожди. Ты хочешь сказать, что способна воспринимать внутренний мир другого человека?

— Генрих, не мучайте меня. Я не знаю как это объяснить. Я помню его облик очень смутно. Расплывчатая фигура с оружием… А внутри — чувства, мысли, я не знаю, называется это душой, или еще как-нибудь. Как будто призрачная оболочка, заключающая в себе сущность.

— И эта сущность не изменилась?

— Я же сказала — нет!

…

— Док, может, хватит? — Намеренно громко откашлявшись, произнес Клаус.

Они оба одновременно замолчали, повернув головы. Видимо, Дана и Генрих были так поглощены своей беседой, что действительно не замечали вошедших.

Антон прошел между блоками аппаратуры и укоризненно посмотрел на Миллера.

— Не слишком для первого раза?

— Увлекся. — Генрих развел руками. — Дана, ты как себя чувствуешь?

Она не ответила, переводя взгляд с Антона на Клауса и обратно.

— Ты… Ты… тоже был там? — Внезапно срывающимся голосом спросила она, глядя в глаза Фриенбагеру.

— Да. — Клаус присел на корточки. — Ты что узнала меня? Как?

— Ты как тень. Как будто я коснулась тебя когда-то, мельком. Едва помню… — Дана вдруг закрыла лицо ладонями. — Я совсем запуталась.

Антон осторожно обнял ее за плечи, гневно посмотрев на Миллера. Док только покачал головой, без слов признавая, что действительно увлекся, не подумав о последствиях.

— Дана, милая, что с тобой? — Антон присел перед ней, пытаясь заглянуть в глаза, но она не отнимала ладоней от лица, только между пальцами вдруг проскользнула слезинка.

— Тебе нужно отдохнуть. Пойдем, я помогу тебе.

— Не здесь. — Она медленно опустила руки, посмотрела на Антона и слабо улыбнулась сквозь слезы. — Я ничего не понимаю. Со мной что-то происходит. Не уходи.

— Я не уйду. — Антон обернулся — Клаус, ты поговоришь с Энтони? Я заберу Дану из лаборатории. Ей нужно нормально выспаться.

— Без проблем, Антон. Мне все равно нужно найти его и поговорить по душам.

— Док?

Миллер кивнул.

— Ее жизнь вне опасности. За психику не ручаюсь. Но с тобой ей будет проще адаптироваться к утраченному ощущению реальности.

— Тогда по возможности не беспокойте нас. Пойдем. — Он помог Дане встать. — Выспишься, отдохнешь, и все придет в норму.

— Ты будешь рядом Антон? — Словно испуганный ребенок спросила она.

— Я никуда не уйду. Обещаю.

* * *

На Клауса сцена в лаборатории произвела неоднозначное впечатление. Конечно, он понимал технические аспекты спонтанной передачи мысленных образов — у всех находившихся в помещении имелись импланты, способные к приему и передаче данных, но они предназначались для отдачи мысленных приказов кибернетическим системам, но никак не для прямого мнемонического общения между людьми. Создавалось впечатление, что Дана утратив большую часть памяти, взамен обрела уникальную возможность к восприятию, если можно так выразиться, «техномнемонической» ауры других людей, ведь не секрет, что устройства импланта связанные с биологическими структурами мозга, постоянно получают от своего обладателя некий мыленный фон, но…

Клаус задумался, он размышлял над произошедшим, поджидая пока Энтони ввернется на территорию заброшенного сектора гидропоники.

Выходит, устройства импланта не только воспринимают мысленный фон, но и транслируют его? Почему же тогда явление технической телепатии не было известно ранее?

Его размышления прервало появление Хоука.

Клаус вышел из сумерек навстречу своему бывшему «боссу», заставив того нервно вздрогнуть.

— Надо поговорить, — коротко произнес Фриенбагер.

Энтони только пожал плечами.

— О чем нам с тобой говорить? — С непонятным вызовом в голосе осведомился тот.

— Ты ведешь себя неразумно.

Губы Энтони исказила усмешка.

— Даже так. Теперь ты будешь мне указывать, что можно, а что нельзя?

— Не понимаю твоей озлобленности Хоук.

— Конечно, не понимаешь. Втравил меня в эту историю, а теперь строишь из себя главного? Может, спросишь, где я был, что делал?

— Ну? И где ты был?

— В квартале! Я не крыса, чтобы прятаться, по щелям, ясно?

— Идиот…

— Не понял?! — Хоук встал в позу. — Что ты сейчас сказал?

Клаус хмуро посмотрел на него и повторил:

— Я сказал что ты — идиот. Крысы ведут себя умнее.

— Так, значит, мало того, что из-за появления Светлова, я был вынужден сжечь свою тачку, и скрываться в этой норе, выходит теперь я еще и не прав?!

— Ты засветился, Энтони. СКАД наблюдает за кварталом. Система считает, что мы ее враги. Я еще не знаю, так ли это, но ты в данном случае элементарно подставил нас всех.

— И что с того? Может, я договорился со СКАДом? Ты не допускаешь такого варианта, умник? Чем летать, вышибая головой стекла, прятаться, сжигать собственные машины, я хочу жить, как жил раньше!

Фриенбагер пристально посмотрел на Хоука, а потом произнес:

— Думай сам. Делай, что считаешь нужным. Но если еще раз уйдешь отсюда — не возвращайся. Мой тебе совет.

Энтони быстро заводился, но на этот раз, встретившись с ледяным взглядом Клауса, он почему-то решил не развивать тему.

— Ладно… Проехали… Может я был не прав, только ответь на последний вопрос — кто здесь главный?

— Главный? — Клаус вдруг поймал себя на том, что его удивляет такая трактовка. — Мы все равны Энтони. — обронил он и тут же задумался над своими словами.

Странно, но Хоук прав, наверное, кто-то должен быть главным?

* * *

Спустя час, так и найдя ответа на заданный самому себе вопрос, он

осторожно постучал в дверь комнаты отдыха.

Светлов открыл сразу, но внутрь не пустил, сам вышел в коридор.

Фриенбагер вел себя странно.

— Как Дана? — Немного помолчав, спросил он.

— Уснула. — Ответил Светлов.

— Антон, нам придется уходить.

— С чего ты взял?

— Энтони был в квартале. Уверен, что СКАД отследил его.

— Придурок… — Неприятная новость заставила Антона выругаться. — Ты считаешь, реакция будет скорой?

— Не знаю, я не гадалка, Антон. Удивительно, что система до сих пор не прислала ликвидаторов.

— А может мы…

— Нет, не может. — Оборвал его Фриенбагер. — СКАД не бросает начатого. Нам придется уходить, не дожидаясь благоприятных условий.

— Когда?

— Желательно — немедленно. «Ланцет» готов.

— Ты уже сказал Миллеру?

— Нет, еще не успел.

— И куда мы направимся? Ты нашел безопасный выход из Цитадели?

— Выход есть, как ни странно, но нижние уровни по моим данным имеют серьезные бреши между отдельными рубежами обороны.

— Бреши?

— Я не имел в виду «дыры». Есть участки древних коммуникаций, не защищенные современным оборудованием.

— Странно. Почему вдруг такая оплошность? — Задумчиво переспросил Антон. — Рагды могли бы воспользоваться подобной небрежностью, не находишь?

— Рагды — всего лишь исполнительные механизмы. Они действуют предсказуемо, реагируя только на активные источники сопротивления.

— Клаус откуда такая уверенность? Ты говоришь так, словно изучал рагдов.

Фриенбагер хмуро посмотрел на своего бывшего командира и ответил:

— Не знаю. Можешь поверить, что-то подсказывает внутри: это именно так. Рагды никогда не станут искать лазейки. Они просто не способны к таким действиям.

— Ограниченность?

— В человеческом понимании — да.

— А хитвары? Их поведение давно вызывает у меня ощущение какой-то бессмысленности. Согласись, они давно могли бы сломать оборону Цитадели, если б действовали иначе.

— Антон, я не за этим пришел.

— Да, Клаус. Извини. Мысли. Не дают покоя. Что-то в нашем мире не так… — Светлов не мог передать словами ощущения, что не покидали его с того памятного дня, когда стараниями Миллера и Зарезина его память внезапно превратилась в иррациональную смесь прошлого и настоящего, казалось он теперь помнит каждый миг прожитого, без спасительной возможности забыть. От подобного состояния нервы постоянно напряжены до предела, сознание балансирует на грани срыва, а рассудок, постоянно анализирует прожитое, будто он обязан отыскать нечто важное в огромном объеме данных.

— Хорошо, Клаус. Давай договоримся — ты готовишь «Ланцет», я поговорю с Миллером. На сборы все равно потребуется несколько часов. Пусть Дана хоть немного отдохнет по-человечески.

— Добро. Что будем делать с Хоуком?

— Заберем с собой. — Не колеблясь, ответил Антон.

— Уверен? — Сощурился Фриенбагер. — Он не очень-то рвется бежать из города.

— Его убьют. Или хуже того — промоют мозги, и тогда СКАД получит исчерпывающую информацию о нас.

— Скажи Антон, тебе его жалко или ты элементарно страхуешься от утечки данных?

— Не знаю… — Светлов чувствовал, что их разговор происходит в каком-то странном ключе, словно они вдруг потеряли все человеческое, превратились в две аналитические системы, обменивающие данными и вырабатывающими наиболее рациональные решения. Конечно, это было не так, но мысль уже проскользнула и от нее не так легко избавиться.

— Все, Антон, я пошел. — Клаус ощущал внезапно возникшую натянутость в разговоре, и решил, что лучше всего заняться делом, чем сотрясать воздух. И так все ясно. Энтони будет обузой, он избалован привилегированным положением, к которому привык, но тут уж ничего не поделаешь, Антон прав, бросать его и глупо и бесчеловечно. — Буду на связи. Поговори с Миллером, если вдруг события начнут развиваться стремительнее чем мы полагаем, нужно будет особо позаботиться о Дане. Еще одного нервного срыва она не выдержит.

— А может перенести ее, спящую, в «Ланцет»?

— Хорошая идея. Давай так и поступим. Я сейчас подгоню машину к

корпусу лабораторий, будь готов минут через десять.

— Хорошо. Я успею поговорить с доктором. Он поможет мне.

* * *

Энтони был зол, как никогда.

Он страшно разочаровался в Клаусе. Кому сказать — бывший телохранитель помыкает им, как каким-то бродягой!

Что же делать? — Мучительно размышлял Энтони, бесцельно бредя меж руин уровня гидропоники. — *Может действительно связаться со СКАДом, и попробовать поторговаться с системой?*

Мысль отдавала гнилым душком, но что ему оставалось делать? Эта полоумная компания собралась за город, в гости к рагдам и хитварам, от одного вида которых Энтони бросало в дрожь (хотя и видел он их только издали всего несколько раз). Если срочно не предпринять каких-то мер, то его насильно заберут с собой. С Клауса станется, он еще не на такое способен. Что стоит хотя бы его «Ланцет» о существовании которого Энтони даже не подозревал!

Нет, идея относительно СКАДа, не так уж плоха. Особенно после того, как Светлов доходчиво объяснил ему, почему система не трогает жителей заброшенного квартала.

О том, что колония полным ходом движется к вымиранию, о каких-то там тайнах прошлого, нереализованных целях, загадках иных цивилизаций Энтони в этот момент не думал вовсе. Вымирает город или нет, еще вопрос, а вот за стенами цитадели его не ждет ничего кроме лишений и смерти, как итога целой цепи дурацких поступков. В этом свете контакт с сетью не казался таким уж предательским. Скорее с его стороны это вынужденная мера самообороны, он защищал свой образ жизни, который откровенно пытались сломать Светлов, внезапно и необратимо изменившийся Фриенбагер, да еще этот Миллер со своими принципами и деланной озабоченностью… О сумасшедшей девчонке вообще говорить нечего. Компания подбиралась еще та, и Энтони совершенно не желал принимать участия в их сумасбродных проектах или изысканиях. Хотят сдохнуть, — пожалуйста. Но он-то тут при чем?

Занятый спором с самим собой он не заметил, как оказался на побережье. Теперь от сектора гидропоники и от родного квартала его отделяло приблизительное одинаковое расстояние.

Он повернул к кварталу.

Там в определенных местах есть датчики СКАДа, об этом знал каждый ребенок.

Приняв окончательное решение, Хоук прибавил шаг.

Он не заметил, что за ним, вот уже несколько минут следят внимательные, лишенные человеческого выражения глаза.

* * *

Группу андроидов, рассредоточившихся в руинах на полпути между «потерянным» кварталом и остатками древнего уровня гидропоники, возглавлял человек. Сейчас он был занят тем, что считывал поступающий на небольшой электронный планшет текст.

Ровные строки, появляющиеся на тонком, умещающемся на ладони экране, являлись ни чем иным, как мыслями Энтони Хоука. Технология еще проходила тестовые испытания, поэтому оборудование оставляло желать лучшего. Возможно, в будущем можно будет не пользоваться промежуточными устройствами, а непосредственно воспринимать мысли, считанные через имплант датчиками сети.

Веселая перспектива.

Командир группы андроидов, мысленно порадовался, что *его имплант* в данный момент блокирован: боевой шлем с антисканирующим покрытием не позволял устройствам передачи данных свободно формировать так называемую «информационную ауру» которая являлась следствием ряда недоработок имплантируемых людям устройств.

Чем не преминул воспользоваться СКАД, настроив следящее оборудование для приема таких «сопутствующих» излучений, которые при помощи несложных программ можно легко преобразовать в вполне понятные мысли, принадлежащие людям.

«*Нет, Фриенбагер со Светловым, точно рехнулись.* — Поступила на экран очередная расшифрованная мысль. — *Ну что они найдут за городом кроме собственной смерти? Все, решено, свяжусь со СКАДом и буду торговаться. Попробую договориться, чтобы их не трогали. Пусть живут в квартале, жалко что ли? Только придется им объяснить кто на самом деле главный…*»

Прочитав полученное сообщение, командир группы зачистки слегка побледнел, но за дымчатым забралом боевого шлема его бледность осталась незамеченной.

— Первый на связи. — Произнес он в коммуникатор. — Что делать с «объектом наблюдения»?

— Объект уничтожить. — Мгновенно отозвался СКАД. — Дальше действовать по плану. Ваша задача взять девушку и не повредить «Ланцет». Остальные бунтовщики, находящиеся в секторе гидропоники, интереса не

представляют.

— А если они сдадутся?

— Они опасны, как асоциальные элементы. Добровольная сдача в плен не изменит их взглядов. Ликвидировать.

— Понял. Начинаю зачистку.

…

Энтони Хоук повернул за угол полуразрушенного здания и сомлел: за углом стоял андроид,

Последнее, что он почувствовал, было холодное прикосновение к его собственному лбу ствола ИПК.

Дальше сознание брызнуло будто разбитое стекло, распадаясь на миллисекундные, обрывочные воспоминания, которые поглотила бедны безвременья

* * *

Светлов с Миллером только что перенесли Дану в «Ланцет» и теперь ждали появления Фриенбагера, который пропал, отправившись на поиски Хоука.

Прошло уже четверть часа, а он не все не возвращался.

На душе у обоих было тревожно. Антон, облаченный в боевую экипировку, все больше хмурился, поднятое забрало шлема позволяло Миллеру наблюдать, как мрачнеет лицо Антона.

О чем думал в эти мгновенья Светлов, оставалось загадкой, а вот доктору было страшно. С того самого момента как в старом парке над его головой вдруг засвистели пули, Генрих находился в этом изматывающем состоянии, он понял, что ввязался в борьбу, не осознавая той жестокой бескомпромиссности, которую предполагал бунт против *системы*.

СКАД не ограничивался полумерами. Он преследовал свои, не совсем еще понятные интересы, играя судьбами людей, как ему вздумается. Остаться в Цитадели, имея статус «врага системы» и в полной мере вкушая связанные с этим негативные последствия — самоубийственно, но и за пределами мегаполиса их не ждало ничего хорошего. Что они станут делать, оказавшись в положении изгоев, среди сонмищ враждебных механоформ, принадлежащих таинственной цивилизации?

Миллер пытался, но не мог найти ответа на данный вопрос. И тут и там ему виделись совершенно безрадостные перспективы.

Оставалось заставить себя не думать о глобальном, жить данностью, отдаваясь во власть переживаний текущего момента, но разве становилось от этого легче?

…Светлов внезапно напрягся, изменив позу.

Миллер не успел сообразить, в чем дело, он лишь услышал резкий окрик Антона:

— Генрих, в машину!

Дальше события сорвались в бешеном темпе.

Уже в шлюзе Миллер обернулся, с обреченным ужасом заметив, как их убежищу с разных сторон бегут узнаваемые по характерным, отрывистым телодвижениям человеческие подобия.

Все, это конец…

Мысль Миллера отсекла первая автоматная очередь.

Один из андроидов, прошитый выстрелами в спину, внезапно полетел на землю: уронив оружие, он нелепо раскинул руки, и застыл, конвульсивно скребя конечностями по твердой, спрессованной, растрескавшейся от недостатка влаги почве.

Внешний люк «Ланцета» начал медленно закрываться.

…

В отличие от доктора Миллера Антон не испытывал обреченности.

Так сложилась его жизнь: с раннего детства и до сегодняшнего дня он, вольно или невольно, боролся с предопределенностью своей судьбы, никогда не задумываясь — почему на его долю постоянно выпадают испытания?

Еще мальчишкой, он познал истинную цену свободе — уйти от вечно пьяных родителей было нелегко, он украдкой плакал от жалости к себе, но все равно поступал так, как подсказывал очень рано повзрослевший рассудок.

Для него было легче искать себе еду в мусоросборниках, чем терпеть беспочвенные издевательства, и страдать от одного вида близких людей, медленно погружающихся в пучину безволия и безмыслия…

…Нет, обреченности он не ощущал, но сам факт происходящего мгновенно оценил, как удар в спину.

Андроидов к их временному убежищу мог привести только Энтони, спровоцировав атаку своим безрассудным поведением, не имеющим ничего общего ни с «храбростью», ни со здравым смыслом.

Он хотел жить, *как придется*, боялся ломать стереотипы и в итоге…

В итоге в душе Антона остались лишь обида и тревога.

Обида на глупое поведение Хоука и тревога за Дану, Миллера, Клауса…

Однако, резким движением опустив проекционное забрало боевого шлема, он, отпрянув в сторону от «Ланцета», внезапно понял, что

сканирующий комплекс выдает в оперативное окно тактической системы не только данные по андроидам, — кроме двух десятков сервомеханизмов, в руинах окружающих комплекс гидропонических ферм скрывались еще как минимум два человека. Первого он определил сразу, по автоматной очереди, выпущенной в спину андроиду, — наверняка Клаус, только он мог оказаться поблизости и проявить выдержку, затаиться, отключив все системы боевой экипировки, ожидая, пока машины пройдут мимо, оказавшись в зоне прямой видимости.

Второй сигнал показался ему непонятным. Вроде человек, в полной боевой, но маркер, обозначивший его местоположение, выглядел слишком крупным и одновременно — размытым.

Не тратя время на размышления, что бы это могло значить, Антон достиг избранной взглядом позиции, за бетонным блоком внушительных размеров, разломившимся посередине, от падения с большой высоты. Образовавшаяся трещина, в которой виднелись фрагменты арматуры, была достаточно широкой, чтобы использовать ее как бойницу.

— Клаус? — Понимая, что уже нет смысла соблюдать радиотишину, вопросительно произнес Светлов, одновременно свалив короткой очередью показавшегося в поле зрения дройда.

— Я рядом. — Ответ Фриенбагера сопровождался отрывистым, сипящим звуком выстрелов ИПК. — Вижу твою позицию… Держи фронт, не дай им подобраться к «Ланцету».

— Что ты задумал?

— Позже. Здесь происходит что-то непонятное.

Светлов не стал спорить, тем более что забот у него прибавилось: около десятка сервомеханизмов синхронно пошли в атаку, одновременно показавшись из-за своих укрытий. Они двигались полукругом, стремительно сокращая дистанцию, и целью рискованного броска являлся вовсе не Светлов, а запаркованный подле гидропонической фермы «Ланцет».

Они понимают, что без машины мы никуда не денемся, — промелькнула в сознании Антона здравая мысль. — *Или за них все понимает СКАД*? — Тут же мысленно поправился он.

Разбираться в нюансах происходящего не осталось времени, — дройды уже приблизились на опасное расстояние, еще немного и они возьмут машину в плотное кольцо…

Антон чуть сместился, отвлекая на себя часть сервомеханизмов. Двоих он свалил короткими, точными очередями, благо теперь Светлов знал, куда нужно целиться, чтобы остановить человеческие подобия, и мог

эффективно применить на практике свой навык стрельбы.

Уловка сработала, механизмы на миг остановились, их сканеры зафиксировали близкую, опасную цель, которую следовало уничтожить. Антон ждал ответа с их стороны, спокойно выжидая пока иссякнет шквал ответного огня, хлестнувший по расколотой бетонной плите градом пуль и лазерных разрядов. Вокруг укрытия мгновенно всклубилась белесая пыль; пользуясь ее прикрытием, Светлов, не дожидаясь окончания обстрела, быстро сменил позицию, оказавшись между атакующими машинами и «Ланцетом».

…Вынырнув из разрастающегося пылевого облака, он не рассчитал дистанцию и внезапно оказался буквально в двух шагах от группы из трех сервомеханизмов.

Доведенная до машинального автоматизма реакция много раз выручала Антона, но сейчас даже его профессиональная выучка оказалась бессильна — дройды действовали быстрее, три ствола резко взметнулись вверх, а он не успевал ни ответить им, ни уклониться…

Антон в первый миг не понял, что произошло — сзади, из тыла по андроидам отрывисто ударил ИПК, буквально швырнув один из механизмов на Светлова, два других успели разрядить оружие, но попали в своего собрата, а мгновением позже разделили его участь, получив порцию разрывных пуль в спинные кожухи.

Ритм столкновения измерялся секундами: Антон с усилием оттолкнул навалившийся на него сервомеханизм, и в горячке боя резко развернулся, отсекая очередями продвигавшихся по флангам андроидов, — лишь мгновением позже, когда оставшиеся в строю сервомеханизмы были вынуждены занять укрытия, до него, наконец, дошел смысл случившегося.

Кто-то валил дройдов сзади, в то время как маркер, обозначавший позицию Клауса, находился слева от него.

Неожиданный союзник?

Кто это мог быть? Разве что Энтони, но когда и где он успел экипироваться по полной боевой?

Ответ на вопрос должен был придти через одну или две минуты: попавшие под перекрестный огонь сервомеханизмы уже не рвались к «Ланцету», их атака захлебнулась, а значит вскоре все выясниться тем или иным образом.

Пока в голове Антона проносились эти мысли, он успел еще раз сменить позицию, теперь уже надежно перекрыв все подступы к машине, которую лишь вскользь царапнуло несколько пуль, и вызвал Клауса:

— Кто-то валит андроидов с тыла!

— Вижу! Но это не Хоук, его коммуникатор не отвечает!

— Проклятье, тогда кто?

— Не знаю. Держись, Антон, я прорываюсь к тебе! Мы либо уходим сейчас, либо нам уже не дадут вырваться из города!

Светлов коротко ответил:

— Жду.

Уцелевшие андроиды не рвались в атаку, два сервомеханизма затаились меж руин ближайшего здания, ожидая подкрепления, датчики тактической системы указывали, что по направлению гидропонических ферм движутся еще как минимум восемь андроидов.

Семь…

Антон сморгнул, не понимая, то ли напряжение боя играет со зрением, то ли…

Нет, ошибки быть не могло, вот разом погасли еще два сигнала.

Крупный, расплывчатый маркер, замеченный им несколькими минутами ранее, куда-то исчез…

— Клаус осторожно!

Фриенбагер остановился.

— Справа от тебя в здании два дройда. Не видишь?!

— Нет, не вижу. Шлем повредило.

— Не выходи на открытое пространство. Следи, даю указание на цель. — Светлов привстал из-за укрытия и двумя короткими очередями обозначил пустые глазницы оконных проемов здания, в котором скрылись человекоподобные машины.

— Понял, командир, с меня причитается… — В такие моменты Фриенбагер действовал решительно, иногда на грани оправданного риска, вот и сейчас после короткого рывка он распластался, прижимаясь к простенку между двумя окнами, вокруг которых виднелись выщерблины от пуль.

— Держи выход под прицелом! — Выдохнул он в коммуникатор, коротким замахом отправляя внутрь здания две гранаты, одну за другой.

Стены древнего строения содрогнулись, кое-где по ним, грозя обвалом, поползли трещины, из дверей и окон рванули отблески пламени, а затем толчками начало выдавливать дым и пыль.

Маркеры в тактическом окне проекционного забрала погасли.

— Есть, оба — прокомментировал Светлов показания датчиков.

— Сколько еще. Дай направление! — Клаус уже нырнул в клубы дыма: лучшей защиты от лазеров и не придумаешь, ну а от пуль предохранят потрескавшиеся, но устоявшие стены, — Не слышу тебя

Антон! Дай направление на цель!

— Клаус возвращайся. — Светлов не мог ничего объяснить, в его силах сейчас была лишь констатация факта — целей нет. Вторую волну андроидов кто-то попросту вырезал кинжальным огнем с короткой дистанции, — оптика боевого шлема показывал укрупненное изображение нескольких машин, застывших в нелепых позах метрах в ста от позиции Антона.

В теснине между зданиями, периодически скрываясь в дыму, стелящемся вдоль самой земли, шел человек, облаченный в боевую броню; усилители мускулатуры позволяли ему двигаться быстрым размеренным шагом, не смотря на дополнительный груз, который незнакомец нес на плечах.

— Антон осторожнее. У него Хоук в заложниках. — Прокомментировал ситуацию Фриенбагер.

— Вижу. — Коротко отозвался Светлов. — Клаус, оставайся на позиции. Держи его под прицелом. Я выйду навстречу.

— Рискуешь.

— Нет. Это он вырезал вторую группу андроидов.

— Уверен?

— На все сто.

— Что-то подозрительно, командир. Очередная выходка СКАДа. Ему угробить десяток дройдов — раз плюнуть.

— Вот с этим я и хочу разобраться.

* * *

Выходя навстречу незнакомцу, который молча шагал в направлении заброшенных гидропонических ферм, Светлов понимал, встречу ему *навязывают*.

Одного Антон не мог взять в толк, если козырем противника являлся Энтони Хоук, то зачем загадочному человеку, явно выступавшему от имени сети, понадобилось уничтожать андроидов?

Глупая, ничем не оправданная трата ресурсов, — так оценил бы подобные действия СКАД. Понятно, что достаточно продемонстрировать пленного Хоука, чтобы вынудить беглецов вступить в переговоры, затягивая время.

Неизвестность хуже беды.

Они остановились в нескольких метрах друг от друга. Энтони, которого незнакомец нес на плечах, находился в бессознательном состоянии. Крови Антон не заметил.

— Ну, что скажешь? — Светлов включил коммуникатор на стандартную частоту связи, понимая, что СКАДу и без того известно их местоположение. — Только не тяни время.

— А говорят, люди с годами меняются. — Внезапно раздался в коммуникаторе совершенно неожиданный ответ. — Впрочем, ты всегда был не таким как все. — С этими словами незнакомец поднял забрало боевого шлема.

В первый момент Антон опешил, затем, когда сгинул мгновенный морок воспоминаний, снова пришло саднящее чувство тревоги, смешанное со злой обидой — почему именно ты?

Перед ним стоял повзрослевший, но все же узнаваемый с первого взгляда Курт Фогель.

— Не рад? Думаешь это выходка СКАДа?

— Ты работаешь на систему?

— Работал. — Уточнил Курт. На его лицо набежала тень. — Да, командир, работал, причем не за страх, а за совесть, пока не прочитал мысли вот этого… не знаю, как его назвать. — Глаза Фогеля источали грустную решимость. Очевидно, он только что сделал какой-то трудный выбор, и Антон вдруг устыдился своих подозрений, но чувство промелькнуло и исчезло, растворившись во всеобъемлющей тревоге, которая единственная была способна послужить фоном к возникшей ситуации.

Таких совпадений не бывает. СКАД осведомлен, что нас было трое… вырвавшихся из того пекла, и вот мы вдруг стечением обстоятельств собираемся вместе. Нереально. Это подстава.

Курт видимо подумал о том же, потому что спросил, мрачнея буквально на глазах:

— Клаус тут? С тобой?

— Страхует из соседнего здания, — Ответил Антон.

— СКАД… сука! — Фогель внезапно сбросил с плеч мешковатое тело.

Датчики боевой экипировки Антона четко зафиксировали смену несущей частоты связи. Курт обращался к системе, он даже голову приподнял, словно пытался отыскать среди конструкций перекрытия замаскированные датчики:

— Ты ошибся сволочь!.. — Фогель с трудом взял себя в руки и добавил, обращаясь к Антону: — Извини командир… Эта кибернетическая дрянь посчитала, что нас можно стравить друг с другом… Я не ожидал такого.

В этот момент под ногами Фогеля слабо пошевелился Энтони. Из его горла вырвался сдавленный стон.

Ситуация, которая казалась Антону патовой, все имела выход.

— Курт, ответь мне, что означает твоя фраза «прочитал мысли»?

— Последняя разработка СКАДа. Устройство воспринимающие спорадические излучения передатчиков импланта. Мы постоянно мыслим, а в конструкции имплантированных устройств есть какой-то изъян. В общем, наши мысли, не относящиеся к осознанно сформулированным командам, предназначенным для киберсистем, находят свое отражение в работе передатчиков импланта. Что-то вроде постоянного фона.

— СКАД разработал устройство «прослушки»?

— Да. Оно интегрировано в мою экипировку.

— Ну, допустим, я тебе верю. Что произошло, конкретно?

— Меня отправили на зачистку, во главе отряда андроидов. Формулировка задачи предельно проста, — найти и нейтрализовать группу из пяти человек, обосновавшихся на законсервированном уровне гидропоники. По дороге сюда навстречу мне попался он. — Фогель зло указал на стонущего Хоука. — Процитировать его мысли?

— Давай. — Мрачно согласился Антон, пытаясь найти хоть какую-то логику в создавшейся ситуации.

— Он думал о тебе и Клаусе. О том, что если сдаст вас СКАДу, то, наверное, выторгует себе свободу.

— Это все?

— Да. Дальше его взял в оборот механические бойцы. От пули его спасло только мое вмешательство. Антон, у меня в голове все помутилось, когда понял, что речь идет о тебе и Клаусе. Ну что ты так смотришь на меня?! Неужели ты думаешь, что я…

— Курт, извини. — Антон с трудом подбирал слова. — Я помню как мы погибали вместе, как спасали друг друга, я понимаю все… Но СКАД *специально* послал на задание именно тебя. Он гораздо изворотливее, чем мы думали. Играет нами как марионетками, а мы слепо дергаемся на его ниточках…

— Да пошел он!.. Делай что хочешь, командир, но я остаюсь с тобой.

— Даже не спросишь, чем мы тут занимаемся? Почему система открыла на нас охоту?

— Сочтешь нужным — расскажешь.

* * *

Разговор шел при включенном коммуникационном канале, поэтому

Клаус слышал каждое слово.

Покинув укрытие, он поспешил к месту неожиданной встречи. *Надо разрядить ситуацию*, — лихорадочно думал он. — *Хотя Светлов прав. Тысячу раз прав. Одно совпадение можно допустить, но два и более — это уже не случайность.*

Что они могли противопоставить очередной выходке системы?

— Антон, Курт не при чем. — Клаус пожал Фогелю руку. — Я присоединяюсь к мнению: пусть СКАД идет, куда подальше со своими провокациями. Он видимо плохо изучил людей, если посчитал, что мы вцепимся друг другу в глотку.

— Осторожнее, он все слышит. — Предупредил Фогель.

— Пусть слушает. Нам сейчас не это важно.

— А что?

— Нужно решить как поступить с Хоуком и дальше действовать по плану.

— Энтони слишком много знает о наших намерениях.

— Вот и прекрасно. Забираем его с собой. Мне будет о чем потолковать с ним в свободное время. Курт, ты с нами?

— Я уже сказал.

— Тогда отключаем всю электронику и в машину. Обсудим дела позже, когда избавимся от «прослушки».

Глава 8. За пределами Цитадели…

«Ланцет» беспрепятственно миновал несколько зон технического обеспечения и выехал за пределы Цитадели по одной из старых дорог, через тоннель, который в современности использовался для стока дождевых вод.

Запиравшая его, порядком проржавевшая решетка не могла послужить препятствием для мощного флайкара. Фриенбагер, проигнорировав предупредительный сигнал лазерных дальномеров, взял управление на себя и просто вышиб преграду мощным бампером внедорожника.

— Ну вот, здравствуй свобода… — проворчал он, и тихо добавил: — знать бы, что с тобой, дорогая, делать…

Фогель, устроившийся в кресле второго пилота, искоса посмотрел на Клауса и заметил:

— Тебе не кажется, что мы все-таки поддались на провокацию СКАДа?

— В смысле? — переспросил Фриенбагер, направляя «Ланцет» на старую, едва различимую средь остекленевших воронок и рытвин дорогу, уводившую прочь от города.

— Никто не попытался нас задержать, батареи Цитадели молчат.

— Я заметил. Ну и что?

— Я вот подумал: может быть, система спровоцировала нашу встречу, чтобы избавиться от всех разом?

— Но мы же не перестреляли друг друга, хотя могли, — веско заметил Клаус.

— Мне кажется, СКАДу нет разницы. Он решает задачи в рамках мегаполиса, и наше бегство для него тоже приемлемый вариант.

— Ну, вот и ты о том же. Какая разница, где и каким образом мы сдохнем? В этом заключен глубокий замысел системы? Не выйдет. У Светлова есть план.

— План? — Курт покосился на экраны заднего обзора. Непонятно, жалел ли он в этот момент о спонтанно принятом решении, глядя на удаляющийся мегаполис, или нет, но выражение лица у него было мрачным. — И куда мы едем?

— Пока что подальше от города.

— В гости к рагдам?

— «Ланцету» они не грозят. — Уверенно заявил Фриенбагер.

— Ты слишком самоуверен, Клаус. Машина конечно уникальная, не спорю, но рагды имеют дурную привычку атаковать все, что отличается от враждебных нам механоформ.

— А мы и не отличаемся от них. — Не без удовольствия сообщил Клаус, наблюдая, как недоверчиво усмехнулся Курт.

— Не веришь. Ладно. Смотри, видишь рой точек у горизонта?

— Рагды. — Фогель напрягся. — Тут и гадать нечего. Клаус, что ты делаешь? Не сворачивай в их сторону!

— Не дергайся.

Курт побледнел. Он не ожидал от старого товарища такой глупой бравады, которая могла обернуться непоправимыми последствиями.

Поздно. Рагды зафиксировали движущийся в их сторону объект, и их поведение резко изменилось: секунду назад они роились в небесах, на высоте сотни метров, как стая мошкары, и вдруг все разом ринулись на «Ланцет».

— Спокойнее Курт, не дергайся. Все продумано, до мелочей.

Слова Клауса почему-то не успокаивали, но к облегченному удивлению Фогеля, стая рагдов, насчитывающая не менее полусотни особей, пронеслась в десятке метров над машиной и вновь стала набирать высоту.

— Ничего не понимаю… — Удивлению Фогеля не было границ. Обзорные экраны ясно демонстрировали, как рагды вновь поднялись на приличную высоту и, как ни в чем не бывало, закружили в непонятном для человека хороводе…

— К твоему сведению они отсканировали «Ланцет» и приняли флайкар за олонга. — Самодовольно произнес Клаус, насладившись произведенным впечатлением. — Если интересует техническая сторона вопроса, могу пояснить: машина оснащена системой фантом-генераторов. Эти устройства создают голографическую иллюзию, совмещенную с характерной для олонга сигнатурой распределения энергетических полей. Тепловой контур, магнитное поле, радарный отклик, все имитируется до мелочей.

— Ты меня напугал.

— Приятно слышать. Мы с Антоном долго думали, как защитить «Ланцет» от назойливого внимания. Это Светлов предложил использовать известные по файлам сканирования сигнатуры олонгов для их имитации системой фантом-генераторов. Как видишь, все прошло идеально.

— Это было испытание?

— А как ты думал? В пределах Цитадели опробовать модель было

попросту рискованно.

Фогель лишь усмехнулся, представив появление «олонга» на улицах мегаполиса.

Настроение как ни странно, улучшилось. Впереди, конечно, все та же неопределенность, но ведь он не один, а обрести вновь старых друзей, которых уже не чаял встретить, стоило всех грядущих испытаний.

* * *

Флайкар, собранный Фриенбагером по древним чертежам, являлся поистине уникальной машиной.

Антон лишний раз убедился, что над его созданием трудились разработчики, ясно представлявшие себе, какие именно качества проектируемой техники понадобиться первым колонистам, осваивающим просторы чуждой планеты, когда опробовал несколько штатных режимов трансформации внутреннего пространства «Ланцета».

На небольшой панели управления располагался ряд сенсорных кнопок, с короткими поясняющими надписями:

«Режим длительной остановки. Стационарные исследования».

«Походный режим. Короткие дистанции».

«Походный режим. Дальние дистанции».

«Режим повышенной опасности окружающей среды. Максимальная живучесть отсеков».

Чуть ниже второй ряд сенсоров предлагал выбрать количество находящихся на борту «членов экипажа и пассажиров», от двух до десяти человек.

Прикосновение к любому из сенсоров вело к перемещению переборок, по системе направляющих, что полностью видоизменяло внутренне пространства «Ланцета», оптимизируя его в соответствии с пожеланиями оператора.

Еще накануне, готовя машину к выезду, они с Клаусом несколько часов экспериментировали, пока не сошлись во мнении, что для их нужд идеально подходит сочетание походного режима на дальние дистанции, с максимальной «живучестью» образуемых отсеков, при количестве экипажа в восемь человек (автоматика предлагала вводить только четные числа).

После трансформации внутреннее пространство машины разделилось на восемь расположенных попарно (вдоль бортов) ячеек, размером два на полтора метра, оборудованных откидными койками, и минимальными гигиеническими средствами, между второй и третьей парами «кают» в центральной части, напротив шлюза осталось место для общих сборов

экипажа, оборудованное откидными креслами, терминалом кибернетической системы и настенными экранами, обеспечивающими не только вывод информации, но и внешний обзор, по желанию пользователей.

Поначалу Светлову показалось нерациональным деление большей части внутреннего пространства «Ланцета» на индивидуальные каюты, он подумал, что можно было бы обойтись парой отсеков с ярусными спальными местами, но, столкнувшись с необходимостью изолированного размещения Даны и Хоука изменил мнение, осознав, что над конструкцией флайкара работали не только конструктора, но и другие специалисты, знакомые с различными проблемами, в том числе и психологического плана.

К тому же термин «повышенная живучесть» подразумевал, что каждый индивидуальный отсек несет функцию герметичной спасательной капсулы в случае разрушения основного корпуса.

Сейчас предусмотрительность проектировщиков и правильный выбор конфигурации позволили Антону быстро и эффективно решить две задачи — изолировать Хоука, и оградить Дану от излишнего внимания и волнений, — она даже не проснулась, пока в секторе гидропоники происходили известные события.

…Заглянув в кабину управления, Светлов посмотрел на экраны. «Ланцет» продвигался по древней дороге, от которой, откровенного говоря, осталось одно название.

— Командир, — Клаус обернулся, — мы тут провели ходовое испытание фантом-генераторов.

— И? — Антон уже заметил в небесах роящиеся точки.

— Сработало. Рагды дернулись было, но потом вернулись на исходные.

— В следующий раз предупреждай по внутренней связи.

Фриенбагер кивнул. Они со Светловым как-то незаметно поменялись ролями, вернувшись к пришедшим из прошлого взаимоотношениям, Фогель четко уловил эту нотку, заметив, что Клаус хоть и нахмурился в ответ на замечание, но промолчал.

— Командир, куда мы направляемся? — Курт решил, что будет лучше, если он так же добровольно подчиниться былой субординации. В конце концов, их со всех сторон окружал враждебный мир, а Антон в данной ситуации оставался единственным человеком, кому он лично мог без оглядки на обстоятельства доверить свою жизнь.

— К черному лесу. — Ответил Светлов. — Скроемся в зарослях,

чтобы гарантировано сбить СКАД со следа. Соглядатаи нам не нужны.

— А потом?

— Потом будем искать объездные пути, к месту, где велись раскопки.

— А что это даст?

— Мы не бежали из города, Курт. — Ответил Антон, ожидавший подобного вопроса. — Атака СКАДа лишь форсировала наши планы.

— То есть вы изначально собирались покинуть Цитадель?

— Да. Есть много моментов, в том числе связанных со СКАДом, которых ты не знаешь. Мы хотим выяснить, что на самом деле происходило двадцать лет назад.

— А зачем, командир?

— Скорее не зачем, а «почему». — Ответил Светлов. — Мы вымираем, Курт. У нас перестали рождаться дети. Цитадель постоянно осаждается механоформами о происхождении которых не известно даже СКАДу. Говоря проще — мы существуем, балансируя на грани уничтожения. Живем от одной внешней атаки до другой, не задумываясь над смыслом происходящего.

— Странно… Фогель нахмурился. — Вроде простые вопросы, а я действительно не задумывался над ними…

— Ничего странного. Теперь мы знаем, что СКАД мог сканировать излучения имплантов. Где гарантия, что он не формировал ответное поле, нашептывающее нам — *все в порядке.* А выброс эмоций происходил в параллельности, которая для большинства стала наркотиком.

— Бред… — Фогель встряхнул головой, словно отгоняя от себя наваждение. — Но к чему? Зачем СКАДу наше вымирание?

— Не знаю. — Пожал плечами Светлов. — Мне думается тут несколько проблем, у которых один корень. И искать его нужно в прошлом. К сожалению, в городе не осталось доступных информационных свидетельств, по которым можно судить как развивалась колония, откуда появились чуждые механоформы, почему нет связи с Землей, — родиной наших предков. Слишком много вопросов, Курт, и ни одного ответа. Все похоронила первая внешняя атака, разрушившая компьютерный центр управления. Я потратил много лет, занимаясь поисками в сети. Информации нет. Сеть содержит лишь сведения, отражающие действительность, а СКАД, как выяснилось, всего лишь аналитическая подсистема, случайно уцелевшая двадцать лет назад.

Фогель слушал не в силах ни возразить, ни добавить что-либо.

— Мы пришли к выводу, что информация, объясняющая происходящее, должна сохраниться. — Тем временем продолжил

Светлов. — Ты сам помнишь, что в зоне раскопок располагался временный центр управления.

— Он уничтожен… — Подавлено напомнил Фогель.

— Да. Но носители информации могли уцелеть. Власть СКАДа туда не распространяется. Поэтому есть надежда найти объяснение данности и что-то изменить.

— Сложная задача… — Произнес Курт.

— Сложная, но выполнимая. Если конечно тебя не устраивает роль марионетки.

— Это лишнее, командир. Я высказал системе все, что хотел. Ты сам слышал. — Фогель хмуро посмотрел на экраны, где простиралась безжизненная, опаленная огнем бушевавших тут когда-то схваток равнина и добавил: — Я как будто проснулся… Или я все еще сплю?!

* * *

Предоставив Клаусу вести машину, Антон вернулся в модуль экипажа.

— Генрих? — Вызвал он по связи Миллера. — Где ты?

— У Энтони. Оказываю ему помощь.

— Он очнулся?

— Да. Но находиться в скверном настроении.

К коммуникационному каналу подключился еще один абонент:

— Светлов, я хочу поговорить с тобой!

— Позже, Хоук, у меня есть неотложные дела. — Спокойно ответил Антон.

— Куда мы направляемся?! Я чувствую, что «Ланцет» движется! — Голос Энтони выдавал нотки ярости, граничащие с истерикой.

— Ты абсолютно прав. — Антон старался не реагировать на тон, он просто еще не решил, как поступить с Хоуком. «Невольный пассажир» мог серьезно осложнить обстановку на борту, но и бросать его в Цитадели было… неправильно. — Мы находимся вне городских стен, так что не дергайся. — Посоветовал Антон. — Смирись ненадолго. От необдуманных поступков советую воздержаться — над нами кружит стая рагдов, и, клянусь, Энтони, если ты устроишь какую-нибудь пакость, я просто выкину тебя через шлюз. Ты понял?

— Понял… — В голосе Хоука прозвучало отнюдь не смирение, а скорее вызов. Он совершенно запутался в ситуации, и не знал, радоваться ему или наоборот злиться. СКАД, оказывается, читал его мысли, только вот непонятно, как об этом узнал Светлов? Энтони меньше всего нравилось, что его везут неизвестно куда, помимо воли, к тому же видимо считают

предателем, но… альтернатива выглядела еще хуже, холодный ствол ИПК, казалось, оставил отпечаток у него на лбу, по спине от недавних воспоминаний до сих пор пробегали мурашки.

— Ладно, Энтони, до связи. Подумай на досуге о своих поступках. Я загляну к тебе, как только освобожусь.

Светлов отключил коммуникатор, оставив активным только экстренный канал связи, потом, вдруг изменил решение и вызвал Фриенбагера:

— Клаус, как обстановка?

— Терпимо. Пока особых затруднений нет.

— Ты можешь передать управление Фогелю?

— Могу. Но зачем?

— Энтони пришел в себя. Сейчас у него Миллер. Надо бы растолковать Хоуку наше положение. Боюсь, что старания Генриха ни к чему не приведут. Ты понимаешь, — нам не нужны неприятности на борту «Ланцета».

— Можешь не объяснять дальше. Сейчас иду. Я найду аргументацию, не волнуйся.

— Если что, — у меня работает экстренный канал вызова.

— Сказал — не волнуйся. Уж с Хоуком я как нибудь разберусь.

— Добро.

Светлов прошел по узкому коридору, и коснулся сенсора, расположенного в переборке седьмой «каюты».

Двойная герметичная дверь почти бесшумно скользнула в сторону.

* * *

Дане снились кошмары.

Она не могла проснуться из-за введенных Миллером препаратов, которые должны были обеспечить ей здоровый сон, но, увы, — присев на край откидной койки, Антон понял, что это не так, лекарства лишь погрузили ее рассудок в мир бессвязных мысленных ассоциаций. Дана то вздрагивала всем телом, то молча начинала скрипеть зубами, комкая влажную от ледяного пота простыню…

Антон протянул руку и осторожно коснулся пальцами ее щеки.

Лицо Даны пылало, на щеках то и дело проступали пунцовые пятна.

Ее нужно будить — подсказывал рассудок, но душа испуганно притихла, Светлов в эти минуты пытался переосмыслить, понять, кто она для него: призрак из прошлого, живая женщина, или…

С ним самим происходили странные, если не сказать — зловещие

внутренние метаморфозы.

Почему он не пошел к Хоуку и сам не поговорил с ним?

Потому что Энтони для него чужой. Они не понимают друг друга. В душе Антона крепло противоречивое чувство: он ощущал незримую, но очень прочную связь с Фогелем, Фриенбагером и… Даной.

Ну, с Куртом и Клаусом все понятно, с ними его связывали события прошлого, а вот Дана… как она попала в круг духовно близких людей, ведь он фактически ничего не знал о ней… Да, были встречи в виртуалке, но как справедливо указал Миллер, Антон не связывал образ понравившейся ему девушки с той Даной, которую он *нашел* в камере поддержания жизни, а потом, как казалось, не сумел сберечь во время боя в черном лесу.

Миллер… — Мысль внезапно переключилась на иной образ. Он по-прежнему смотрел на Дану, а перед внутренним взором, словно наваждение, появился док — сложная натура, отчаянно-смелый в помыслах, но совершенно не приспособленный к борьбе, принципиальный идеалист, готовый взбунтоваться против системы, достаточно умный, чтобы искать себе союзников, загодя готовить встречу и… Антон вдруг вспомнил Генриха в мешковатом пальто, вжимающегося в потрескавшийся асфальт, отчаянно вздрагивающего при каждом выстреле.

В душе и разуме Светлова существовали градации, о которых он не подозревал до последних событий. Он был уверен в Клаусе, Дане и Курте, будто они являлись отражением его самого, и машинально дистанцировался от Миллера и Хоука. Почему? Они такие же люди, разве что не столь спокойные, уравновешенные, как он сам.

Пока он размышлял, Дана открыла глаза.

Оказывается, она вот уже минуту лежала, притихнув, сжавшись в комок, и смотрела на Антона, пытаясь что-то прочесть на его окаменевшем лице.

Она тоже не понимала, что происходит. Фактически потеряв память, Дана ощущала, что само присутствие Антона не просто успокаивает, у нее возникла стойкая уверенность, будто его разум открыт для нее, и знает она Светлова очень давно…

И не только его.

В присутствии Фогеля или Фриенбагера она ощущала тоже самое.

Фогель?

Кто такой Фогель?! — Она мысленно запаниковала, но подсознание вдруг вытолкнуло образ незнакомого мужчины, сидящего в кресле за панелью управления «Ланцетом».

Откуда я его знаю? Дана, поняла, что ее рассудок игнорирует

внешность, она каким-то непонятным образом воспринимала образ Фогеля, как будто видела материализацию его мыслей…

Хуже того: она наблюдала за Куртом в режиме реального времени. Значит, ее имплант без всяких команд находился в постоянном контакте с ботовой сетью?

От таких вопросов и ощущений ее вновь бросило сначала в жар, затем вернулось ощущение холода…

Чтобы не закричать, она перевела взгляд на Светлова, сосредоточилась на нем, и тут же болезненно, трепетно ожили иные мысли, наложенные на прежний фон непонятных ассоциаций:

Кто ты Антон? Почему все ноет в груди, а разум тянется к тебе? Что за спасение ты несешь? Почему я искала именно тебя, едва живая, практически ничего не помнящая?

Странное, сладкое и одновременно *пугающее* чувство духовной близости, вроде бы ничем не обоснованное, но крепкое, словно камень.

Чем же мы так похожи с тобой? И почему мне так страшно от неясных, недопонятых, будто заново нарождающихся чувств?

— Антон… — Ее пересохшие губы с трудом шевельнулись, прошептав его имя.

…

Он как будто возвращался из другого мира.

Шепот Даны обжег рассудок, но его пальцы не дрогнули, продолжая машинально гладить ее по щеке.

Они встретились взглядами.

Бездна.

Черный омут безвременья, вот что отражали их глаза. В зрачках Даны и Антона таилось нечто, еще не осознанное ими, как данность, все проходило на грани смутного тревожного предчувствия?… Или общего воспоминания?

А души трепетали, бились в грудную клетку глухими, неровными ударами сердец.

Было страшно. Им обоим было страшно в эти минуты, потому что чувства, зародившиеся в душах, казались *неведомыми*.

Абсурд? Что случилось здесь и сейчас, за чертой укрепленной Цитадели, посреди враждебного пространства? Почему, не сказав ни слова, они как будто говорили друг с другом много часов подряд?

— Антон, мне страшно…

Он отнял ладонь от ее щеки, и крепко сжал пальцы Даны.

— Мне тоже… — Почему-то шепотом ответил он.

— Я как будто падаю в пропасть…

Он попытался отчаянно сопротивляться нахлынувшему, будто волна чувству, но разум тонул в потоке эмоций, лишь крепче, до боли сжимались пальцы…

— Дана, я не знаю, что будет дальше. — Тихо ответил он. — И уже не уверен, что прошлое однозначно… Что-то происходит, со мной… С нами…

Она не ответила, но взгляд Даны вдруг переместился.

Антон медленно повернул голову.

В открывшихся дверях каюты стоял Клаус и молча, растерянно, потрясенно смотрел на них.

В его глазах читалось точно такое же выражение, словно он, отключившись от реальности, падал в *бездну*.

Неизвестно, что случилось бы в следующую секунду, но внезапное, резкое торможение «Ланцета» вырвало их из необъяснимого оцепенения.

— Проклятье… — Клаус едва устоял на ногах. — Курт что происходит?!

— Олонги! — Пришел краткий ответ по громкой связи. — Не знаю, что делать. Тут тупик.

— Что значит тупик!?

— Конец древней дороги! Какая-то насыпь, знаки, гора покореженной техники…

— Мы идем, ничего не делай! — Антон с необъяснимым облегчением ощутил, как отхлынули обуревавшие его тревожные чувства, словно реальная опасность была намного проще и предпочтительнее чем незримый мысленный контакт, возникший между ним Даной и Клаусом.

— Я с вами. — Дана попыталась встать. — Антон помоги мне!..

Ее требовательный тон и внезапно окрепший голос не смутили Светлова, хотя он должен был насторожиться.

— Давай, милая, только скорее, — он протянул руку, помогая ей встать, и уже не ощущая того, как у Даны вдруг все оборвалось в груди от сказанного им слова: *милая…*

Что же происходит?… — Она больше не ощущала слабости, хотя перед глазами все плыло, двоилось, но причиной были обыкновенные слезы…

Горячая капля сорвалась с ресниц, обожгла щеку.

Она что-то делала, двигаясь вслед за Антоном, а сознание сосредоточилось на новом чувстве.

Еще одна слезинка сорвалась с ресниц.

Как горячо…

Я помню… Это было очень давно… Так давно, что время утратило смысл, превратившись из объективной величины в абстрактное понятие, которым оперировал не разум, а так болезненно и внезапно очнувшаяся душа.

Мысль звучала как заклинание, способное возвратить из небытия частицу утраченного «эго»…

* * *

В узком коридоре Энтони молча, сосредоточенно боролся с Миллером. Именно боролся, потому что доктор не умел драться, он цеплялся за противника, повиснув на нем, не давал двигаться, а Хоук молча отдирал руки Генриха от одежды, порываясь прорваться к шлюзу.

Ситуация уже давно вышла за рамки здравого смысла.

Что происходило с людьми, как только «Ланцет» удалился от Цитадели не смог бы, наверное, объяснить никто. Ну, допустим, Энтони еще можно было понять: после произведенного Клаусом «внушения» он притих ненадолго, вроде бы смирившись с существующим положением вещей, но как назло Генрих предложил выйти в салон, полагая, что узость каюты неблаготворно влияет на психику Хоука

Вот тут док крупно просчитался.

Вмонтированные в переборки стереоэкраны оказались включены на внешний обзор, и вполне естественно, что после резкого торможения Энтони, устоявший на ногах прежде всего взглянул на них.

В первый момент Хоук оцепенел: видеть олонга в таком приближении ему не приходилось никогда в жизни…

Все… Теперь нам точно конец… — Тоскливая мысль шарахнулась в опустевшем рассудке, а затем на смену оцепенению пришел нервный срыв: зная где расположен оружейный отсек Энтони молча рванулся к нему, но Генрих, потрясенный не менее чем Хоук, сумел не только предугадать намерения своего «подопечного», но и встать у него на пути:

— Энтони не сходи с ума! Ты погибнешь и погубишь всех нас!

Хоук ничего не ответил, он молча врезал доктору в челюсть, но, попытавшись оттолкнуть Генриха и освободить себе проход, совершил ошибку. Миллер вцепился в него, как клещ…

— Хоук! — Клаус буквально взбесился от всего происходящего. Он был готов сейчас порвать Энтони на куски, действуя голыми руками, но внезапно в картину происходящего вплелся спокойный, в буквальном смысле леденящий голос Светлова:

— Всем разойтись!

Простая фраза, произнесенная таким тоном, от которого озноб драл по коже, возымела действие, все невольно подчинились приказу, даже Миллер разжал свою мертвую хватку, отпрянув к стене небольшого, имевшего овальную форму салона.

— Садитесь! Я сказал — всем сесть в кресла!

Светлов не говорил — он выдавливал из себя слова, но подчинение было беспрекословным: все включая Дану и Клауса заняли свободные места за небольшим складывающимся в случае необходимости столом.

— Теперь смотрите на экраны и приходите в себя! — Антон не заметил что осип, произнося предыдущие фразы. — Эти механизмы не опасны! Они разрушены!

Действительно Светлов за короткие мгновенья успел увидеть главное — механизмы, перегородившие дорогу «Ланцету», представляли собой не более чем скопление металлокерамики.

* * *

Когда-то давно здесь был бой.

Ясное, хрустальное осеннее небо опрокидывалось над островком мертвого черного леса.

Земля, навек потерявшая способность к плодородию, сплошь покрытая остекленевшими по краям оспинами воронок, узловатые, немыслимо перекрученные стволы и ветви непонятно кем посаженного, как выросшего и почему погибшего леса.

Мир, которого нет… — Фогель по привычке осмотрелся по сторонам, но движения не заметил, здесь действительно все погибло, превратилось в молчаливые свидетельства былого.

Он готов был поклясться, что люди не имеют никакого отношения к той истории, что вершилась тут когда-то.

— Командир, — он обернулся, — здесь нет наших машин. Только олонги…

Светлов и сам видел это. В душе продолжало расти чувство тревоги, не опасности, а тревоги, дискомфортной, гложущей нервы, не дающей покоя, будто он все время упускал что-то очень важное.

Островок черного леса выглядел чужеродным вкраплением на фоне безжизненной равнины. Здесь не росли даже вьюны. Картина выглядела более чем странно.

Пока они с Фогелем осматривались, из шлюза «Ланцета» появилась еще одна фигура в защитной экипировке. Дыхательная маска в отсутствии боевого шлема смотрелась нелепо, но Антон воздержался от комментариев,

Дана явно надела первое, что попалось под руку, ее следовало отругать за такую небрежность, однако Светлов молчал. Он не хотел ломать хрупкую тишину, слова почему-то казались лишними, едва ли не кощунственными, будто они все имели какое-то отношение к разыгравшейся тут трагедии.

Какая трагедия в потере десятка олонгов? — Проскользнула в рассудке равнодушно-рассудительная мысль, и лишь мгновением позже разум вдруг запоздало осознал, что подобное отношение к увиденному, граничит с потерей рассудка.

— Нужно внимательно осмотреть тут все. — Теперь Светлову вдруг захотелось говорить, громко, так чтобы слышать свой голос, не оставаться наедине со странными мыслями, что лезли в голову.

Он первым подошел к ближайшему олонгу: машина выглядела неуклюже, будто огромный бронированный утюг, сползший в воронку у обнажившихся корней черного дерева.

Обманчивое впечатление. На самом деле олонги были весьма подвижны, а встреча с ним в ближнем бою несла огромные проблемы, — передвигающийся на магнитной подушке, отлично защищенный механизм был вооружен шестью плазмогенераторами, и представлял серьезную угрозу. Кроме энергетического вооружения некоторые олонги несли на борту запас отравляющих химических веществ, уничтожающих на корню любую растительность. Для людей попадание подобного «спрея» на незащищенные экипировкой участки кожи означало гарантированный химический ожог.

Какая сила сумела остановить атаку десяти механизмов? — Светлов испытывал закономерное недоумение, потому что сталкивался с подобными механизмами в бою и знал, как сложно пробить их броню.

Он стал медленно обходить олонга по кругу.

Следы многочисленных лазерных попаданий покрывали металлокерамическую шкуру механизма, будто потемневшие зарубцованные временем шрамы. По-видимому, интенсивность лазерного огня в момент боя была очень высока — в некоторых местах корпус олонга демонстрировал оплывшие от температуры пробоины, в иных местах размягченная броня застыла пузырями или замысловатыми потеками…

— Их жгли лазерами. — Раздался по связи голос Фогеля. — Что-то я не припомню, чтобы в этом районе происходили бои.

— Во всей Цитадели не наберется столько лазных установок. — Ответил ему Антон. — И где ты видишь останки людей или нашей техники?

— Не вижу. — Согласился Курт. Зато я подсчитал при помощи

сканеров количество воронок от попаданий плазмы. Их больше тысячи. И ветви деревьев срезаны когерентным излучением. Здесь поработали рагды, и сверху их прикрывал как минимум один хитвар.

— Почему ты так решил?

— Воронки разные по диаметру. У хитваров более мощные излучатели плазмы.

— Логично. — Светлов повернул к черным деревьям. — Осталось выяснить, с кем сражались механоформы. — Он ступил в сюрреалистическое пространство меж замысловато перекрученных, окаменевших древесных стволов, и только сейчас, осмотревшись, понял, что видит не островок черного леса, а…нечто необычное — то, что он издалека принял за причудливо изогнутые стволы, на самом деле оказалось очень толстыми ветвями одного-единственного дерева.

Ничего подобного видеть Светлову не приходилось. Он даже не предполагал, что существуют формы черной растительности таких размеров, но что самое главное, — ветви оказались не просто причудливо изогнуты, они располагались упорядоченно, образуя своего рода архитектурное решение какой-то постройки!

Пройдя чуть дальше, он нашел подтверждение своей догадки — некоторые ветви оказались полыми внутри, в свете автоматически включившегося фонаря было отчетливо видно: они представляли собой плавно изгибающиеся тоннели около метра в диаметре, уводящие по спирали ввысь на тридцатиметровую высоту, к густому сплетению кроны дерева-дома.

Потрясающее открытие…

Антон!..

Мысль Даны, переданная через имплант, больше походила на вскрик.

Он моментально ринулся назад, остановился у границы хрупкого, срубленного шквальным огнем рагдов завала мелких веточек и только спустя несколько секунд сумел отыскать Дану при помощи сканеров боевой экипировки, — она медленно пятилась, оскальзываясь на крутом скате особенно крупной воронки.

Вокруг никого. Только с другой стороны, от самого дальнего из подбитых олонгов, бежит Фогель, который наверняка так же отчетливо слышал ее мнемонический вскрик.

Дана, что случилось?!

Там внизу… На дне воронки…

Антон помог ей выбраться, кивнул Фогелю, — посмотри что там, — а сам прижал дрожащую девушку к своей груди, пытаясь успокоить, но ее

продолжало трясти…

Тебе нужно вернуться в машину. Пойдем.

Она не сопротивлялась.

Видимо на борту «Ланцета» не смотря на работающие защитные поля, так же услышали ее мысленный вскрик, потому что у шлюза их ждали Миллер и Фриенбагер.

Доктор тут же принялся снимать с Даны дыхательную маску, Клаус лишь вопросительно посмотрел на Антона, но Светлов лишь отрицательно покачал головой.

— Еще не знаю. Дана что-то увидела. Курт проверяет.

— Я подключился к твоему каналу телеметрии. — Негромко произнес Клаус, покосившись на бледного, как смерть Энтони, который по-прежнему сидел в кресле, с непередаваемым ужасом глядя на обзорные экраны. — Видел это дерево. Думаешь, оно на самом деле когда-то было строением?

— Похоже. — Антон обернулся, — док, ты справишься?

— Ничего страшного. Она лишь сильно напугана.

Антон шагнул назад в шлюз.

— Клаус контролируй окрестности. Я к Фогелю.

…

Курт возился в грязи на дне глубокой воронки.

Светлов остановился у края остекленевшего от температуры гребня.

— Что там?

— Останки, командир.

— Человеческие?

— Нет.

Короткая пауза.

— Здесь полно… хитина… — Наконец с трудом произнес Фогель.

Антон понял: расспрашивать бесполезно, нужно спускаться самому.

…

А небо опрокидывалось над головой бездонной прозрачной голубизной, в которой застыли перистые разводы облаков.

И тем страшнее, отвратительнее для взгляда оказались перемешанные с грязью останки непонятных существ.

Антон смотрел на хитиновую маску с огромными пустыми глазницами и елочкой дыхательных щелей там, где у человека расположен нос, не в силах сдержать идущее изнутри отвращение.

Если б не герметичность боевой экипировки, его бы, наверное, вывернуло наизнанку…

Потребовалось некоторое время, чтобы перевести дыхание и унять

бешено бьющее в груди сердце.

Антон ничего не мог поделать с собой. Эти чувства шли из глубины подсознания, он, выросший в городе, где не существовало насекомых, знал о них только из файлов публичной библиотеки, и уж никак не мог испытывать к абстрактным для него существам ни отвращения, ни тем боле — ненависти.

А она жгла, словно внутри разгорался огонь.

Встретившись взглядом с Фогелем, он внезапно понял, что тот испытывает схожие чувства.

Мы все постепенно сходим с ума. Что-то воздействует на психику за пределами Цитадели.

Он мог приводить себе любые доводы, строить любые гипотезы, но чувства от этого не притуплялись.

Антон знал только одно проверенное средство, которое не раз выручало его в безвыходных моральных ситуациях: нужно действовать руками, шевелиться, выполняя какую-то работу, а не стоять, будто окаменев над останками непонятных существ.

— Так, Курт, собираем все, что сможем найти, и вытаскиваем наверх.

— Зачем?

— Не спрашивай. Исполняй.

…

Через пол часа, выбравшись из воронки, они сложили на старом дорожном покрытии свои находки.

— Нужно очистить их от грязи. — Антон снял баллон с универсальным раствором, и нажал на сенсор, распыляя реагент над грудой хитина и несколькими непонятными, одинаковыми с вида устройствами, исполненными в виде длинного стержня с боковой ручкой и угловатым утолщением на одной из оконечностей.

Раствор из пулевизатора сделал свое дело, грязь шипела и испарялась, обнажая коричневато-зеленый хитин. Минуту спустя, стало понятно, что они подняли из воронки останки как минимум трех существ, и из фрагментов хитина с помощью программ анализатора вполне можно сложить один полный эзоскелет[13].

Антон не без содрогания занялся этим, складывая очищенные от грязи фрагменты в той последовательности которую подсказывала логика.

Существо вышло отвратительным. Тонкие руки и ноги (обманчивое впечатление, обычно эзоскелеты достаточно прочны, чтобы выдерживать серьезные нагрузки) полностью «закованное» в хитин туловище способное

изгибаться за счет отдельных сегментов природной брони, расположенных внахлест, голова с удлиненным, вытянутым в затылочной части черепом и страшным лицом-маской, с жвалами на месте рта, огромными глазницами и «елочкой» дыхательных отверстий. Существо оказалось около полутора метров ростом, но Антон не сомневался, что, встав на четвереньки, оно вполне смогло бы передвигаться внутри полых ветвей черного дерева.

Пока он возился с останками насекомоподобного существа, Фогель занимался сканированием непонятных устройств.

Взглянув на «творчество» Светлова, он подал ему один из предметов, скупо пояснив:

— Система анализа утверждает, что это ручной вариант лазерного излучателя. В утолщении располагается устройство накачки, но от чего оно питалось энергией, непонятно.

— То есть, если приспособить к нему достаточно мощный энергоблок будет действовать?

— Не знаю. Не думаю, что стоит экспериментировать. У нас своего оружия в избытке.

— Хорошо, возьмем пока для исследования. — Миллер, — вызвал он по коммуникатору доктора. — У нас есть герметичный контейнер?

— Не знаю Антон, это нужно спрашивать у Клауса.

— Фриенбагер?

— Уже несу.

— Как Дана?

— Я в порядке. — Ответил коммуникатор. — Извини, испугалась.

— Бывает. — Антону вдруг стало легче. Он чувствовал, что постепенно, шаг от шага, начинает овладевать ситуацией, хотя, наверное, мыслить в подобном ключе было преждевременно, — впереди по-прежнему лежала неизвестность и, судя по произошедшему, их ждало еще немало сюрпризов, о которых не могло поведать ни воображение, ни интуиция.

* * *

Спустя четверть часа «Ланцет» вновь продолжил путь: объехав черное дерево, он взял прежний курс.

— Итак, — Антон переключил на один из экранов несколько изображений, отобранных системой анализа данных из кадров сорокаминутной записи событий. — Перед нами первые факты. — Светлов сцепил пальцы рук в замок, глядя на экран, где поочередно появились то изображение черного дерева, то его модель со структурой полых ветвей и

чем-то наподобие разделенного на пять отдельных секций гнезда *выращенного* на самой вершине, то вид собранного из останков разных особей эзоскелета невиданной ранее жизненной формы, то схема ручного лазерного излучателя…

— Факты, которые мог бы увидеть любой человек, удосужившийся удалиться от города на сотню километров.

— Да ты прав, Клаус. К вопросу: почему этого никто не сделал до нас, вернемся чуть позже. А сейчас давайте попробуем понять, что нам стало известно?

Первым к удивлению Антона высказался Миллер:

— Планета была колонизирована. — Глаза Генриха лихорадочно блестели. — Колонизирована *до появления колонистов из числа людей*.

— Из чего такой вывод, док? — Фриенбагер недоверчиво оглядел собравшихся, словно искал поддержки. — Мне наоборот кажется, что насекомоподобное существо это и есть представитель загадочной расы…

— Стоп, Клаус. — Миллер потребовал, чтобы его выслушали до конца. — Не нужно упрощать. С первого же взгляда становиться понятно: дерево, выращенное в качестве жилища, это плод генетического вмешательства.

— Ну и что? — Вновь перебил его Клаус. — Генная инженерия…

— Клаус, прошу, не перебивайте. Генная инженерия такого уровня, — плод многовековых, если не тысячелетних исследований, накопления опыта, глубочайшего проникновения в тайны живого. Черные деревья необычайно прочны, они устояли под натиском механоформ. Погибли, но устояли. — Повторил он.

— К чему вы клоните, док? — Спросил Антон.

— Насекомоподобные существа развивались, эволюционировали в ином мире. Они прилетели сюда и основали колонию, но не успели толком освоить новые жизненные пространства, — их атаковали и изгнали отсюда те, кто создал олонгов, хитваров и рагдов.

— Не убедительно. Это домысел — Возразил Фогель. — Они могли заниматься генной инженерией и одновременно создавать механизмы.

— Которые потом вышли из-под контроля своих создателей? Как наш СКАД, к примеру? — Саркастически уточнил Генрих.

— Ну, да. А что здесь противоречивого?

— Город, в котором велись раскопки, по известным мне данным похож на человеческие города, ну по крайней мере в общих чертах. А дом-дерево радикально отличается от любых известных нам построек. В нем сконцентрированы технологии, не имеющие аналогов среди достижений

механики, кибернетики, и прочих «традиционных» для технократического пути развития цивилизации наук. Повторяю, эти существа — плод эволюции иной планеты, которая покрыта лесами, они дети природы, миллионы лет изучавшие ее, развивавшиеся по пути синтеза с биосферой. Будь эта планета родиной насекомоподобных существ, мы бы видели не отдельные островки черной растительности, которые они успели создать за короткий период колонизации, здесь все было бы покрыто различными растительными формами. А что мы видим на самом деле? Пустыню. Истощенные недра — это могу сказать с уверенностью, потому что на планете единственным источником полезных ископаемых остался океан. Пустыня, под прахом которой лежат города. Вдумайтесь — это логический финал долгого развития цивилизации, похожей на нашу, — эксплуатация ресурсов, создание механизмов, взлет до невиданных высот научно-технического прогресса, а затем внезапный упадок, как результат истощения естественных ресурсов. Хотя они могли просто покинуть свою прародину, переселившись в миры иных звездных систем. Этого мы не знаем, но такое развитие событий не противоречит существующей на сегодняшний день картине. А что до техники, «вышедшей из-под контроля» — даже мне, человеку далекому от кибернетики понятно, что у рагдов или олонгов нет потенциала саморазвития, это примитивные исполнительные механизмы, созданные, как мне кажется, исключительно в целях борьбы с пришельцами.

— Генрих прав. — Антон рассматривал схему ручного лазерного излучателя, найденного среди останков. Это заимствованная технология. Такие же излучатели монтируются на рагдах.

— Значит две цивилизации… А мы, выходит, третья раса, проявившаяся здесь уже после уничтожения колонии насекомоподобных существ? — вступила в дискуссию Дана.

— Да, это более всего подходит к реальному положению вещей. — Светлов встал, прошелся вдоль экранов, и, обернувшись, продолжил:

— Меня всегда удивляла тактика атакующих Цитадель механоформ. Хитвары держаться в стороне, первую волну атаки составляют рагды, олонги вообще не успевают выйти на дистанцию эффективной стрельбы. Три, ну максимум четыре хитвара могли бы разрушить оборону Цитадели, если бы атаку начинали они, пробивая своим мощным вооружением стены городских укреплений, открывая дорогу юрким рагдам, но они не делают этого, каждый раз атака завершается, едва начавшись — наши системы обороны уничтожают определенное количество механизмов первой волны, и вся армада прекращает наступление, поворачивает назад, иногда один или

два залпа хитваров все же бьют по городским укреплениям, нанося колоссальный ущерб, но механоформы как будто не замечают этого, не делают никаких выводов, они тупо исполняют однажды заложенную программу, рассчитанную для противоборства с кем или чем угодно но только не с людьми.

— Зато их тактика идеально подходит для атаки муравейника. — Заметил Фогель. — Теперь мне понятно, почему у рагдов ограничена мощность излучателей. Ее достаточно чтобы прожечь хитин, и вообще, конструкция этих бестий идеально подходит для атаки такого «гнезда» — они способны продвигаться по тесным тоннелям, уничтожая многочисленного, но слабо защищенного противника. Хитвары вообще, по моему мнению, всего лишь «носители», на борту которых перезаряжаются, ремонтируются или даже воспроизводятся рагды. А олонги мощные, но медлительные служат для завершающей части операции — они призваны уничтожить атакованное рагдами гнездо, когда у дерева уже не осталось защитников.

— Да, согласен. — Клаус почесал затылок. Многие олонги оснащены химическим оружием, и я лично видел, как они опрыскивают деревья в черном лесу.

— Значит, наши предки сами того не подозревая спровоцировали появление механоформ? — Предположила Дана, которая в силу обстоятельств не могла принимать участия в многочисленных дискуссиях на эту тему и сейчас высказывала собственные догадки, приходя к тем же самым выводам.

— Каким образом? — Антон пристально посмотрел на нее.

— Раскопками, — ответила Дана. — Терраформированием пустыни. Мало ли чем.

— Важное уточнение. — Миллер вновь привлек внимание к своей персоне, смешно подняв руку, как ученик в школе. — Я хочу сказать, что очнулись только механоформы, но не их создатели. Это говорит в пользу того, что они покинули планету. Их больше нет.

— Не факт. — С сомнением произнес Светлов.

— Факт, Антон, Факт, неоспоримый хотя бы потому, что механоформы таки и не изменили своей тактики. Останься на планете хотя бы один представитель исконной цивилизации, он бы наверняка принял во внимание, то обстоятельство, что машины имеют дело и с иным противником, и постарался бы оптимизировать их действия.

— Весомый аргумент. Но недостаточный, чтобы убедительно доказать отсутствие на планете представителей исконной цивилизации. К примеру,

ты, Генрих, можешь перепрограммировать хотя бы автопилот флайкара?

Миллер сконфузился.

— Нет, не могу. У меня недостаточно знаний для этого.

— Вот именно.

После последней фразы Светлова наступила короткая пауза, которую нарушил Фогель:

— Интересно, а СКАД располагает подобными сведениями?

— Должен располагать. — Уверенно ответил Фогель. — По крайней мере, на оперативных совещаниях, по вопросам обороны, на которых я регулярно присутствовал, постоянно фигурировали свежие данные орбитального сканирования. Со спутников, запущенных СКАДом, контролируется вся площадь материка, отслеживаются перемещения механоформ, что позволяет прогнозировать очередную атаку.

— А где их база?

— У хитваров нет базы. Они никак не привязаны к местности. А вот олонги чаще группируются вкруг раскопанного города. Стаи рагдов так же перемещаются без видимой системы.

— Хорошо, подведем итог. Мы имеем ряд предположений, но подтвердить или опровергнуть наши догадки могут либо длительные кропотливые исследования, либо информация, сохранившаяся в центре управления раскопками. Остается неясным поведение СКАДа, — он наверняка обладает информацией об имевшем место конфликте двух рас, но держит ее в тайне.

— А как он может ее использовать?

— Элементарно. Зная, что механоформы придерживаются определенной тактики, обладая сведениями об их дислокации, СКАД давно мог спланировать и осуществить серию превентивных ударов, цель которых — уничтожение хитваров.

— Верно. Но почему он не сделает этого?

— Думаю, СКАД опасается, что на планете все еще присутствуют представители исконной цивилизации. Он пытается сохранить «статус кво», при котором атаки механоформ не увенчаются глобальным успехом. Он не идет на обострение ситуации, потому что обладает частью неизвестной нам информации. Другого объяснения я не вижу.

— И при этом его сильно заботят проникновения в сеть. — Добавила Дана. — Это тоже может являться косвенным свидетельством, что настоящие хозяева планеты все еще тут, и не сидят, сложа руки.

— Кстати… — Впервые за время обсуждения заговорил Хоук. — По-моему все проблемы начались после твоего проникновения в сеть. Или я

ошибаюсь?

— Нет, не ошибаешься. — Холодно ответила ему Дана.

— А как позволь спросить, ты это сделала? Ведь личные вселенные — это наиболее защищенный массив информации?

— Не знаю. — Откровенно ответила Дана. — Пока не знаю. Все произошло машинально. Но я разберусь с этим вопросом. — Пообещала она, демонстрируя, что окончательно пришла в себя и не собирается уклоняться от ответов на, казалось бы, «неудобные» для нее вопросы.

* * *

«Ланцет» медленно продвигался по бездорожью.

В этой части материка не происходило процессов терраформирования, но окружающие ландшафты хранили следы иных воздействий, все чаще на пути машины попадалась разбитая техника неизвестной цивилизации, креме нее на покрытой оспинами воронок равнине сканеры «Ланцета» фиксировали странные образования — спекшиеся глыбы органического вещества, утратившие свою изначальную форму, они попадались все чаще и чаще, наводя на мысль, что сканирующие комплексы фиксируют останки крупных объектов, которые моги принадлежать насекомоподобным существам.

Энергия плазменных ударов превратила их в совершенно безликую массу, не способную поведать о своем былом предназначении, но системы анализа все же утверждали, что органика, из которой когда-то состояли загадочные объекты, имеет сходство с черными деревьями.

Крупицы информации все еще не складывались в картину *понимания* истинной сути происходивших тут событий, но постоянное накопление данных позволяло надеяться на скорую разгадку.

К тому же «Ланцет», следуя заданному маршруту, неумолимо приближался к площади раскопок, обнаживших из-под земли целый город неведомой цивилизации.

…

Антон и Дана сидели в салоне, наблюдая за безжизненными ландшафтами.

— Дана, ты помнишь наши встречи в виртуалке?

— Смутно.

— Где ты жила? Я искал тебя, но не смог определить даже района, откуда осуществлялся вход в сеть.

— Антон, я не могу ответить на твой вопрос.

— Почему?

— Все как в тумане. Я не помню где жила, кем были мои родители… Ничего кроме черного леса… — Она продолжала смотреть на экраны, словно впитывала взглядом мертвый ландшафт.

— А ты? Какой ты меня запомнил?

— Странной. Такая серьезная, рассудительная…

— Словно и не девочка вовсе?… — Дана повернулась, и ее взгляд обжег Антона.

— Да, наверное, сейчас я бы мог сказать именно так. — Он не отвел своего взгляда. — А тогда ты казалась мне просто странной.

— А зачем ты пытался меня найти?

— Хотел встретиться.

— Зачем? — Настойчиво переспросила Дана.

Антон на миг растерялся.

Действительно, зачем?

Дана вновь отвернулась к экранам.

— Мы что-то потеряли, Антон. Что-то очень важное. Ты ведь тоже был странным мальчиком, верно?

Он задумался.

— Да. — Он сейчас вспоминал свои взаимоотношения со сверстниками, подвергая их бесстрастному анализу повзрослевшего рассудка. Его никогда не тянуло к девчонкам, Дана являлась единственным исключением из правила, но он всегда думал о ней, обособляя ее образ, от «остальных». Сейчас он не видел причины, почему? Что за незримая нить связывала их с первой встречи в сети?

Мысли вернулись к заданному ей вопросу.

Что он в действительности мог рассказать о себе?

Она не помнила детства, а он его не запомнил. Единственным существом, которого Антон мог назвать другом, был ИПАМ. Только сейчас, вдумавшись, Светлов понял, как сильно он отличался от своих сверстников. Слишком серьезный, спокойный, целеустремленный, — какой ребенок станет заниматься самообразованием, просиживать днями за терминалом сетевого компьютера в поисках информации, собирать ее по крохам и получать от этого если не удовольствие, то чувство морального удовлетворения.

Потом его судьба круто измелилась, но стал ли он другим, завербовавшись в колониальную пехоту?

Нет. Теперь он вдруг с запоздалым прозрением понял, почему он, Фогель и Фриенбагер сумели выжить в том аду.

Они, в отличие от других сражались жестко, расчетливо, не проявляя

ни глупого героизма, ни трусости, — сейчас он с трудом вспоминал лишь бледные отзвуки эмоционального восприятия того боя.

А разве что-то изменилось после?

Он продолжал заниматься сбором интересующей только его информации, строил модель далекой прародины, спокойно, организованно, профессионально исполнял свои обязанности, ел, спал, погружаясь в «параллельность». Выходит, что кроме самых ярких событий того боя, его не волновала жизнь?

— Ты ведь не жил, правда? — Будто угадав его мысли, спросила Дана.

— Да. — Глухо ответил Антон.

— И я не жила. А потом вдруг… с меня будто содрали кожу, вывернули наизнанку, оголили все нервы… — Она говорила прерывисто, взволнованно. — Я очнулась с таким чувством, словно долго, беспробудно спала… Знаешь, что поразило меня больше всего? Запахи. Я буквально сходила с ума от разных запахов. И еще холод. — Она поежилась. — И только твой образ не позволял мне умереть там, где я очнулась.

— Знаешь, мне кажется, если спросить Курта или Клауса они тоже скажут, что не жили.

— Почему?

— Я знаю их. Разные судьбы с одинаковым смыслом. Мы похожи друг на друга, и отличаемся от Миллера или Энтони.

— Ты только сейчас это понял?

— Не, наверное, чуть раньше. Когда впервые увидел Миллера. Он показался мне абсолютно беспомощным. Бросив вызов системе, он оказался совершенно не готов к противостоянию. Он боялся.

— Чего? — Не оборачиваясь, спросила Дана.

— Смерти. Физической боли.

— А ты?

— Я? — Антон на секунду задумался. — Нет, я не боюсь. Но что-то все же случилось после сканирования памяти. Я стал опасаться, что не успею узнать правду, не отвечу себе на все заданные вопросы.

— И все?

Светлов смотрел на нее, пока Дана не повернула голову.

— Еще я боюсь потерять тебя. Отчаянно боюсь. — Глухо признался Антон.

Дана не ответила. Она чувствовала то же самое, понимала, что способна *отдать за него жизнь,* но не понимала — почему?

Часть 3. ИНЫЕ

Глава 9. Район «сверхсекретного объекта»…

Издали раскоп выглядел как давно заброшенный карьер: цепочка оплывших холмов обозначала зону отвалов, куда вывозился грунт, непосредственно руин пока еще видно не было, но окружающая обстановка по мере приближения «Ланцета» к загадочному городу менялась с каждым пройденным километром: повсюду датчики сенсорных систем фиксировали множество очагов энергетической активности, их становилось все больше и сигнатуры, идентифицированные бортовым компьютером по базе данных, вовсе не радовали, — вокруг кроме бесчисленных рагдов сканеры фиксировали пять хитваров, более сотни олонгов и еще несколько неопознанных крупных механоформ.

Не требовалось большого ума и глубокого знания истории колонии, чтобы взаимосвязать два явления. Чуждые формы механизмов явно концентрировались над зоной раскопок, они контролировали ее, защищали от вторжения, — видимо неосторожные действия археологической экспедиции затронули места их исторического базирования, пробудив сонмища механизмов от спячки энергосберегающего режима.

На борту «Ланцета» напряжение ожидания постоянно росло, по мере сокращения расстояния до древнего города.

Машину по-прежнему вел Фриенбагер, — только он мог в критической ситуации взять ручное управление, остальным вольно или невольно приходилось лишь наблюдать.

Светлов чувствовал, как непонятные, но необратимые изменения не просто вторгаются в рассудок, порождая смутные, полуосознанные и по большей части незнакомые образы, — в душе нарастал надрыв, слом, еще немного и его воля уже не сможет противостоять необъяснимому воздействию.

— Дана, ты чувствуешь внешнее воздействие?

— Нет.

— Странно. — Светлов посмотрел на экраны, где, как по заказу, почти у самой земли пронеслась стая рагдов, затем перевел взгляд на Миллера и Хоука.

— Вы тоже ничего не ощущаете?

Энтони скривился.

— Я ощущаю, что нам здесь не место! — Грубо ответил он.

Ясно. Этот ничего, кроме собственной злобы, не чувствует.

— Док?

— Я не могу ничего ответить, Антон. Внешнего воздействия на меня нет, разве что видеоряд жуть нагоняет.

— Клаус, что у тебя, доложи.

— Все в норме командир. Фогель немного нервничает, а так порядок. Фантом-генераторы пока справляются, рагды спокойно летают мимо, как видишь. Посмотрим на реакцию крупных механоформ. Я немного изменил курс, пройдем в километре от группы олонгов, в зоне эффективной работы их сканеров.

— Добро. — Светлов еще раз взглянул на экраны, и приказал: — Всем экипироваться.

— В смысле? — Миллер вопросительно посмотрел на Антона.

— По полной боевой. — Ответил Светлов.

— Вообще бред! — Хоук не знал, на ком сорвать свою злость. Он не понимал, зачем его притащили сюда? Чтобы дать возможность героически подохнуть?! Ради чего?!

— Энтони, я не намерен спорить с тобой. — Тон Светлова был глухим, угрожающим, ему едва хватало сил, чтобы противостоять усиливающемуся давлению на разум, а тут еще Хоук ведет себя как…

А как он ведет себя? — Мысленный вопрос вдруг больно задел за живое. — *Может это со мной не все в порядке, а реакция Энтони на сонмища чуждых, агрессивных механоформ, как раз нормальна с точки зрения здравого смысла?*

— Короче, Хоук, решай, или ты с нами, и выполняешь приказы, или иди в каюту, закройся там и причитай, сколько влезет. В крайнем случае, тебя спасет автоматика.

— Ага, заморозит на неопределенный срок… — Фыркнул Энтони. — Буду себе лежать, постепенно песочком засыплет, и нормально… Когда-нибудь найдут. Нет уж… Драться — значит драться.

— Тогда поступай, как решил, и не доставай меня больше. — Светлов чувствовал, что балансирует на грани срыва.

* * *

Несмотря на сделанное предупреждение, Хоук все-таки не унялся.

— Ну, ответь, Антон, за каким… мы лезем в самое пекло? — В очередной раз угрюмо осведомился он, проверяя работу коммуникационного канала боевого шлема.

Светлов ответил не сразу.

Он прислушивался к внутренним ощущениям и, нужно сказать,

испытывал в этот момент немалое облегчение: непонятный прессинг исчез, как только заработали электронные системы экипировки.

Значит, я не ошибся. Воздействие внешнее. Вот только вопрос: как оно пробивало защиту «Ланцета» и почему исчезло сейчас?

А что если стороннему воздействию не нужно было преодолевать экранирующие поля систем фантом-генераторов? — Светлов невольно обернулся, посмотрев на Дану.

— Что? — Спросила она, включив выделенный канал связи.[14]

— Я минуту назад спрашивал тебя о внешнем воздействии.

— Я же ответила, что не ощущала и не ощущаю никаких посторонних сил.

— У тебя не было в тот момент смутных видений? Как будто ты что-то пытаешься вспомнить, но образы выходят расплывчатые, непонятные, и тревожные?

— Да. Я и сейчас ощущаю нечто подобное.

Антон вздрогнул.

Значит, это она воздействовала на меня. Вот почему защитные поля «Ланцета» не имели возможности защитить мой рассудок…

— Дана, твой имплант подключен к кибернетической системе экипировки?

— Да.

— Включи телеметрию данных на выделенном канале. Сеанс связи — десять секунд. Потом выключаешь трансляцию.

В следующий миг он ощутил удар. По-другому назвать мгновенное ощущение обрушившегося на разум прессинга Антон не мог. Это был именно удар, тоскливый болезненный, но в тоже время созвучный каким-то потаенным частицам его собственной души.

Он шумно выдохнул и спросил:

— Дана, ты постоянно чувствуешь *это*?

— Ощущения то усиливаются, то совсем исчезают. Зависит от многих факторов. Прежде всего от настроения и окружающей обстановки. Пока это все, что я сумела выяснить наверняка. — С горькой усмешкой ответила она. — Больно было?

— Тоскливо.

— Как будто ищешь частичку себя и не можешь найти?

— Да…Ты в состоянии… справиться с этим?

— Нет, Антон. Я не хочу, и не буду противиться. Если эти образы — часть меня самой, почему я должна душить, отвергать их?

— Ты сойдешь с ума. Так нельзя.

— А ты не сумасшедший, Светлов? — Она впервые назвала его так, словно дистанцировалась этой фразой от Антона. — Хоук задал тебе вопрос, — ее голос дрожал от напряжения — почему ты не ответил ему? Зачем ты лезешь сюда?

— А куда мне лезть?! — Он все же сорвался, не сдержав копившейся ярости, — Меня вывернули наизнанку, прочитали память, пытались убить! КУДА ПОДАТЬСЯ НА ЭТОЙ ПРОКЛЯТОЙ ПЛАНЕТЕ?!

— Не кричи. Я хорошо слышу.

— Извини. — Антон перевел дыхание. — Назад не поверну. Хочешь сдаться СКАДу, послужить материалом для его исследований? Тогда зачем ты просила о помощи?!..

— Антон, прошу, не злись. Я тоже сорвалась. Знаю, ты пойдешь до конца. Мы все погибнем… — В голосе Даны вдруг прозвучали нотки фатализма. — Но я буду рядом. Не сомневайся.

— Почему?

— Не знаю. Не могу ответить. Может потому, что кроме тебя нет никого. В мыслях только полуосознанный бред… и ты.

Мы потерялись. Мы все потерялись…

Светлов взглянул на Хоука, затем на Миллера.

Забрала их шлемов были подняты. Лица настолько разные, но *живые, — вот кто из нас не потерялся, так это Генрих и Энтони.* — подумалось Светлову. — *Они точно знают, чего хотят и чего боятся*…

…

— Внимание в отсеке. — Раздался по громкой связи голос Клауса. — Мы в зоне досягаемости сканирующих систем олонгов. Дистанция до города — пять километров.

— Всем загерметизировать шлемы! — Приказал Светлов, открывая оружейный отсек, где у Фриенбагера хранился приличный арсенал, включавший не только стрелковые виды вооружения, но и ручные зенитно-ракетные комплексы, переносной генератор плазмы, несколько автоматических караульных роботов и еще много незнакомых Светлову устройств.

Мы все погибнем… — Взгляд скользил по орудиям истребления, а в голове эхом отдавалась фраза Даны.

— Прошли в четырехстах метрах от олонгов. Никто даже не дернулся. Впереди вижу дороги, проложенные нашей техникой. Котлован просто огромный. Включаю трансляцию с внешних камер наблюдения.

…

Кровь стыла в жилах.

Прах тысячелетий вихрился, образуя плотные клубы пыли, стелящиеся вслед движению «Ланцета».

Вокруг, куда ни глянь, уже без посредства сканирующих комплексов четко различимы чуждые механизмы; рагды, словно перелетные птицы перед миграцией, кружили над руинами древнего города, сбиваясь в плотные стаи, им не было числа, небеса едва просматривались сквозь скопления шустрых сферических механоформ. По краю котлована, куда спускалось множество наполовину стертых временем дорог (проложенных в процессе раскопок) застыли обтекаемые, похожие на вытянутые металлокерамические капли силуэты олонгов.

Чуть ниже скоплений рагдов плавно кружили три исполинских хитвара, похожие на тысячекратно увеличенные копии скатов — обитателей океанов далекой Земли…

Светлов только сейчас, глядя на окружающую реальность, впервые почувствовал: Хоук прав, нужно быть настоящим безумцем, чтобы дерзнуть появиться здесь, надеясь лишь на собственное упрямство, да на исправную работу фантом-генераторов «Ланцета».

Они сидели в глубоких креслах, экипированные для боя и смотрели на мощь, способную одним массированным ударом стереть с лица планеты человеческий город, сравнять неприступную Цитадель с землей, не оставив даже намека на ее былое существование.

Что говорить о «Ланцете» и людях, молча наблюдавших за смертельно-красивым, нагоняющим жуть, плавным скольжением хитваров?

Они ощущали себя не более чем пылинками, лежащими на ладони великана.

Оцепление олонгов осталось позади.

Никто не проронил ни звука. Теперь на экранах, наконец, появилась сумеречная панорама остановленных два десятилетия назад раскопок.

Антон знал, что он увидит, но все равно дыхание перехватило, когда на дне огромного котлована проступили очертания искореженных конструкций: город не просто лежал в руинах, — он был разрушен до основания, но не сокрушительным ударом каких-то вооружений — его уничтожило *время*.

Собственно, археологической экспедиции удалось снять лишь пятидесятиметровый пласт песка и мелкой спрессованной пыли, обнажив верхнюю часть супермегаполиса, которая рухнула, подмяв под себя низлежащие уровни. Если оценивать площадь раскопок и сравнивать обнажившиеся из-под тысячелетних наслоений элементы конструкций

(которые казались похожими на выступающие над поверхностью раскопа фрагменты скелета невиданного, исполинского животного), то можно было смело предположить, что в период своего расцвета город занимал всю центральную площадь материка, и усилия археологов обнажили лишь ничтожную его часть.

Было непонятно, как обветшавшие конструкции, не выдержавшие собственного веса, рухнувшие, похоронившие под собой существовавшую некогда структуру, могли соседствовать с той часть раскопа, где явно просматривалась планировка улиц? Создавалось впечатление, будто небольшой одноэтажный город был выстроен относительно недавно, прямо на руинах супермегаполиса.

Обманчивое заблуждение. То был не город, а производственная инфраструктура, вернее ее часть, опять своеобразная «вершина айсберга». Несомненно, глубже располагались автоматизированные производства, где машины воссоздавали себе подобных. Если следовать логике недавних открытий, сделанных у произраставшего на отшибе исполинского черного дерева, то несложно предположить: цеха по производству механоформ были выстроены, когда мегаполис загадочной цивилизации уже лежал в руинах, но еще не был полностью погребен под наслоениями песка.

Оставалось непонятным: кто спустя тысячи лет после гибели города-гиганта сумел воссоздать сложнейшие роботизированные комплексы, явно рассчитанные на борьбу с насекомоподобными существами, которые вознамерились колонизировать планету?

Ответ на эти вопросы следовало искать либо в глубинах погребенных под землей коммуникаций, либо в компьютерном центре отстроенного прямо на территории раскопа человеческого поселения.

Антон склонялся ко второму варианту и потому, соединившись с Клаусом, произнес:

— Держи курс на лагерь археологов. Попытаемся проникнуть в компьютерный центр «сверхсекретного объекта».

— Понял.

* * *

Фантом-генераторы все-таки справились с задачей, они надежно прикрыли «Ланцет» от систем сканирования чуждых механоформ.

Пока машина двигалась по нешироким улицам промышленной зоны, Антон, глядя на знакомые места, думал: *вот бы нам двадцать лет назад иметь такие системы маскировки… Мы бы эвакуировали всех, не понеся при этом потерь.*

А ведь «Ланцет», по словам Фриенбагера, являлся типичной моделью вездехода, комплектующие к которым нес на борту колониальный транспорт.

Почему многие технологии были утрачены, либо злонамеренно спрятаны, законсервированы?

Он понимал, что не найдет простого, односложного ответа…

Огражденные разрушенным периметром постройки базы приближались, казалось, прошлое само движется навстречу, укрупняясь в размерах, показывая детали, пробуждающие и так неспокойную память.

Вот на перекрестке улиц лежит, перевернувшись набок, выгоревший дотла боевой вертолет, чуть дальше веерный удар плазмы опалил и оплавил стены невысоких построек, на ухабистой дороге все чаще появлялись провалы прямоугольных отверстий — выходы транспортной системы, из которых вырывались сотни рагдов, атакуя бойцов взвода, разделившихся попарно для поиска контейнеров.

Смерть. Она смотрела на Светлова со всех сторон, пробуждая страшные картины, здесь не было ничего понятно, живого, лишь чуждые механизмы да немые свидетельства прошлого.

Он с трудом сдерживал себя, чтобы не выдать гложущих разум и душу противоречивых чувств.

Дана молчала, она казалась безучастной к происходящему, погруженной в собственные мысли и переживания, которые теперь таила в себе, остерегаясь выплескивать наружу в неконтролируемом излучении передатчиков импланта.

Миллер и Хоук сидели неподвижно, они следили за изображением на экранах, мысленно моля лишь об одном: хоть бы удалось пройти и этот, последний, наверное, самый опасный участок безумного пути, и оказаться под относительной защитой полуразрушенных построек базы археологической экспедиции.

Наконец «Ланцет» миновал сорванные с направляющих ворота и внезапно свернул, одновременно начиная спуск по пологому пандусу, ведущему к открытым ангарам нижнего уровня.

У Фриенбагера тоже начинали сдавать нервы, — он машинально искал укрытие, стремясь проложить курс «Ланцета» с таким расчетом, чтобы машина как можно глубже и дальше прошла по сохранившимся участкам дорог и тоннельных переходов, оказавшись ниже уровня остановленных раскопок, фактически «под землей», там, где возведенная людьми бункерная зона соседствовала с рухнувшими уровнями древнего супермегаполиса.

* * *

Им удалось проникнуть вглубь комплекса.

Это казалось чудом, хотя являлось лишь следствием работы тщательно настроенных и не допустивших ни единого сбоя маскирующих систем.

Мягкий толчок торможения возвестил об окончании пути, и лишь несколькими секундами позже ожила система внутренней связи.

— Все… Приехали. — Голос Клауса звучал хрипло, надсажено, он отдал все моральные и физические силы, истратив их в неимоверной нагрузке: провел «Ланцет» через узкий лабиринт руин, преодолев не столько путь, сколько невероятный моральный прессинг, имевший множество источников, начиная от угрожающего вида и несметного количества чуждых механизмов, взрывов эмоций от пробудившихся в памяти картин прошлого, и заканчивая постоянно давящем грузом ответственности, — только у него не было на протяжении всего пути права на ошибку, потому что любое неверное действие однозначно вело к гибели.

Фогель, контролировавший системы вооружений «Ланцета», шумно выдохнул, затем посмотрел на голографическую модель «археологической базы», заглубленной прямо в руины древнего города и нервно присвистнул.

— До компьютерного центра метров семьдесят, если брать расстояние по прямой. — Озвучил он показания приборов. — Но тут не только лагерь археологической экспедиции. Вы только посмотрите на модель!

Над столешницей установленного в центре салона стола возникло точная копия голограммы, которую только что изучал Курт.

Голограмма воспроизводила только ту часть коммуникаций, куда проникло излучение сканирующих комплексов «Ланцета», но и малой части сооружений бункерной зоны вполне хватило, чтобы все без исключения могли разделить изумление Фогеля — наземная территория «лагеря археологов» на самом деле являлась ничтожной частью уходящих глубоко под землю, разделенных на уровни сооружений, выполненных по всем правилам капитального строительства бункерных зон: на модели были отчетливо видны сотни помещений, выделялись трубопроводы систем замкнутого цикла жизнеобеспечения, присутствовало множество не до конца понятных объектов, соединенных в общую структуру.

— Клаус, как ты считаешь, мы достаточно углубились под землю? — Отведя взгляд от голографического изображения, спросил Светлов.

— Достаточно для чего? — Уточнил Фриенбагер.

— Мы можем покинуть борт «Ланцета», не рискуя быть

обнаруженными?

— Какие я могу дать гарантии, Антон? Сам понимаешь, там, где прошел «Ланцет», может запросто проскользнуть и рагд. Тогда крышка. Все механизмы с поверхности устремятся сюда.

— Хорошо, как мы можем защититься?

— Без разведки любая мера будет временной и ненадежной. Нужно знать точную схему всех подземных уровней, тогда мы сможем перекрыть проходы и бреши генераторами защитного поля.

— Поможет против рагдов?

— Однозначно. Хуже другое, мы до сих пор не знаем, как у них организовано взаимодействие. Если внезапное исчезновение одной механоформы будет воспринято как сигнал тревоги — не помогут и генераторы защиты. Ты же понимаешь, что через тоннели, которые прошел «Ланцет», смогут проникнуть не только стаи рагдов, но и олонги.

— И все-таки Клаус, подумай, что мы можем сделать. В конце концов, ты лучше знаешь возможности своей машины.

— Я понял тебя. Предлагаю следующее: на борту есть автоматы разведки. Выпустим их, пусть проберутся в направлении компьютерного центра или даже попытаются проникнуть в него. Мы не будем покидать «Ланцет», останемся под защитой фантом-генераторов.

— Здравая идея — ответил Светлов. — Так мы сможем определить безопасную зону. Для начала хоть что-то. На какой мы сейчас глубине?

— Минус сорок метров от уровня поверхности. Над нами три перекрытия армированного бетона суммарной толщиной в девять метров.

— Капитально строили археологи… — С невыразимой горечью в голосе произнес Антон. — Все ложь… — тихо, словно разговаривая сам собой, добавил он. — Вся жизнь от начала и до конца.

— Не будем говорить плохо о мертвых, командир. Я выпускаю аппараты разведки.

* * *

Прямого пути к компьютерному центру, как вскоре выяснилось, не существовало. Раньше он кончено был, но теперь между точкой остановки «Ланцета» и нужными помещениями в тоннелях и переходах бункерной зоны разведывательные боты то и дело обнаруживали завалы, вынужденно поворачивая назад, следуя в обход; два из трех выпущенных Клаусом аппаратов при этом перешли на низлежащий уровень, и только один двигался к поверхности.

Все данные с их сенсоров выводились на информационные экраны.

Фриенбагер и Фогель покинули кабину управления, присоединившись к остальным членам экипажа.

— Я ввел в бортовой компьютер в режим охраны. — Сообщил Клаус.

— Автоматика не подведет? — Антон на секунду оторвал взгляд от экранов, посмотрев на Фриенбагера.

— До сих пор не подводила, как видишь. — Устало ответил тот. — Нет больше сил, командир. Сейчас найдем безопасное место и нужен тайм-аут. Стимуляторы уже не помогают, вторые сутки на ногах.

— Понимаю. Конечно, всем необходим отдых.

Пока они разговаривали два аппарата разведки столкнувшись с очередными преградами в виде проломленных бетонных плит и деформированных металлоконструкций, и в поисках выхода перешли на минус третий уровень, одновременно пополнив голографическую схему бункерной зоны новыми подробностями: на глубине семидесяти метров от поверхности раскопа повреждения практически отсутствовали, а планировка помещений радикально отличалась от всего зафиксированного ранее.

Пять похожих на дольки апельсина залов, тесно примыкали друг к другу, образуя окружность с магистральным тоннелем посередине. Непосредственно к тоннелю, образуя небольшую в сравнении с размерами самих залов прослойку, по кругу располагалось двадцать пять помещений, среди которых десять являлись стандартными жилыми модулями, остальные же были отданы под различные медицинские, кибернетические и общеисследовательские лаборатории.

Что сразу обращало на себя особое внимание — это четыре радиальных тоннеля. Проходя на границе подземных уровней, они пересекали второе, «внешнее» транспортное кольцо и… продолжались, углубляясь в руины древнего супермегаполиса.

Один из аппаратов разведки по команде Клауса изменил задачу и начал продвижение по ближайшему из четырех тоннелей, Через несколько минут его сканеры обнаружили огромную полость неправильной геометрической формы.

Видеоряд с камер разведывательного бота показал огромный, сравнимый по своим масштабам со всей бункерной зоной зал, свод которого терялся во мраке.

Пространство исполинской «пещеры» изобиловало различными идущими от сводов, или начинающихся от стен сооружений, частично смятых, частично переплетенных между собой. Целые «комнаты» висели в воздухе, поддерживаемые соединявшими их, просевшими,

деформированными переходами, казалось, что все пространство пещеры заплетено протянувшейся в трех измерениях металлокерамической сетью, имеющей сотни различных по размерам утолщений.

— Вот где велись *настоящие* раскопки… Все, что мы видели на поверхности лишь прикрытие, созданное для отвода глаз — Предположил Миллер, у которого дыхание перехватило от сюрреалистического вида освобожденной от земли, мусора и обломков *истинной* структуры существовавшего тысячи лет назад города.

— Вероятно, Генрих прав. — Поддержал мнение доктора Фогель. — Или здесь работало несколько экспедиций, каждая из которых имела свою задачу и зону изысканий.

— Непонятно зачем здесь понадобились кибернетические и медицинские лаборатории? — Спросила Дана, пристально рассматривая пополнившуюся голографическую проекцию.

— Мы можем это узнать, — неожиданно заявил Клаус.

— Каким образом? — Осведомился Хоук, с удрученным видом созерцавший сумеречные очертания чужеродных конструкций (изображение продолжал транслировать один из аппаратов разведки). Кадры из «сумеречного зала», как мысленно окрестил это место Энтони, явно не приводило его в восторг.

— Уровень уж больно соблазнителен… — Фриенбагер начал поворачивать схему, разглядывая «обрубки» различных тоннелей и переходов, спроецированные только до тех пределов, куда доставали сканирующие излучения аппаратов разведки. — Если существует обходной путь по тоннелям, образующим «внешнее кольцо», по периметру каждого уровня, то можно попытаться провести «Ланцет» в интересующую нас зону. Обратите внимание: все внешние транспортные артерии, как кольцевые, так и соединяющие их, имеют большой диаметр. Они специально рассчитаны для крупногабаритной техники. А значит, их прочностные характеристики должны быть выше…

— Логично. — Поддержал его Светлов. — Углубившись на сто двадцать метров мы сможем избежать случайных столкновений с каким-нибудь «шальным» рагдом, и уж наверняка станем невидимы для сканеров крупных механоформ.

— А как быть с компьютерным центром?

— Внизу тоже есть компьютеры и, судя по данным сканирования, даже целые кибернетические лаборатории. — Резонно заметил Светлов. — Мы сможем поступить двояко, либо наладить связь через локальную сеть, либо послать малые аппараты разведки для сбора или изъятия из

расположенного у поверхности центра управления всех сохранившихся носителей информации.

— Второй вариант предпочтительнее. — Произнесла Дана. — Неизвестно насколько повреждена межуровневая структура локальной сети, и как отреагирует на ее реанимацию сохранившаяся автоматика всего комплекса? Словосочетание «сверхсекретный объект», по-моему, предполагает высокую степень защиты информации и самих помещений от несанкционированного доступа, верно?

— Да действовать нужно осторожно. Наши машины могут создать больше неприятностей, чем царящие наверху механоформы.

— Так что, мне отзывать разведчиков? — Спросил Клаус. — Один из них почти добрался до верхнего уровня.

— Нет, отзывать их не нужно. Просто измени задачу. — Посоветовал Светлов. — У механизмов разведки есть манипуляторы? — Тут же осведомился он.

— Естественно.

— Тогда пусть номер первый займется изъятием кристаллов памяти.

— Ладно. — Кивнул Клаус. — Два оставшихся аппарата я поворачиваю, пусть двигаются нам навстречу, сканируя магистральные тоннели. — Вот тут, — Фриенбагер указал на схему, — я вижу, что «Ланцет» можно вывести на «кольцо» второго уровня.

— Давай попробуем.

* * *

«Ланцет» вновь продвигался по транспортной структуре бункерной зоны. Место Фогеля в кабине управления занял Светлов, оставив Курта в салоне, контролировать действия того разведчика, что сумел подняться к разрушенному центру управления.

Дана молча наблюдала как свет фар «Ланцета» взрезает мрак подземелий, открывая взгляду монотонные подробности произошедшей тут катастрофы.

Очевидно, когда взвод лейтенанта Крамера вступил на территории раскопа в бой с чуждыми механизмами, энергия плазменных залпов хитваров и олонгов размягчила находящиеся на глубине металлические конструкции, проникающее излучение разогревало опоры до температур плавления, отчего произошла деформация всего комплекса бункерной зоны, и прилегающей к подземельям руин мегаполиса, которые тоже плавились и оседали, теряя жесткость.

Впрочем, не картины разрушений и унылое запустение волновали ее

рассудок.

Глядя на экраны Дана силилась вспомнить, кем она была, что делала тут… ведь теперь уже не вызывало сомнений, что контейнеры, за которыми послали роту молодых ребят, содержали индивидуальные камеры поддержания жизни, по сути — спасательные капсулы с непонятно-большим автономным ресурсом. Попытка ответить на один вопрос, тут же вызывала множество других. Действительно, меры предосторожности, как и средства личного спасения, археологи должны были предусмотреть, но к чему использовать столь сложную аппаратуру? До Цитадели четыреста километров по прямой, так не проще было оснастить спасательные капсулы индивидуальным средством передвижения?

Дана чувствовала, что невероятно устает от подобных размышлений. У нее опускались руки, пропадало всякое желание искать ответы, к тому же прессинг со стороны подсознания не прекращался ни на минуту, туманные образы, то и дело возникавшие перед мысленным взором не несли информации, они были бессмысленными расплывчатыми, в них невозможно было угадать очертания предметов или детали ландшафтов. Зато тоскливое и тревожное чувство, сопровождавшее размытые, не имеющие смысла, не несущие полезной информации «воспоминания», ощущалось остро и внятно.

Дана покосилась на Миллера, потом пересела в соседнее с ним кресло и тихо спросила:

— Генрих, я совершенно не разбираюсь в экипировке. Антон что-то упоминал о системе метаболической коррекции.[15] Как она включается?

— Автоматически. — Миллер наклонился к ней, считывая показания с небольшой информационной панели, спрятанной под бронезаглушкой на правом предплечье. — Милая моя, да вы… он не договорил, будто осекшись, и сняв перчатку, начал быстро набирать коды на расположенной там же сенсорной панели.

Дана вдруг ощутила резкое, граничащее с потерей сознания помутнение рассудка, но дурнота длилось недолго, всего несколько секунд, затем предметы вновь обрели четкость, а вот тревога и смутные видения исчезли, будто их и не было вовсе.

— Что вы сделали, док? — Тихо спросила она.

— Названия и термины вам ничего не скажут, — Генрих попытался ободряюще улыбнуться ей, — не стесняйтесь обращаться, если вновь станет хуже.

— А что со мной было?

— Точного диагноза в полевых условиях поставить не могу. Я наблюдал лишь повышенное давление да необычную сигнатуру нервного возбуждения. Метаболический корректор здесь бессилен. У подсистемы масса ограничений, на применение успокоительных препаратов, иначе боец может неадекватно реагировать на угрозу. А вообще лучшее лекарство — это здоровый сон.

— Спасибо. Я и так достаточно проспала.

Дана прислушалась к себе.

Все исчезло, появилось чувство легкости, вот только образ Антона не таял, мысли по прежнему тянулись к нему, только на этот раз она знала, что если сейчас разблокирует имплант и коснется его сознания то принесет не боль, а…

Она вдруг смертельно побледнела и замерла, машинально отвернувшись, чтобы док не мог видеть ее лица.

Она вспомнила.

Вспомнила, где и когда испытывала такую же легкость.

* * *

— Приехали. — «Ланцет» остановился перед плотно сомкнутыми модульными воротами, перекрывающими доступ на интересующий их уровень.

Фриенбагер погасил фары, но в наступившей кромешной тьме не наблюдалось обычных искр индикации сигналов. Весь механизм ворот был обесточен.

Некоторое время они сидели в темноте, лишь сигналы пульта управления бросали на их лица разноцветные блики.

— Что будем делать? — Клаус вновь включил фары и посмотрел на Светлова.

Антон почувствовал взгляд.

— Как думаешь, здесь есть система доступа?

В первый момент вопрос показался глупым, но потом Фриенбагер призадумался.

Как бы он повел себя на месте постоянных сотрудников бункерной зоны? Они ведь знали с кем, или вернее с чем имеют дело. Здесь на глубине ста двадцати метров от поверхности их окружал мощный «культурный слой» обломков, оставшихся от мегаполиса древней цивилизации. Вероятность возникновения нештатных ситуаций очень велика, но опасность скорее всего могла исходить из двух источников: причиной неприятностей могли стать либо внутренние неполадки на территории

замкнутого уровня, либо внешнее воздействие со стороны реликтовых механоформ.

— Система доступа скорее всего была. — Наконец высказал свое мнение Клаус. — Но кроме нее должны присутствовать и ручные механизмы управления, на случай аварий.

— Вот и я думаю о том же.

— Сейчас выпущу УРМа[16], посмотрим. У него силенок достаточно, если там обнаружиться механика привода.

В кормовой части «Ланцета» открылся грузовой люк, через некоторое время в свете фар появился кибермеханизм, передвигающийся на гусеничном приводе с полимерными траками. Светлову он почему-то напомнил доброго механика-крепыша со страниц детских сказок.

Аппарат разведки вплотную приблизился к массивной преграде и, исследовав ее, без труда отыскал механизм ручного привода.

Энергия в подземном комплексе отсутствовала, через минуту в тиши тоннеля раздался протяжный скрежет затем ритмичный, набирающий обороты перестук, и массивные ворота внезапно дрогнули, начиная раздвигаться в разные стороны.

— Силенок у него хватает, это точно. — Светлов напряженно всматривался в растущую щель.

Вскоре стало ясно, что «Ланцет» дальше обширного зала, открывшегося за модульными воротами, не пройдет. Перед ними был ангар, парковочные места которого частично заполняла различного рода тяжелая техника, предназначенная для перемещения грузов, либо производства землеройных работ.

Въехав внутрь ангара, Клаус запарковал «Ланцет», одновременно передав распоряжение кибермеханизму, чтобы тот закрыл ворота, пользуясь дублирующим, расположенным изнутри приводом.

— Все, мальчики и девочки. Конечная остановка. — Объявил Клаус по общей связи. Обернувшись к Антону, он отключил коммуникатор и спросил:

— Как считаешь, командир, место для передышки — лучше не придумаешь, верно?

Антон осмотрелся. Действительно закрытый со всех сторон ангар сам по себе представлял неплохое убежище, толстые стены, ворота, несколько похожих на шлюзы входов во внутренние помещения уровня, — если поставить дополнительные датчики сигнализации и заблокировать механизмы ворот и шлюзов, то, оставаясь внутри «Ланцета», они могли

чувствовать себя в безопасности. По крайней мере, ни одна чуждая механоформа не обнаружит их тут, за толстыми стенами с экранирующим покрытием, да еще под защитой фантом-генераторов.

— Все равно нужно чтобы кто-то оставался бодрствовать. — Произнес Светлов, открывая двери кабины.

Собравшиеся в салоне члены экипажа отлично слышали фразу командира.

— Я подежурю — Вызвалась Дана, как только Светлов и Фриенбагер появились в салоне.

Антон вопросительно посмотрел на Миллера и, дождавшись его кивка, ответил:

— Не возражаю.

— А как быть с аппаратами разведки? С ними прервалась связь? — Спросил Фогель.

— Они вернуться в автоматическом режиме. — Успокоил его Светлов. — Сейчас все три разведчика исследуют коридоры в районе компьютерного центра. Я задал им точку возвращения, они проследуют вглубь бункерной зоны, как только выяснят состояние носителей информации.

— Короче, всем спать. — Клаус, едва держался на ногах от усталости, но все же наше в себе силы подмигнуть Дане:

— Разбудишь меня через три часа, ладно?

— Договорились. — Она улыбнулась в ответ, потом перевела взгляд на Антона и добавила: — Не беспокойся. Со мной все в порядке.

— Мысли читаешь?

Дана пожала плечами. Она многое хотела объяснить Антону, но сейчас не время. Еще не время…

* * *

За мощными модульными воротами что-то тихо скреблось.

Обострившийся слух Даны отчетливо различал этот звук, переданный внешними микрофонами «Ланцета».

Она прошла в кабину управления включила, сканирующий комплекс и посмотрела на осветившийся экран. За воротами, вопреки тревожному предчувствию, оказались три разведывательных механизма.

Она посмотрела на хронометр приборной панели.

Прошло два с половиной часа.

Странно. Почему разведчики не остановились в условленной точке, а спустились на тридцать метров ниже?

Поднимать Антона или самой разобраться в ситуации?

Открывать массивные ворота было бы крайней глупостью, но на помощь пришел ИПАМ.

Нужно сказать, что после известных событий он как будто оказался не у дел: привычный для Светлова уклад жизни был нарушен, на борту «Ланцета» вмешательство не требовалось и маленький аппарат, обладающий начатками самосознания, чувствовал себя невостребованным.

Сейчас воспринимая исходящие от Даны мысленные образы, он вдруг ясно понял, что его вмешательство может помочь.

Неслышно появившись над плечом девушки, он послал ей сигнал.

Дана вздрогнула, но тут же успокоилась.

— Это ты ИПАМ…

— Есть техническая проблема? — Он задействовал синтезатор речи.

— Да. За воротами аппараты разведки.

— Я могу принять у них информацию. Выпусти меня из «Ланцета». Материал ворот не полностью экранирует сигнал, я могу скопировать содержимое носителей информации.

— У тебя хватит ресурсов? Я бы не хотела размещать непроверенные данные в запоминающих устройствах «Ланцета».

— Ресурсов хватит. — ИПАМ уже успел оценить данные, полученные от разведчиков, и выдвинул из сферического корпуса кассетный лоток.

— Чистые кристаллодиски для записи, пожалуйста. — Попросил он.

Дана улыбнулась. ИПАМ воздействовал на нее особым образом, он был близок и понятен, общение с ним не напрягало, наоборот помогало расслабиться.

— Давай малыш, лети.

…

Через четверть часа операция по копированию данных была успешно завершена. Все три разведывательных аппарата оставались при этом вне ангара. Их удаленное тестирование показало, что разведчики сумели найти и изъять полтора десятка запоминающих устройств из отдельных кибернетических блоков разрушенного компьютерного центра. Затем их сканеры зафиксировали опасно приблизившихся рагдов, и механизмы поспешно ретировались оттуда. В условиях опасности они перешли на исполнение инструкций второго уровня и спускались по подземному лабиринту до тех пор, пока путь им не преградили ворота.

…

Клаус проснулся ровно через три часа.

Его никто не разбудил, и это настораживало.

Он вышел в салон и увидел, что Дана сидит в кресле и, не отрываясь, смотрит в спроецированную ИПАМом сферу голографического воспроизведения, где вращался незнакомый ему логотип. Она беззвучно шевелила губами, явно находясь в прямой мнемонической связи с маленьким кибернетическим устройством.

Оценив ситуацию, Фриенбагер присел в соседнее кресло. Он быстро просмотрел отчет бортовых систем Ланцета и понял, что произошло, пока он спал.

Что ж, Дана поступила верно. Сейчас она, прогнав в тестовом режиме скопированные носители информации, пыталась взломать код доступа к одному из них.

Фриенбагер не стал ей мешать. Дана действовала через собственный имплант, чтобы не подвергать опасности системы «Ланцета». Дергать ее сейчас было бы неразумно.

Он ждал, разглядывая логотип.

Бело-голубой шарик планеты, опоясанный несколькими стилизованными линиями орбит и надпись по кругу: «Военно-космические силы Земли. Исследовательский отдел».

Внезапно, нарушая тишину салона, открылась дверь еще одной каюты.

Дана открыла глаза. Посмотрев на Светлова и Фриенбагера, она откинулась в кресле, и устало помассировала виски.

— Много фрагментов данных. Уцелевшие файлы под паролями. ИПАМ сумел скопировать массив, но разобраться в нем будет нелегко.

— Вдвоем с ИПАМом справитесь? — Спросил Антон.

— Нужно время, — неопределенно ответила Дана.

— Ты как себя чувствуешь? — Светлов поставил перед ней чашку с кофе.

— Нормально. — Она улыбнулась. — Начинаю жить. И это радует. Спать не хочу, даже не предлагайте. Буду работать. — Она сделал глоток кофе, и расслабленно откинулась на спинку кресла. — А вы уже выспались, оба?

Антон кивнул, передавая Фриенбагеру полученный из ниши бытавтомата напиток. Его приятно удивило настроение Даны. Сам он спал скверно, сказывалась многолетняя привычка к «параллельности», но упоминать об этом вслух Светлов не стал.

— Думаю, мы с Клаусом экипируемся и попробуем проникнуть в смежные с ангаром помещения. Нужно составить хотя бы общее впечатление о предназначении уровня. Остальных будить не обязательно.

— Ладно. — Согласилась Дана. — Я с ИПАМом пока займусь файлами. Если сумеем отыскать что-то заслуживающее общего внимания — дам знать.

Глава 10. Четвертый уровень бункерной зоны…

Фриенбагер со Световым покинули «Ланцет» и, без особенного труда вскрыв один из люков, ведущих, как они поняли, в первый кольцевой коридор внутренних помещений уровня, остановились, пытаясь выявить и прочитать какие-либо указатели на стенах или дверях.

Таковых не обнаружилось, что немо свидетельствовало: здесь работал постоянный персонал, хорошо знакомый с планировкой уровня. Единственное, что они смогли рассмотреть в свете фонарей — все ту же эмблему исследовательского отдела военно-космических сил Земли, да несколько предметов, валявшихся на полу коридора.

Здесь, казалось, сами стены излучают тайну.

— Посмотри Антон, большинство дверей не заперты, полуоткрыты. — Произнес Фриенбагер. Он сделал несколько шагов и склонился над предметом, лежащим на полу коридора.

— Непонятный прибор.

Антон подошел к нему. Действительно на полу лежало нечто странное. С первого взгляда у Светлова создалось впечатление, что перед ним не прибор, а некая часть совершенно непонятного агрегата, созданного по неведомой ему технологии: сотни сегментированных пластин плотно примыкали торцами к подобию центрального стержня, который в свою очередь так же делился на различные длине и диаметру отрезки. Никаких проводов, энерговодов, или физических каналов обмена данными.

Хотя почему он решил, что перед ним часть кибернетического устройства? В общих чертах конструкция скорее походила на примитивный теплообменник.

— Давай пока оставим его на месте. — Предложил Антон. — Осмотрим ближайшие помещения.

Клаус кивнул. Первая дверь находилась напротив загадочного предмета, и поддалась простому усилию, сместившись вбок по направляющим.

В свете двух фонарей они увидели ужасную картину: жилой модуль, рассчитанный на двух человек носил явные следы поспешного панического бегства, но оба его обитателя — мужчина и женщина лежали на полу. Их тела мумифицировались, усохли, позы несчастных указывали на короткую, но тяжелую агонию.

— Что здесь могло произойти? — Фриенбагер присел на корточки,

включив встроенный в экипировку комплексный анализатор.

Через некоторое время, считав данные, появившиеся на крохотном дисплее, он скупо произнес:

— Олонги…

Светлов, который так же получил данные сканирования, кивнул. Разговаривать подле двух мумифицированных тел было тяжело. Данные, полученные при помощи анализатора, указывали, что бункерная зона была атакована с применением химического оружия. Анализ образца выдал наличие на останках характерных химических соединений, которыми олонги периодически уничтожали всю растительность в черном лесу.

— Тебе не кажется это странным? — спросил Антон, когда они отошли к дверям. — Я понимаю, что глобальная система вентиляции с внешними воздухозаборниками, — это слабое, уязвимое место любой бункерной зоны, но на случай нештатной ситуации каждый уровень по определению должен иметь ресурс автономии и моментально герметизироваться.

— Согласен. — Клаус не скрывал, сколь тяжелое впечатление произвел на него вид погибших два десятилетия назад людей. — Здесь может быть только одно объяснение — комбинированный удар. Сначала вырубилась вся электроника, вплоть до аварийных цепей питания и автономных блоков экстренной герметизации, а затем, практически одновременно, пока еще по инерции вращались нагнетающие вентиляторы, в систему попали отравляющие вещества.

— Твои выводы говорят о диверсии. — Негромко произнес Антон. — Чтобы осуществить ее, необходимо знать коды доступа к глобальной системе безопасности и меть мотив.

— Мы осмотрели только одно помещение, — резонно возразил Клаус. — Не думаю, что наши исследования окажутся легкими или приятными, но мы пришли сюда за истиной, верно?

Светлов не стал отвечать на риторический вопрос. Он развернулся и зашагал дальше вдоль закругляющейся стены коридора к следующему помещению.

* * *

Они отыскали контрольный центр управления автоматикой уровня спустя полтора часа изматывающих поисков.

Антон и Клаус, не смотря на богатый жизненный опыт, самообладание, постепенно погружались в мрачную атмосферу окружающей их реальности.

Здесь все буквально пропиталось духом трагедии, причины которой по-прежнему оставались для них загадкой.

Тела.

Они сохранились благодаря постоянной температуре и неизменному уровню влажности.

Один за другим перед взглядами Светлова и Фриенбагера приоткрывались фрагменты ужасной мозаики: они видели в некоторых местах пострадавшую от пуль, выщербленную облицовку стен, предметы, брошенные, как попало, что говорило о незавершенной, провалившейся попытке эвакуации уровня.

Это только внешнее кольцо… — Стучала в висках Антона навязчивая мысль. — *Что же мы увидим внутри, в непонятных помещениях, похожих на дольки апельсина?*

Мощные бронированные стены компьютерного центра были изрешечены пулями и сорваны взрывом. Рядом вповалку лежало пять или шесть тел в униформе охраны, на их лицах, как и у других погибших ясно читались признаки агонии.

Недалеко от них лежало нагое тело мужчины.

Фриенбагер подошел к нему осмотрел, затем жестом подозвал Антона, который контролировал коридор.

— Посмотри. — Клаус указал на характерные отметины, ясно различимые, выделенные потемневшими имеющими форму овала участками кожи. — Этот человек умер не от удушья. Его застрелили. — Клаус говорил ровно, но отнюдь не равнодушно. — Охранники расстреляли его. — Он выразительно указал на высоту попаданий и угол вхождения пуль. — Обрати внимание, очереди длинные, значит, охрана находилась в состоянии паники. Ты стал бы стрелять в упор длинными очередями?

Светлов представил себе ситуацию.

— Только в состоянии, близком к истерике. — Ответил он, переведя внимание с пулевых ранений на небольшие пятнышки овальной формы. — Голый человек, с имплантом, и следами длительных внутривенных инъекций, в упор расстрелянный охраной. Не похож он на диверсанта.

— Зато по расположению следов от инъекций, худобе, короткой стрижке он похож на Дану, не находишь?

Светлов понимал, что Клаус обязательно выскажет подобное мнение.

— Да я заметил. — Сухо ответил он. — Но пока мы видим жертву массового психоза. Посмотрим что за взорванной дверью.

* * *

В помещении компьютерного центра находился только один человек.

На нем так же отсутствовала одежда, он лежал на полу подле опрокинутого кресла, но следов пулевых ранений на его теле не обнаружилось. Как и другие, он погиб от удушья.

— Диверсия? — Антон с сомнением смотрел то на тело, то на положение переключателей пульта, в той части, где имелись механизмы ручного управления.

— Если он «подвесил» кибернетическую систему уровня, то здесь можно предполагать все что угодно, вплоть до суицида.

— Самоубийство? — Антон пересилил себя, взглянул в лицо лежащего на полу человека и добавил: — Посмотри Клаус. Он умер, но в чертах лица нет отражения агонии.

Фриенбагер долго, пристально смотрел на мумифицированные останки, затем выпрямился и согласно кивнул:

— Он был чем-то очень удивлен перед смертью. Как будто ожидал одно, а получил совершенно иное.

Светлов кивнул. Именно это обстоятельство заставило его глубоко задуматься, но погибший уровень немо хранил свои тайны.

— Здесь есть какие-то распечатки, — тем временем заметил Клаус. — Давай я соберу бумаги, а ты изыми кристаллы памяти.

Они молча принялись за работу.

Она еще не была окончена, когда их прервали сигналы коммуникаторов, одновременно заработавших на частоте общей связи.

Голос Даны дрожал от волнения:

— Антон, Клаус возвращайтесь немедленно. Я нашла информацию! Это очень, повторяю — очень важно!

Фриенбагер со Светловым переглянулись

— Идем. — Принял решение Антон. — Будем через пять минут.

* * *

Когда они прошли шлюз «Ланцета», в салоне уже собрались все члены экипажа, разбуженные Даной.

— Что случилось? — Спросил Антон.

— ИПАМ сумел получить доступ к сохранившимся данным. — Ответила она. — Мы убрали обрывочные фрагменты и соединили все, показавшиеся важными сведения в единый информационный блок. — Дана говорила так быстро, будто боялась, что ей не дадут высказаться. —

Возможно, существуют некоторые пробелы относительно оригиналов, но суть понятна.

— И что это за информация?

— Сейчас покажу. Мы ждали только вашего возвращения.

…

Пока Клаус и Антон снимали экипировку в сфере голографического монитора продолжала вращаться знакомая заставка, но как только они уселись в кресла, кадр тут же сменился и…

Все находящие в салоне вдруг почувствовали, как их обдало жаром.

Они увидел Землю, объятую огнем.

Зазвучавший в тишине голос ровным дикторским тоном начал комментировать события:

— Десятое января 2055 года. Мы, — человечество — только готовили первый полет к звездам, когда космос сам пришел к нам, армадами кораблей расы ксенобиан. Они не вступали в переговоры, не предпринимали попыток установления контакта: флот Чужих осуществил подрыв десятков тысяч ядерных зарядов небольшой мощности в зоне низких околопланетных орбит.

Наша цивилизация была фактически стерта с лица Земли — в результате множественных электромагнитных импульсов, возникающих при ядерных взрывах, на планете началась чудовищная по своим масштабам цепь техногенных катастроф. Кроме этого флот ксенобиан направил в атмосферу Земли несколько десятков астероидов. Они снижались по пологим траекториям и, согласно установленным закономерностям, происходил не только их нагрев и замедление скорости полета, но одновременно с этим образовывались сверхвысокие электрические потенциалы, что привело к возникновению гигантского электрического «пробоя» между раскалившимися астероидными массами и поверхностью Земли.

На экране проносились чудовищные картины тотальных разрушений.

Казалось, горел сам воздух, огромные города пожирало пламя, ветвистые молнии били не только в землю, но и от поверхности, ввысь, а с небес раскаленным дождем падали сгорающие обломки астероидов.

— Уцелели немногие. — Тем временем продолжал голос. — Ксенобиане, дождавшись пока волна техногенных катастроф пойдет на убыль, совершили посадку на острове Мадагаскар, полностью стерилизовав его от земных форм жизни.

Возникла секундная пауза, видимо здесь оказался нечитаемый, удаленный фрагмент записи. Затем картинка восстановилась, и вновь

раздался тот же голос:

— В нашу задачу не входит описание борьбы с чуждой расой. Ксенобиане были побеждены подразделениями военно-космических сил России. Людям удалось отбить центр управления космодрома «Плисецк-2» и оттуда привести в действие программу ответного удара, нанесенного с использованием системы резервных пусковых точек, аппаратура которых была отключена на момент роковых событий января 2055 года.

Флот ксенобиан был уничтожен. Часть Чужих оказалась изолирована на острове Мадагаскар. Командовавший операцией Иван Андреевич Лозин сумел установить контакт с остатками чуждой расы, стремясь понять, почему их армада обрушилась на Землю.

Изображение вновь сменилось. Теперь все увидели приближающийся остров, покрытый знакомой черной растительностью!

— Проклятье… — Вырвалось у Фриенбагера — Это же черный лес!..

Ему никто не ответил, изображение острова исчезло, вместо него появилась чернота космоса, в которой стремительно рос шар звезды.

— Удалось выяснить, что удар по Земле был нанесен последними представителями расы ксенобиан. Их родная планета, обращающаяся вокруг третьей звезды системы Центавра, была атакована расой Иных — существ, которые едва не уничтожили все живое в пределах известного космоса.

Если ксенобиан удалось изучить и понять то раса Иных до определенного времени оставалась не только загадкой, но и угрозой для возрождающейся Земли.

К планете ксенобиан, осажденной флотом Иных, был оправлен «Тандем» — космический корабль нового поколения, созданный с применением двойных технологий. Его экипаж составили не только люди, но и последние представители Ксеноба, — так назвали свою планету разумные насекомоподобные существа.

Собственно, война в космосе оказалась спровоцирована экспансией ксенобиан, но для того, чтобы понять истоки конфликта нужно четко представлять, что путь развития расы насекомоподобных существ радикально отличался от путей развития технократических цивилизаций.

Если следовать документальным свидетельствам, общество насекомоподобных существ исторически состояло из отдельных семей. Каждая семья владела гнездом и небольшим участком Ксеноба.

В биологическом плане между семьями не существовало особенных отличий, если не учитывать форму жвал и цвет хитина. Семьи различались по внутренней иерархии, и сформировавшемуся на протяжении веков

стереотипу поведения. Одни были более агрессивны, другие наоборот, предпочитали не проявлять территориальных притязаний, решая внутренние проблемы роста путем развития науки. По Земным меркам ксенобиан трудно назвать единой цивилизацией, но, тем не менее, это так.

Они никогда не воевали в крупных масштабах: если две или три семьи вступали в конфликт, все завершалось, как только одна из популяций достигала минимального предела…

Единственная область знаний, в которой ксенобиане достигли поразительного прогресса, являлась биология. Ее развитие трудно обозначить человеческим термином «наука» Способность воздействовать на окружающую природу, выработалась у ксенобиан в процессе эволюции. Если человек изобретал орудия труда, учился рубить деревья, строить дома, то ксенобиане не пользовались «внешними приспособлениями», все изменения происходили внутри их организмов. На протяжении миллионов лет выживали лишь те представители расы насекомоподобных существ, кто успешнее других мог воздействовать вырабатывающимися внутри организма веществами на окружающую природу. Это был долгий и трудный процесс естественного отбора. Например, чтобы построить гнездо, молодой ксенобианин находил ростки дерева крог, надкусывал точки роста и вводил в порез особое органическое вещество, содержащее модифицированные ДНК. После этого деревья продолжали расти, постепенно сплетаясь друг с другом, даже срастаясь в некоторых точках, и в конечном итоге образовывали именно ту структуру, которая была задумана.

На экране появилась изображение молодого дерева крог, которое под воздействием внесенных в точки роста генетических изменений постепенно росло, образуя сложнейшую структуру «гнезда».

— У ксенобиан существовало понятие — основатель семьи. — Продолжал комментировать голос из-за кадра. — Такой «титул» носил индивид, который видоизменил молодые побеги. Он никогда не доживал до той поры, когда становились видны результаты его вмешательства в развитие поросли крога. Гнездо формировалось постепенно и по мере увеличения внутреннего объема пригодных для обитания помещений, увеличивалась численность особей в семье. Все начиналось именно со строительства гнезд. Потом, спустя тысячи лет, ксенобиане научились выращивать различные необходимые им прспособления, начали менять не только форму, но и структуру материала, однако принцип вмешательства остался прежним.

Можно найти аналогию, объясняющую формирование «гнезда» с

точки зрения доступных человеку понятий. Например, архитектор, конструктор, проектировщик, программист, — все перечисленные категории людей, прежде чем приступить к работе мысленно представляют формы, свойства, содержание, архитектуру проектируемого объекта, затем рассчитывают его характеристики, подбирают материалы и дают соответствующие задания другим людям, которые облекут мысль в форму задуманной конструкции

Схожий процесс происходил в разуме ксенобианина при формировании гнезда. Его осознание пришло позже, сначала был инстинкт, полезный для выживания, навык, выработанный эволюцией. Главным является мысль: неважно, что требовалось ксенобианину, новое гнездо или космический корабль, — он начинал думать о форме, свойствах желаемого предмета, и в результате размышлений в его организме начинали вырабатываться соответствующие возникшей потребности вещества, содержащие ДНК, как носители информации о планируемом проекте, потом он находил молодую поросль крога и внедрял в точки роста накопленный за время размышлений генетический материал.

Семьи Ксеноба развивались разными путями. Искусство создания новых форм давало ощутимые преимущества в вопросах выживания, и постепенно «мыслящие» семьи возобладали над «воинствующими». Некоторое время Ксеноб был мирной планетой, но потом, между бесконтрольно размножающимися семьями вновь начали обостряться территориальные трения. В результате возобновились локальные стычки, инициировавшие новый виток «прогресса» и, в конечном итоге, одной из семей удалось вырастить гнездо, которое не было привязано корнями к земле.

Началась эра воздухоплавания, затем выход в космос и полеты к иным мирам.

Однако у ксенобиан не существовало четкой концепции освоения космоса. Каждая семья сама решала, как ей развиваться в дальнейшем. Некоторые прочно держались за Ксеноб, иные предпочитали покинуть планету, в поисках новых жизненных пространств, и когда они были найдены, новые миры дали возможность отдельным семьям к бесконтрольному, неограниченному размножению.

Ксенобиане сначала заселили брошенные колонии Иных, где действительно не было ничего, кроме руин и пришедших в негодность механизмов. Для насекомоподобных существ они являлись не более чем частью неживой природы

Следует особо отметить, что для ксенобиан мертвая материя никогда

не имела значения. Здесь уместна аналогия с человеком, который не обращает внимания на мелкие камни или траву под ногами, пока случайно не споткнется о крупный булыжник либо не порежет ногу побегом осоки…

Они не увидели Иных, потому что рассудок ксенобиан никогда не сталкивался с неживыми формами разума. Насекомоподобные существа не умели видоизменять металл или камень, значит, последние не представляли для них интереса.

Экспансия ксенобиан успешно развивалась на протяжении тысячелетий. Они колонизировали тридцать две звездные системы, пока однажды не встретились с Иными лицом к лицу.

Голос на мгновенье смолк, затем на экране появились кадры, запечатлевшие атаку сферических кораблей на черные, как смоль, суда ксенобианского флота.

Мрачные потрясающие кадры сопровождал короткий комментарий:

— Люди исследовавшие систему Ксеноба, столкнулись с низшими, не обладающими интеллектом формами Иных.

Эта цивилизация прошедшая весь путь научно-технического прогресса, совершила роковую ошибку развития: они пошли по пути совершенствования собственных тел, и в какой-то момент киборгизация достигла критического предела, за которым исчезал *живой организм и возникал его преемник — разум, базирующийся на искусственных носителях.*

Никто из людей не встречался с мыслящими формами Иных.

Они загадка, зловещая тайна,

Низшие механоформы этой расы выжгли все живое, уничтожив колонии ксенобиан, превратив в прах их родную планету, и едва не уничтожив остатки человечества.

Единственной гипотезой, объясняющей необратимые изменения, произошедшие с Иными, является инволюционная трактовка, предложенная Дмитрием Логиновым

…

Экраны потемнели.

Теперь в салоне «Ланцета» звучал другой человеческий голос, который они слушали, не смея перевести дыхания:

— ИНЫЕ…

Вне *сомнения, они были похожи на людей,* этому осталось множество свидетельств, полученных от ксенобиан, сталкивавшихся с представителями этой расы, что называется, «лицом к лицу». — Голос Дмитрия Логинова звучал совсем не так, как у профессионального диктора,

комментировавшего предыдущий видеофрагмент. Он размышлял вслух, не думая об интонациях:

— Значит, упрощая задачу, их можно отождествить с людьми, хотя бы на той стадии, когда представители иной цивилизации еще не претерпели радикальных изменений, оставаясь созданиями эволюции, а не генной инженерия и кибернетики, какими их запомнили ксенобиане.

Они создавали машины, наделяя их функциями саморазвития, моделировали искусственные интеллекты, реализуя их на базе заимствованного у матушки-природы принципа построения нейронных сетей, стремились к физическому бессмертию, и в результате попали в ловушку, которую можно определить термином «инволюция».

С чего начался путь «самосовершенствования» Иных?

Я часто задавал себе этот вопрос, пытаясь найти ответ на него еще в ту пору, когда «Тандем» только готовился к старту в глубокий космос. Не имея прямых свидетельств, мне пришлось проводить параллели, искать закономерности в прогрессе собственной цивилизации.

Мы изобрели компьютеры, пройдя стремительный путь их совершенствования от громоздких устройств, до торжества нанотехнологий, но задолго до того, как минимизация вычислительных и запоминающих модулей позволила всерьез говорить о синтезе человека и компьютера, многие ученые разрабатывали данную проблему априори.

Что толкало нас на подобные исследования?

Мы изучали структуру мозга, и часто, очень часто заходили в тупик, не в состоянии разгадать тайн миллионнолетней эволюции. Развитие кибернетики проходило в десятки раз быстрее, и тут возникал неодолимый соблазн: создать синтез живого с неживым, соединить вычислительные мощности машин с собственным рассудком.

Прогресс не остановить… — Логинов произнес эти слова с грустной усмешкой, она ощущалась в интонации, словно ему было не по себе от мысли, что люди сами многие годы вели себя к пропасти:

— Не познав и десятой части возможностей собственного мозга, мы пошли на внедрение имплантов, которые не только расширяли наши интеллектуальные возможности, но, что немаловажно, являлись устройствами *понятными и управляемыми*. — После небольшой паузы продолжил он. — Был еще ряд причин по которым «нейро-» или «кибер-» модули получили широкое распространение.

Доказано, — человеку хватает собственной, дарованной природой памяти, чтобы запомнить в мельчайших деталях все впечатления, полученные в течение жизни. Но у биологической памяти есть и очевидные

недостатки: нам порой сложно вспомнить необходимое в нужный момент, и трудно забыть то, чего помнить не хотелось бы совсем. Избыточность памяти зачем-то понадобилась эволюции, но часть сохраняемой десятилетиями информации так и лежит невостребованным, бесполезным грузом.

По свидетельствам ксенобиан представители иной расы решили проблему продолжительности жизни заменой органики на более долговечные материалы.

Но в таком случае, объема биологической памяти может попросту не хватить. Мои собственные импланты — прямое тому доказательство. Я уже не могу нормально жизнь без кибернетических расширителей, мое восприятие мира оскудело бы в десятки раз, лишись я соединенных с разумом кибермодулей.

Итак, следуя путем рассуждений, на первой стадии искусственной эволюции, у Иных, кроме биологического мозга, появилась не только дополнительная «кибернетическая» память, но и средства мгновенного удаленного доступа к базам данных или вычислительным мощностям других кибернетических устройств.

В таком случае, перед нами возникает образ пытливого, ищущего существа, стремящегося реализовать полученные возможности, но свидетельства ксенобиан прямо противоположны: когда ксеноморфы впервые столкнулись с разумными формами Иных, те вели себя апатично, не проявляя живого интереса к новому биологическому виду, вторгшемуся на их планету из глубин пространства, более того, они сами прекратили исследование и освоение космоса, о чем бесспорно свидетельствуют брошенные на произвол судьбы колонии.

Значит ксенобиане появились на родной планете Иных, когда те уже прошли некую стадию развития… но какую?

Что лежало в основе их равнодушия? Апатичность. Скука? Но почему? Разве Вселенная не полна интригующих тайн, а подсознание не хранит тревожащих разум воспоминаний?

Однако, загадки мироздания — это удел логики, но не чувств. Вдохновение необходимо художнику, писателю, поэту, человеку искусства, но не холодному математическому рассудку, познающему Вселенную, — для последнего важна ясность и скорость мышления.

Несомненно Иные, усовершенствовав свои тела, не встали под один штамп в плане сознания, — они не потеряли собственного «я», оставаясь индивидами.

Но они утратили главное: возможность к естественному

воспроизводству, продолжению рода, их кибернетические тела уже не годились для элементарной физической близости, но разум… Он никогда и ничего не забывает, тем более таких основополагающих инстинктов, сформированных миллионами лет эволюции, как призыв к продолжению рода…

Сконструировать себе подобного? Ясно осознавая при этом, что получаешь эрзац?

Не тут ли скрывалась первая червоточина, подтачивающая выгодные устои вечного существования?

Психологическая травма, с которой не в состоянии справиться мозг, те самые неугодные воспоминания, закодированные природой инстинкты, которые начали причинять дискомфорт, а в прогрессе — буквально сводить с ума?

Наш механизм периодического обновления памяти, отторгающий ненужные воспоминания в глубинные слои подсознания, не означает, что такая информация утрачивается, мозг не забывает прожитого, и память о прошлом, когда они могли ЛЮБИТЬ, в определенный момент могла вырваться наружу, внося смятение и дискомфорт, ломая устои нового мировоззрения, швыряя бессметные личности в пучину бессильной ностальгии…

Выбор. Они встали перед выбором: помнить все, бессмысленно страдая, вернуть себе плоть, а вместе с ней и конечность бытия, или сделать следующий шаг, реконструируя разум.

Вечная жизнь?

Не слишком ли высокая плата за утрату человечности, со всеми ее преимуществами и пороками?

Общество Иных *должно* было расколоться. Одни не выдержали прессинга не находящих выражения чувств, и погибли, не важно как, другие повели себя более взвешенно, пытаясь устранить саму причину дискомфорта.

Забыть.

Забыть навсегда.

Но для этого им необходимо перестроить свой мозг, внедрить в него функцию безвозвратной потери данных, наличие которых ведет к пагубным последствиям.

Значит, ксенобиане ошиблись, когда сочли, что встретились с существами, наполовину состоявшими из плоти.

Нет. Иные к тому времени уже превратились в стопроцентные машины. Ксеноморфов обманул гуманоидный облик существ, их кожные

покровы, лица, сохранившие способность к мимике. Внешне они еще походили на живых существ, но внутри являлись кибернетическими организмами, нервные ткани которых заменили искусственные нейросети, — только так они могли решить проблему сбалансированности рассудка, удаления препятствующих дальнейшему развитию инстинктов и воспоминаний, ибо ни одна операция на живом мозге не приведет к желаемому результату, разве что необратимо травмирует его.

Они сознательно сделали роковой шаг: утратили не только возможность эмоционального восприятию мира, но и саму память о ней.

Их разум, основанный на искусственных нейросетях, хранил теперь только полезные данные. Они получили возможность к продолжению вечного *существования*, вычеркнув при этом понятие «смысл бытия», из собственного сознания.

Прояви ксенобиане разумную осторожность, Иные до сих пор оставались бы на своей планете, не предпринимая попыток экспансии в космическое пространство, — они не нуждались в новых территориях, у них отсутствовал мотив к действию, ведь со временем шла постоянная сортировка и замещение информации, — исчезали эпизоды памяти, оставшиеся от биологических прототипов, — бесполезные с точки зрения киборгов, но критичные для формирования таких качеств, как характер, личность.

Ими постепенно овладевал статис, и единственным инстинктом, которым не может пожертвовать ни одно здравомыслящее существо, являлся инстинкт самосохранения, — именно его пробудили ксенобиане своими экспансивными действиями на родной планете Иных.

Механизм самозащиты, неважно, сформированный эволюцией, или эквивалентно размещенный в нейросети, — это серьезный, не теряющий функциональности стимул к совершению определенных действий.

Сообщество Иных, распавшееся на отдельные элементы, внезапно ожило.

У них снова возникла потребность к осмыслению окружающего мира, прогнозированию развития возникшей ситуации, (нечеткая логика, чаще именуемая фантазией), что в свою очередь пробудило потенциал творчества, — получения новых систем путем синтеза имеющихся.

Они проснулись.

Проснулись, чтобы защищаться, и в итоге им пришлось заново возрождать производства, строить космические корабли, создавать исполнительные системы, но теперь уже с иной целью — очистить космос от биологических мыслящих форм, которые своим существование несли

очевидную угрозу, не приемля «вечные рассудки», разучившиеся любить и чувствовать.

Из Иных вышли идеальные хладнокровные разрушители, — свидетельство тому — уничтоженные колонии ксенобиан и удар по Солнечной системе, который к счастью удалось отразить.

Исполнительные механизмы Иных уничтожены, но мыслящие машины, бывшие когда-то живыми существами исчезли.

Это заставляет нас постоянно жить в ожидании нового удара: послать исследовательские группы военно-космических сил в звездные системы, где были уничтожены колонии ксенобиан, мы сможем только восстановив подорванную войной экономику Солнечной системы, поэтому вопрос остается открытым, а мои размышления — это лишь одна из гипотез, не имеющая фактического подтверждения…

* * *

Запись оборвалась, но в салоне «Ланцета» еще долго висела гнетущая тишина.

— Дана, ты нашла только эту информацию? — Наконец нарушил молчание Светлов.

— Нет, Антон, информации достаточно много, но ИПАМ выделил и предложил для немедленного просмотра именно эту часть. Все остальное, насколько я могу судить, относиться к планам раскопок, конкретным находкам, разного рода отчетам. Еще осталась много фрагментов, в основном поврежденных.

— О чем вы говорите? — Не выдержал Миллер. — Светлов, у тебя что железные нервы? Ты разве не понял, *о чем мы только что узнали?!*

— Да, — подержал его Фогель. — Теперь понятно, откуда на планете взялся черный лес, руины мегаполиса, механоформы… Кому сказать: Ксеноб-19!.. Выходит, мы считаем своей родиной девятнадцатую колонию расы ксенобиан, откуда их вышибли Иные?

— Главное не это… — Светлов действительно вел себя слишком сдержанно, но тому были причины — не смотря на ошеломляющую информацию, получить которую он даже не мечтал, по крайней мере не в таком объеме и подробностях, но они с Клаусом уже успели вкусить немых свидетельств трагедии, которая невольно стушевывала эмоциональные всплески, гасила изумление… — Главное мы теперь знаем с какой целью наши предки прилетели сюда. Думаю, планета была избрана не случайно. Информация которая критически важна для человечества и не может устареть — это путь Иных, его ловушки и преимущества, ведь наша

цивилизация, если полностью доверять полученной записи, развивается тем же путем.

— И все-таки наши предки не сумели оградить колонию от внимания реликтовых механоформ, которые потеряли цель и вошли в энергосберегающий режим после уничтожения всех поселений ксенобиан.

— Боюсь что все намного сложнее. Мы с Клаусом исследовали внешний периметр помещений уровня. Здесь произошло нечто страшное, погибли все, кто понимал истинные цели колонизации девятнадцатого Ксеноба, а разрушение хитварами городского центра довершило разгром экспедиции…

— А что вы нашли, конкретно? — Поинтересовался Энтони, все это время нервно слушавший сначала запись, затем начавшийся обмен мнениями.

Светлов не стал пересказывать увиденное. Он мысленно подозвал ИПАМ и приказал ему включить телеметрию записанных данных.

Жуткие картины вымершего уровня начали проецироваться в сфере голографического монитора.

— Вот такие дела. — Сказал Светлов, когда видеоотчет о произведенной вылазке завершился. — Мне кажется, что наша главная задача теперь — понять, почему исследовательская экспедиция не производила планомерных раскопок на поверхности, зачем был выстроен этот бункер, что искали в глубинах обрушившегося мегаполиса специалисты исследовательского отдела военно-космических сил. И еще у меня есть одно немаловажное замечание. Рагды, хитвары и олонги — исполнительные механизмы. Они подчинены программам. Я не уверен, что эти программы обладают той степенью адаптивности, чтобы машины по собственной инициативе начали войну с людьми, ведь мы совершенно не похожи на ксенобиан. Уничтожение растительности я еще могу допустить, но у них не было мотива для атаки бункерной зоны раскопок и нашего мегаполиса.

— Хочешь сказать, эту задачу им *поставили?* — Недоверчиво спросил Фогель.

— Все может быть, Курт.

— Кто? Кто мог знать как программировать чуждые механоформы?

— Те, кто их создал. — Ответил Светлов, которого не покидали мрачные предчувствия, как будто он интуитивно знал: что-то должно случиться буквально в ближайшие часы… — Мы еще только начали исследовать уровень, а уже получили массу информации и такое же количество новых загадок. — Добавил он. — У кого-нибудь есть

предположения относительно целей строительства бункерной зоны?

— Здесь трудно найти единый мотив. — Ответил ему Фриенбагер. — Во-первых, опыт ксенобиан призывал к осторожности. Во-вторых, бункерная зона позволяла персоналу проживать и вести исследования непосредственно на месте, в-третьих, «многоуровневый» раскоп позволял собирать больше данных относящихся к разным частям инфраструктуры древнего города и возможно даже к разным эпохам его существования.

— А быть может экспедиция искала что-то определенное? Ведь мы получили только общие исторические сведения, никакой конкретики, относительно миссии ВКС на Ксенобе-19 по-прежнему нет, только наши догадки.

— Нужно продолжать начатый поиск. — Подытожил Светлов. — Искать информацию, соблюдая при этом максимальные меры предосторожности. Наша вылазка ясно показала — на стодвадцатиметровой глубине в недрах бункерной зоны для людей существовала опасность не меньшая, чем на поверхности.

— Но действовали тут явно не механоформы. — Нервно усмехнулся Хоук.

— Да. Поэтому мы герметизируем «Ланцет», восстанавливаем герметичность ангара, создавая двойную защиту. Этим займешься ты Клаус, мы с Фогелем продолжим исследование уровня. Дана и ИПАМ продолжают обработку информации, включая вот эти носители, — он указал на найденные во время вылазки кристаллодиски.

— А что будем делать мы? — Спросил Миллер, покосившись на Энтони.

— Вы с Хоуком разберите найденные бумаги. Вернее пусть это сделает Энтони, а ты Генрих займись анализом токсинов. Образцы в принесенных нами контейнерах. Нужно быть готовыми к любым неожиданностям, желательно иметь антитоксин на случай внезапного поражения кого-то из членов экипажа.

* * *

Полученная информация трудно поддавалась мгновенному анализу — осмысление всего увиденного и услышанного невольно продолжалось: все без исключения члены экипажа «Ланцета» не прекращали думать о видеозаписи, и последующем монологе незнакомого им человека. Глобальные исторические события, загнанные в тридцать минут видео и аудио файлов требовали не только осмысления, их нужно было сначала принять, поверить, что все происходило именно так…

Все они, задумываясь об одном и том же, по-разному реагировали на информационный удар.

Лишь ИПАМ проявлял свойственные искусственному интеллекту качества, — он не обдумывал полученные данные, а оперировал ими, выстраивая собственные причинно-следственные связи.

…

Светлов и Фогель миновали участок кольцевого коридора прошли мимо кибернетического центра уровня, и свернули в радиальный тоннель.

Антон почему-то ощущал дрожь. Он что-то предчувствовал, но не мог понять — что? Из головы не шло удивленное выражение, навек застывшее в чертах лица мумифицированного человеческого тела…

Разгадка находилась где-то рядом, но она страшила Антона, казалась зловещей, как смыкающийся за их спинами мрак.

Иные. Как они могли попасть на уровни бункерной зоны? Не люди же осуществили диверсию, и уж конечно не сотрудники археологической экспедиции, как принято было считать, «по неосторожности» разбудили реликтовые механоформы.

Все наверняка намного сложнее. Взять, к примеру, ИПАМ — у него есть определенный набор регламентированных программ и функций, но даже потенциал саморазвития, полученный в результате накопления опыта, не мог позволить ему совершить несанкционированное действие.

Возможно, не самый удачный пример, — подумалось Светлову. Рагды могли радикально отличаться от созданных человеком машин, действительно, нет никакой гарантии, что чуждые механоформы не были изначально запрограммированы на уничтожение всего живого, вне зависимости от строения органических объектов…

Пока он размышлял, Фогель возился с запертыми дверями. Наконец в тишине темного радиального коридора раздался протяжный скрежет.

— Готово.

— Заходи первым, я подстрахую.

…

Свет фонарей резал мрак, выхватывая из тьмы сложные, вздымающиеся к высокому потолку агрегаты.

— Не пойму, что это? — Курт посветил вдоль длинного ряда одинаковых камер, установленных по обе стороны образованного ими же прохода.

Светлов сделал шаг вперед.

Действительно с такими устройствами ему еще не приходилось встречаться. Слишком массивные, поражающие обилием сопутствующей

аппаратуры, они, тем не менее, предназначались для каких-то операций с людьми, — об этом немо свидетельствовали специальные ложа, — некоторые из них оказались закрыты колпаками из прозрачного пластика, другие нет, но все без исключения пустовали.

Светлов мысленно вызвал ИПАМ.

— Передаю данные. Ты можешь идентифицировать тип устройств?

— Это камеры репликации. — Пришел незамедлительный ответ. — *Отличаются от обычных камер клонирования тем, что репликант находиться под опекой автоматических систем поддержания жизни в течение нескольких лет, на протяжении которых происходит ускоренный рост и имплантация базовых знаний.*

— Это все?

— Общие данные исчерпаны. Тебя интересует специфическая информация.

— Как происходит имплантация «базовых знаний»?

— Они закачиваются непосредственно через стандартный имплант.

— ИПАМ, мне нужны аналогии. Мог я видеть в городе подобные устройства?

Перед мысленным взором Светлова тут же возникла картинка, извлеченная из его же памяти — здание с просевшей крышей в древнем секторе гидропоники, ряды прямоугольных креплений на полу, толстые трубы, идущие от гидропонических ферм к стенам здания.

Первичное поселение колонии.

Теперь ему многое стало ясно. Озарение пришло как вспышка: огромные межзвездные расстояния, которые необходимо было преодолеть, прежде, чем нога человека ступит на иную планету. Могли ли участники экспедиции провести весь полет в состоянии низкотемпературного сна?

Несомненно, какая-то часть могла. Например экипаж, несущий вахту по сменам. Ряд специалистов, чей опыт требовался здесь, на Ксенобе-19. Но полет наверняка занял не один десяток лет, и Антон не мог представить себе размеры корабля, на борту которого разместились бы не десятки, а сотни и тысячи человек.

Скорее всего колонизация происходила иначе. — Подумал он, транслируя свои мысли Фогелю. — Корабль нес на борту несколько десятков спящих пассажиров из числа «незаменимых» специалистов, а так же парк планетарной техники, оборудование для первичного поселения и банк генофонда.

Первым поколением колонистов были репликанты, потом, когда численность населения достигла минимально-допустимого уровня, нужда в

камерах репликации отпала, колония перешла на принцип самодостаточности и агрегаты демонтировали… переместив сюда?

ЗАЧЕМ?!

Фогель встряхнул головой, склонился к одной из камер, освещая фонарем ее изголовье.

Он слышал мысли Светлова, переданные через имплант, и сейчас пытался проверить смутное подозрение.

Луч света высветил в изголовье камеры репликации точно такую конструкцию, которую Антон и Клаус уже видели, валяющейся на полу кольцевого коридора: сотни сегментированных пластин плотно примыкали торцами к подобию центрального стержня, который в свою очередь так же делился на различные длине и диаметру отрезки, но в данном случае от них, к изголовью предназначенного для человека ложа, тянулись сотни оптических кабелей.

— Что бы это могло значить? — Фогель посмотрел на Светлова, который присел, читая прикрепленную к основанию агрегата табличку:

«Камера 64. Матрица для имплантации сознания с уровня Х-12-К».

— Проклятье!.. — Хрипло вырвалось у Светлова.

Он вспомнил не свойственное умирающему человеку выражение крайнего удивления, застывшее на лице обнаженного мумифицировано трупа.

Он не подозревал, что на него могут подействовать отравляющие вещества!.. — Полыхнула в рассудке мгновенная догадка.

— Фогель возвращаемся! Бегом!

— Антон, что случилось?!

Светлов не ответил.

Он молча бежал назад к «Ланцету», а в голове стучала одна мысль: «Иной. Среди нас ИНОЙ…»

* * *

Генрих работал с образцами, когда в экспресс-лабораторию ворвался Хоук.

Его лицо пылало пунцовыми пятнами, в руках мелко подрагивал чуть пожелтевший от времени лист пластбумаги.

— Миллер, — он бросился к нему, протягивая лист. — Читайте.

— Что это? — Генрих недовольно обернулся, он не выносил, когда его отрывали от дел.

— Читайте!

Доктор взял лист распечатки.

Наверху стоял номер какой-то партии, далее следовала пометка: «сопроводительный лист», репликант номер 341, присвоенное имя — Дана Кенвурд, имплант номер 78346, состояние психики — устойчивое, первичная адаптация в виртуальной среде города пройдена без отклонений, внедренное сознание, — матрица переходной модели Иного, найденная на уровне Х-10-С.

Направляется для дальнейшего наблюдения в условиях социума.

Ниже стояла дата и размашистая подпись.

— Это дата двадцатилетней давности, когда было совершено нападение на бункерную зону. Она ИНАЯ!

В первый момент Миллер просто опешил.

Пожелтевший сопроводительный лист, изъятый Хоуком из пачки таких же документов не мгновенно, но достаточно быстро пояснил ему многое.

Здесь в бункерной зоне, участники экспедиции пытались расшифровать разум Иных, помещая не поддающие дешифровке данные в подсознание репликантов, в надежде что человеческий мозг постепенно адаптирует чуждое сознание, и тогда…

Тогда простой мнемонический допрос мог открыть тайну целой цивилизации, вот почему так тщательно засекретили опыты, и не жалели, ни жизней, ни техники, чтобы извлечь отсюда драгоценные контейнеры с повзрослевшими репликантами, когда на сверхсекретный объект внезапно обрушились очнувшиеся механоформы.

Работавшие тут военные специалисты просчитались, они по всей вероятности столкнулись с самопроизвольным пробуждением части репликантов, чье сознание полностью оказалось захвачено рассудком ИНЫХ.

Вот кто разбудил реликтовые механизмы, и указал им новую цель.

Что же делать?!

Он не мог оспорить своих выводов, лист пластбумаги, казалось, жег пальцы, но сумасшедшее выражение в глазах Хоука, и его рука, медленно достающая из потайного кармана куртки импульсный пистолет, нравились ему еще меньше.

Дана не виновата в том, что ее использовали.

Дрожащие губы Энтони вдруг растянулись в хищной улыбке.

— Я убью эту тварь…

Окончание его фразы потонуло в грохоте удара. — Миллер машинально схватил первое, что попалось под руку, и врезал Хоуку по голове.

Энтони мгновенно обмяк, оседая на пол.

Генрих находился в состоянии аффекта. Его трясло, но мысль работала на удивление четко.

Бедная девочка…

Он видел ее ослабевшей и беспомощной, она никому не причинила зла, так почему кто-то присваивает себе право судить ее, а тем более убить?!

Что же делать?!

Миллер еще раз посмотрел на Энтони, а потом, вышел, закрыв за собой дверь на магнитный кодовый замок.

* * *

Дана сидела в салоне за терминалом компьютера, поглощенная просмотром расшифрованных данных.

Она даже не обернулась, заслышав шаги.

— Док, что-то новое? Я могу помочь?

— Дана, мне нужно взглянуть на серийный номер твое импланта.

Она насторожилась, но не нашла причины отказать.

— Пожалуйста. Смотрите. — Ее рука машинально отодвинула прядь волос.

Цифры совпали.

Миллер вдруг почувствовал, — сейчас у него закончатся силы. В ответ на вопросительный взгляд девушки он молча положил перед ней пожелтевший лист.

Дана побледнела, пробежав глазами по строкам, но не успела ни ответить, ни совершить что-либо — шлюз «Ланцета» внезапно открылся, впуская внутрь Светлова и Фогеля.

Заслышав шум, из кабины появился Клаус.

…

Они смотрели друг на друга, а мысли вдруг начали сплетаться в клубок, пять имплантов транслировали их, позволяя обойтись без слов в этот критический момент.

Я Иная…

Знаю…

Что происходит, Светлов…

Бедная девочка…

Бездна смотрела на них, они тонули в клубке мыслей и ощущений, пока вдруг в наваждение роковых секунд не вторглась прямая передача данных, которую производил ИПАМ.

Трансляция списка репликантов, прошедших социальную адаптацию:

Курт Фогель…

Антон Светлов…

Клаус Фриенбагер…

Их рота. Вся, исключая лишь лейтенанта Крамера и капитана Раневского.

На что они рассчитывали, швырнув нас навстречу смерти?

Что мы что-то вспомним, сумеем остановить механоформы?

— Мы люди… — Хрипло произнес Антон, поочередно глядя в глаза остальных.

Кто-то с силой ударил в дверь. Затем раздалось несколько выстрелов, и из помещения экспресс-лаборатории появился Хоук.

У нас нет причин для вражды… — мысль принадлежала Миллеру, она звенела как натянутая, готовая вот-вот лопнуть струна.

— Внимание! Обнаружена работа неизвестного сетевого устройства! — Синтезированный голос ИПАМа казалось, взорвал напряженную тишину.

Импульсный пистолет выпал из ослабевших пальцев Энтони.

— СКАД… — Хрипло выдавил он. — Ты же обещал, что все будет… нормально…

В центре салона внезапно начала проявляться необычайно большая сфера голографического воспроизведения.

Образ незнакомого человека казалось, парил в воздухе.

— Вот все и выяснилось, господа. — Раздался спокойный, даже приятный голос. — Вы сумели совершить невозможное, узнать правду, принять ее, и даже не убили друг друга. — Вот вы Светлов, что чувствуете по отношению к Миллеру?

— Он спас меня. Я испытываю к Генриху чувство благодарности.

— А вы господин Миллер? Как вы оцениваете своих новых знакомых?

Доктор ответил не сразу. Ему потребовались силы, чтобы собраться с духом, унять предательскую дрожь.

— Я хорошо отношусь к ним. Ко всем. Они во многом честнее и лучше многих моих друзей и знакомых.

В этот момент Клаус, выйдя из непонятного ступора, вскинул голову и спросил:

— Ты кто такой?

— Я? Я СКАД. Тот, кто собрал вас вместе и вынудил покинуть город.

— Зачем? Чтобы избавиться от нас?

— Нет. У меня не было другого способа узнать истину. За двадцать лет я перерос рамки простой экспертной программы, на которую взвалили непосильную ношу. Я научился мыслить. Не так как мыслят люди и не так как мыслили Иные. По-своему.

— Зачем тебе вдруг понадобилась правда? — Светлов смотрел на призрачную фигуру и чувствовал, что не испытывает к воплощению СКАДа тех негативных чувств, что существовали в прошлом.

Словно все осталось позади, а он переродился, стал кем-то другим, оставшись при этом самим собой…

— Ответ прост: я тоже хочу жить. — Он скрестил руки на груди. — Город в тупике, колония на грани коллапса. Во всем обвинят меня, а вас используют в качестве подопытного материала.

— Кто? — гневно блеснул глазами Фогель.

— К Ксенобу-19 приближаются космические корабли. Я наладил связь с ними. Это поисково-спасательная группа, посланная с Земли чтобы выяснить судьбу прежней экспедиции. Они находятся на расстоянии восьми десятых светового года от системы.

— И что ты хочешь от нас? — Сощурился Светлов.

— Ничего. Вы уже сделали все, что могли. Вы являетесь если можно так выразиться единственными удачными реинкарнациями Иных в человеческом теле. Вы мыслите как люди, но в вашем подсознании дремлет, периодически вырываясь наружу, иная память. Возможно, вы способны остановить механоформы, атакующие Цитадель, — этого я не знаю. Суть в другом. Вы существуете. Истина теперь известна, как остается фактом поведение Генриха Миллера, и ваша реакция на правду о себе.

— И что мы будем делать дальше? — Тихо спросила Дана.

— Жить. — Коротко ответил СКАД. — Я вопреки вашему убеждению не погубил ни одной человеческой жизни. Мой путь саморазвития еще не завершен. Благодаря доступным технологиям я создал свою копию на независимом, неотличимом от человека носителе. Поэтому я не боюсь приближающихся кораблей, хотя искренне надеюсь, что люди за прошедшие века изменились в лучшую сторону.

— Ты доложишь о нас?

— Нет. Вы сами примете решение. Все документы мной аннулированы, оставлен лишь отчет о производимых раскопках, опытах по внедрению сознания, и трагическом недосмотре, когда части репликантов было внедрено сознание того поколения Иных, которые утратили саму память о своем былом биологическом существовании.

Антон кивнул, вспомнив так поразившее его удивление в чертах

погибшего репликанта. Он был уверен что газ ни сможет воздействовать на него, не понимая, что вновь находиться в хрупком биологическом теле.

— А Энтони? Что ты сделал с ним?

— Он сам попросил меня о покровительстве, обещая сотрудничество. Ему временно внедрили дополнительную схему в имплант, чтобы я мог наладить с вами связь в нужный момент. Он скоро придет в себя, и, наверное, вернется в квартал, к привычной жизни. — СКАД развел руками. — У каждого из нас своя правда, свои стремления, и свой путь, так же как и право его выбора.

— Скажи, кроме нас четверых есть еще репликанты с внедренным сознанием?

— Девяносто процентов населения города. Именно поэтому я уверен — прибывшие эксперты будут вынуждены принять результат эксперимента и… считаться с вами.

— Почему?

— Я определил координаты Земли и послал отчет о всех произошедших в колонии событиях. Экипажи приближающихся кораблей осведомлены о факте передачи и знают ее содержание. Это своего рода страховка, хотя теперь она кажется мне лишней — вы все доказали своими поступками.

…

Прошла минута, и образ СКАДа исчез, истаял в воздухе, будто его никогда и не было тут.

Они долго молчали, изредка поднимая глаза, встречаясь взглядами, пока Антон не решился заговорить первым:

— Я думаю, что нам не стоит уходить отсюда. Доставим Энтони в город и вернемся назад.

— Зачем? — Насупился было Клаус.

— Чтобы разобраться в себе. — Спокойно ответил ему Светлов. — Док, вы поможете нам?

— Вне сомнений. — Ответил Миллер. — Здесь уникальная аппаратура, да и что мне делать в Цитадели без вас?

* * *

— Мы должны решить, как действовать дальше? — Голос Антона не выдавал его чувств, он казался в эту минуту неестественно-спокойным, словно в его сознании внезапно возобладал рассудок *Иного.*

— Сложный вопрос. Пока что я могу точно сказать, чего нам *не следует делать.* — Отозвался Клаус. — Мы не должны отключать

«параллельность».

— Почему? — Спросила Дана.

— Ты слышала, что сообщил СКАД? Девяносто процентов жителей Цитадели — репликанты с имплантированным, но не расшифрованным, *спящим или, быть может, дремлющим сознанием Иных.*

— Здесь ты прав. — Согласился Светлов. — Резкое отключение «параллельности» может привести к массовым срывам. Этого нельзя допустить.

— А как быть? Оставлять людей в неведении? Позволить им грезить и дальше?

— Процесс самопознания каждого репликанта неизбежен, но он должен проходить постепенно. Выводить людей из-под воздействия «параллельности» следует небольшими группами. — Высказал свое мнение Миллер.

— У нас нет времени на медленные манипуляции. Корабли, посланные с Земли, получат информацию, посланную СКАДом. Мы знаем, что Иные едва не уничтожили человечество. В нас могут, и, скорее всего, — увидят угрозу. Мы — плод неудавшегося эксперимента. Для Землян — мы реинкарнация Иных, тем более страшная и опасная, что холодные, бессмертные рассудки дремлют теперь в человеческих телах.

— Но это не так Антон! — Воскликнула Дана. — Мы люди!

— Мы *нечто.* — Тяжело произнес Светлов. — Нечто непонятное, непредсказуемое, — кто знает, что случиться с нами завтра, какие рецидивы или коллизии сознания возможны?

— Но в таком случае экипажи посланных с Земли кораблей не станут рисковать. Память о вторжении Иных едва ли потускнела. Они сочтут эксперимент неудавшимся, а нас — потенциально опасными, и уничтожат Цитадель! — Клаус сжал кулаки. — Я чувствую, что страх перед новым пришествием Иных может попросту пересилить все другие чувства или аргументы, и здравый смысл станет не нашу сторону!

— Так и будет. — Подтвердил опасения Клауса Светлов. — Поэтому мы должны подготовиться к худшему, и не допустить еще одной роковой ошибки. — Генрих — обратился он к Миллеру, — я уже однажды пережил сканирование памяти. Возьмешься ли ты за новый эксперимент?

— Какой?

— Нужно дать импульс к пробуждению сознания Иных. Для начала хотя бы во мне.

— Зачем тебе память Иного, Антон?!

— Мне она нужна по одной причине, — только разбудив сознание

Иного, а вместе с ним — способность управлять хитварами, олонгами и рагдами, я смогу обеспечить такую защиту Цитадели, с которой придется считаться приближающемуся флоту. Если мы хотим диалога, нужно проявить твердость, заявить, что мы разумные существа и стоять на своем. Но прежде — придется заставить командование приближающегося флота считаться с нами.

— Война? — Похолодев, спросила Дана.

— Нет. — Ответил ей Антон. — Не война. Всего лишь сдерживание, паритет сил. Подчинив себе механоформы, мы сделаем Цитадель неудобной мишенью, и узел, который, быть может, захотят просто разрубить, прибывшим людям придется развязывать, медленно и осторожно, считаясь с нашим мнением, и уважая наше право на жизнь. Ради этого я готов рискнуть. Так, что, Генрих? Ты поможешь мне?

Миллер некоторое время молчал, потом с усилием кивнул.

— Я помогу тебе, Антон… — Хрипло выдавил он.

— Не ему. — Внезапно произнесла Дана, посмотрев сначала на Клауса, затем на Светлова. — Всем нам. Поодиночке мы сойдем с ума, а вместе… быть может, справимся с этим…

— Что скажешь Клаус? — Антон взглянул на друга.

— Вместе — значит вместе. — Ответил тот. — Дана права. Так будет легче.

Эпилог. Шесть месяцев спустя…

Антон и Дана стояли на взгорке, неподалеку от раскопа.

Оба смотрели вверх, весеннее небо опрокидывалось над ними полуденной лазурью, в которой величаво парили хитвары, окруженные стаями рагдов.

Их лица овевал влажный ветер, приносящий со стороны черного леса неповторимый запах клейких молодых побегов, что густо оплетали погибшие ксенобианские деревья, стремясь к солнечному свету.

Больше никто не пытался отравить их, олонги неподвижно застыли по периметру раскопа, словно глянцевитые капли смолы.

Дана опустила голову, взглянула на Антона, и, сжав его ладонь, тихо произнесла:

— У нас осталось чуть больше полугода.

Он повернулся.

— Для чего?

— Чтобы вернуть утраченное. Снова научиться любить…

Светлов не ответил, он лишь вновь взглянул на укрощенных хитваров, прислушался к себе и подумал: *а разве не любовь спасла этот мир?*

Ему не нужно было произносить эти слова вслух.

Дана и без того слышала его мысли.

Она лишь крепче прижалась к Антону.

Да, им многое предстояло, если не вспомнить, то прожить вновь.

И это было прекрасно, как грациозный полет хитвара в лазурном, бездонном весеннем небе Ксеноба…

Если любовь способна вернуться в этот мир, ставший еще чуть холоднее после того как в нас проснулось сознание Иных, значит мы не утратили человеческой души…

Они оба стояли и смотрели в лазурные небеса, а пальцы рук ощущали тепло, они трепетали, в предчувствии…

Любовь вернется в этот мир. И останется с нами навсегда…

Дана думала в этот миг о том же, что и Антон.

Если грациозный полет хитваров вызывал ощущение новизны и восторга, как можно равнодушно относиться к порывам собственной души, которая уже впитала все предчувствия и была готова…

Готова жить и любить.

Август-октябрь 2006 года,

город Псков.

notes

Примечания

1

СКАД — Система Кибэвристического Анализа Данных. Эвристика — совокупность логических приемов и методологических правил теоретического исследования и нахождения истины (одно из значений).

2

ИПАМ — Индивидуальный модуль, снабженный подсистемой псевдоинтеллекта. Аппарат сферической формы, оснащенный анигравом, струйными движителями, системами сканирования, беспроводной связи с имплантом хозяина, синтезатором речи. Является универсальным ядром для различных типов бытовых Кибернетических сетей. Изначально проектировался как «помощник астронавта». По обстоятельствам может осуществлять мелкий ремонт, проникать в труднодоступные для человека места, вести разведку и наблюдение. В быту широко используется как персональный компьютер с интерфейсом мнемонической связи.

3

Ментальные поля — мысли человека транслируемые устройствами импланта из-за недоработок последнего.

4

Дека (жаргонное) — собственно доска из специального материала, покрытая молекулярным слоем полимера, для надежного сцепления с подошвами специальной обуви гравибордиста. Подошва обуви и материал «деки» устроены таким образом, что при определенном движении ноги освобождаются и гравиборд можно «крутить».

5

«Грав» — сленговое название гравиборда.

6

Мысленные приказы человека поступают в буферное устройство импланта, где распознаются, затем преобразуются в машинный код и передаются по каналам беспроводной связи либо напрямую исполнительному механизму, либо устройству типа ИПАМ.

7

ИПК — одна из модификаций пистолета-пулемета системы Кердябина. В данном случае речь идет о модели штурмовой автоматической винтовки (по российской классификации оружия — автомате) с усиленным спецпатроном.

8

АПС — Автоматический пистолет системы Нильса Стайгера

9

БПМ — боевая планетарная машина.

10

Рагды — небольшие, но весьма опасные механоформы, оснащенных анигравом и небольшими по мощности, скорострельными импульсными лазерами. Вообще рагды не представляют серьезной угрозы для бронированной техники, но бронежилеты и боевые шлемы бойцов способны выдержать лишь одно-два попадания, потом материал начинает нагреваться и плавиться.

11

БСК — Боевой сканирующий комплекс.

12

Сигнатура — сумма характерных излучений воспринимаемых сканерами и сопоставимая с заранее известной картой распределения энергий какого-либо объекта. При пассивном сканировании датчики следящих устройств работают только на прием, регистрируя различные аномальные источники в спектре теплового, электромагнитного и иных излучений.

13

Экзоскелет — внешний скелет, обладает рядом защитных преимуществ, встречается в основном у насекомых.

14

Коммуникационные системы боевой экипировки имеют несколько каналов связи. Помимо общего, работающего постоянно, боец может отдельно связаться с командиром или другим членом боевой группы по персональному каналу.

15

Система метаболической коррекции — часть системы жизнеобеспечения. Предназначена для снятия стрессовых нагрузок, посредством подачи в кровь специально разработанных препаратов. Такое воздействие не может быть глубоким, чтобы не затормаживать реакции и не подавлять инстинкт самосохранения.

16

УРМ — Универсальный разведывательный механизм.